

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

Том 13 № 1 2017

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2017

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
Том 13 № 1 2017

Редакционный совет

- Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Российская Федерация)
Р. Лазей, профессор Университета Альберта (Канада)
Т. Номоконова, кандидат исторических наук Университета Альберта (Канада)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнэбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

- Главный редактор** – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.edu/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» – 31987

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНТУ», 2017

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT
TECHNOLOGIES

Scientific Journal

Vol. 13 No. 1 2017

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2017

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
Vol. 13 No. 1 2017

Editorial council

D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russian Federation)
R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)
T. Nomokonova, PhD, University of Alberta (Canada)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University of Railway Transport (Russian Federation)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Subscription index in the Catalog of the Russian Press «Pochta Rossii» – 31987

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

Address of the Publishers: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
Том 13 № 1 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Тетенькин А.В.** Комплекс 2–3 культурных горизонтов стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме..... 9
- Хоммел П.Н., Швеннингер Ж.-Л., Инешин Е.М., Ветров В.М.** Тестируемые времена: оценка радиоуглеродной хронологии раннего керамического производства на Усть-Каренге 31
- МакМэхэн Д.** Археологические исследования места кораблекрушения в 1813 г. корабля Русско-Американской компании «Нева», Ситка, Аляска 47

ИСТОРИЯ

- Сальникова Е.С.** Положения уголовных и политических ссыльных в Сибири во второй половине XIX века. Сравнительный анализ 67
- Каркотко А.Ю.** Генерал-майор князь Николай Александрович Кекуатов – не состоявшийся Георгиевский кавалер 75
- Ганин А.В.** Американская история полковника Чубакова 95
- Шекшеев А.П.** Вожаки крестьянского повстанчества на Енисее в начале 1920-х гг. 118
- Скорикова Н.А.** История планирования и застройки военного городка № 19 в Иркутске 132

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
Vol. 13 No. 1 2017

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

- Tetenkin A.V.** Complex of Cultural Horizons 2–3 of the Site Kovrizhka IV on Lower Vitim River 9
- Hommel P.N., Schwenninger J-L., Ineshin E.M., Vetrov V.M.** Testing Times: an Evaluation of the Radiocarbon Chronology for Early Ceramic Vessel Production at Ust'-Karenga..... 31
- McMahan D.** Archaeological Investigation of the 1813 Wreck Site of the Russian-American Company Ship NEVA, Sitka, Alaska 47

HISTORY

- Salnikova E.S.** The Situation of the Political and Criminal Deportees in Siberia in the Second Part of 19th Century. The Comparative Study 67
- Karkotko A.Yu.** Mayor-General Prince Nikolai Alexandrovich Kekuatoov – not Performed Georgiyevski Cavalier 75
- Ganin A.V.** American Story of Colonel Chubakov 95
- Sheksheev A.P.** Leaders of Peasant Rebellion on the Yenisei River in the Early 1920s..... 118
- Skorikova N.A.** History of Planning and Building of Military Settlement No. 19 in Irkutsk 132

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
Том 13 № 1 2017

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:

- история,
- археология,
- этнология.

Редколлегия

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
Vol. 13 No. 1 2017

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:

- history,
- archaeology,
- ethnology.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article

УДК 902.2(571.53/.55)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-9-30

КОМПЛЕКС 2–3 КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ СТОЯНКИ КОВРИЖКА IV НА НИЖНЕМ ВИТИМЕ

© **А.В. Тетенькин**

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Стоянка Коврижка IV исследуется с 2004 г. Археологические остатки 2–3-х культурных горизонтов по разным тафономическим причинам испытали значительные нарушения, однако, учитывая эти обстоятельства и идентичный облик каменных артефактов, объединены в единый археологический комплекс. На основании радиоуглеродного датирования его некалиброванный возраст определяется около 15,5–14,3 тыс. л. н. Коллекция составила свыше 4,5 тыс. единиц. Ведущими изделиями являются маргинально ретушированные отщепы – скребки, долотовидные и др. Регулярные клиновидные нуклеусы для производства микропластин не найдены. Отмечается наличие реберчатых и лыжевидных технических сколов с бифасов. Техничко-типологическая характеристика дана на фоне индустрий 6 и 2Б культурных горизонтов Коврижки IV. Публикуемый комплекс 2–3 к. г. характеризует ранний этап группы ансамблей верхнепалеолитического облика типа Авдеихи на Нижнем Витиме.

Ключевые слова: верхний палеолит, Витим, Коврижка IV, финальный плейстоцен, клиновидные микронуклеусы, ансамбли типа Авдеихи.

Формат цитирования: Тетенькин А.В. Комплекс 2–3 культурных горизонтов стоянки Коврижка IV на Нижнем Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 9–30. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-9-30

COMPLEX OF CULTURAL HORIZONS 2-3 OF THE SITE KOVRIZHKA IV ON LOWER VITIM RIVER

© **A.V. Tetenkin**

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

Site Kovrizhka IV is researched since 2004. Due to the several taphonomic reasons archaeological remains of cultural levels 2–3 were significantly disturbed, however based on these observations as well as the similarity of the stone artifacts of both levels there are jointed to the single archaeological unit. According to the radiocarbon dating it is addressed to 15,5–14,3 Kyr BP. Collection of artifacts is more than 4,500 items. The main tools are marginally retouched flakes – the endscrapers, chisels and others. Regular wedge-shaped microcores are absent. There are few crests and ski-spalls produced from bifaces. Technical-typological definition is made by comparing with stone industries of cultural horizons 6 and 2B of Kovrizhka IV. The published complex of cultural horizons 2–3 characterizes the early stage of the Avdeikha type of assemblages on lower Vitim River.

Keywords: Upper Paleolithic, Vitim River, Kovrizhka IV, Final Pleistocene, wedge-shaped microcores, Avdeikha Type Assemblages

Citation format: Tetenkin A.V. Complex of Cultural Horizons 2–3 of the Site Kovrizhka IV on Lower Vitim River. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 9–30. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-9-30

Введение

Исследования донеолитических местонахождений на Нижнем Витиме ведется с 1970-х гг., с раскопок Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой стоянок Авдеиха и Большая Северная (Мочанов, 1975; 1977; Аксенов и др., 2000). С 1985 по 1998 гг. Е.М. Инешиным раскапывалось многослойное местонахождение Большой Якорь I (Инешин, 1985; Инешин, Тетенькин, 2010). В 1992–2011 гг. Е.М. Инешиным и А.В. Тетенькиным исследовались местонахождения Инвалидный III, Мамакан IV (Инешин, Тетенькин, 2005; Тетенькин, 2014б). С 1995 г. автор ведет исследования ансамбля местонахождений Коврижка I–V (Тетенькин, 1996; 2000; 2010; 2014а; 2016а; 2016б). Среди них с 2012 г. на первый план вышла стоянка Коврижка IV. В ходе работ на этом памятнике выявлено свыше 15 уровней залегания культурных остатков, главным образом, в хорошо стратифицированных ситуациях ритмичнослоистых аллювиальных песков. После сезонов 2012, 2014–2016 гг. наиболее выразительными, количественно обеспеченными стали 6, 2Б и комплекс 2–3 культурных горизонтов. Работы по вводу в научный оборот, анализ и интерпретация их не окончены и ведутся (Тетенькин, 2016б; Тетенькин и др., 2016). Задача данной статьи – публикация материалов 2–3 культурных горизонтов, объединенных в один археологический комплекс.

Открытие Коврижки IV в 2004 г. состоялось с первых находок отщепов в кровле аллювия, отнесенных позднее к 3 культурному горизонту. Он раскапывался в течение сезонов 2007, 2009, 2010, 2012, 2014 и 2015 годов. В 2016 г. по 3 к. г. получена радиоуглеродная дата.

Геоморфологическая ситуация, стратиграфия, тафономия

Ансамбль археологических местонахождений Коврижка расположен в 15 км от

районного центра г. Бодайбо (Иркутская область), на правом берегу Витима (рис. 1). Коврижка входит в Мамаканский геоархеологический субрайон, характеризующийся наибольшей для Нижнего Витима концентрацией археологических местонахождений и наиболее полно изученный (Белоусов и др., 2002). В частности, Коврижка расположена в 2-х км ниже по течению Витима от опорного археологического объекта Большой Якорь I.

Археологический ансамбль Коврижка находится в долине нижнего течения Витима, в пределах центрального Бодайбинского прогиба Чая-Жуинской внутренней депрессии Байкало-Патомского нагорья (Золотарев, 1974); в 3-х км ниже по течению от устья левого витимского притока реки Мамакан. Название «Коврижка» он получил по одноименному топониму – выдающемуся в Витим скальному мысу. Этот мыс, по-видимому, сыграл позитивную роль в создании водной эрозионной тени для борта долины, следующего за ним ниже по течению. Отложения надпойменных террас, вмещающие культурные остатки, формировались в относительно спокойном режиме. Здесь долина Витима представляет собой переход от прижима к расширению борта. Участок долины, содержащий выделенные местонахождения Коврижка I–V, ограничен выше и ниже по течению ручьями. Верхний ручей наследует русло витимской протоки под скальным прижимом мыса Коврижки. Нижний ручей бежит в пределах обширного конуса выноса, являясь, очевидно, основным ныне агентом переноса пролювия.

Рельеф имеет ступенчатый профиль, нижние формы которого представлены 1-й (9–11-метровой), 2-й (17–19-метровой) и 3-й (22-метровой) надпойменными террасами (рис. 2). Выше – рыхлые отложения образованы склоновыми осадками, лежащими на цоколе. Ступенчатый характер бор-

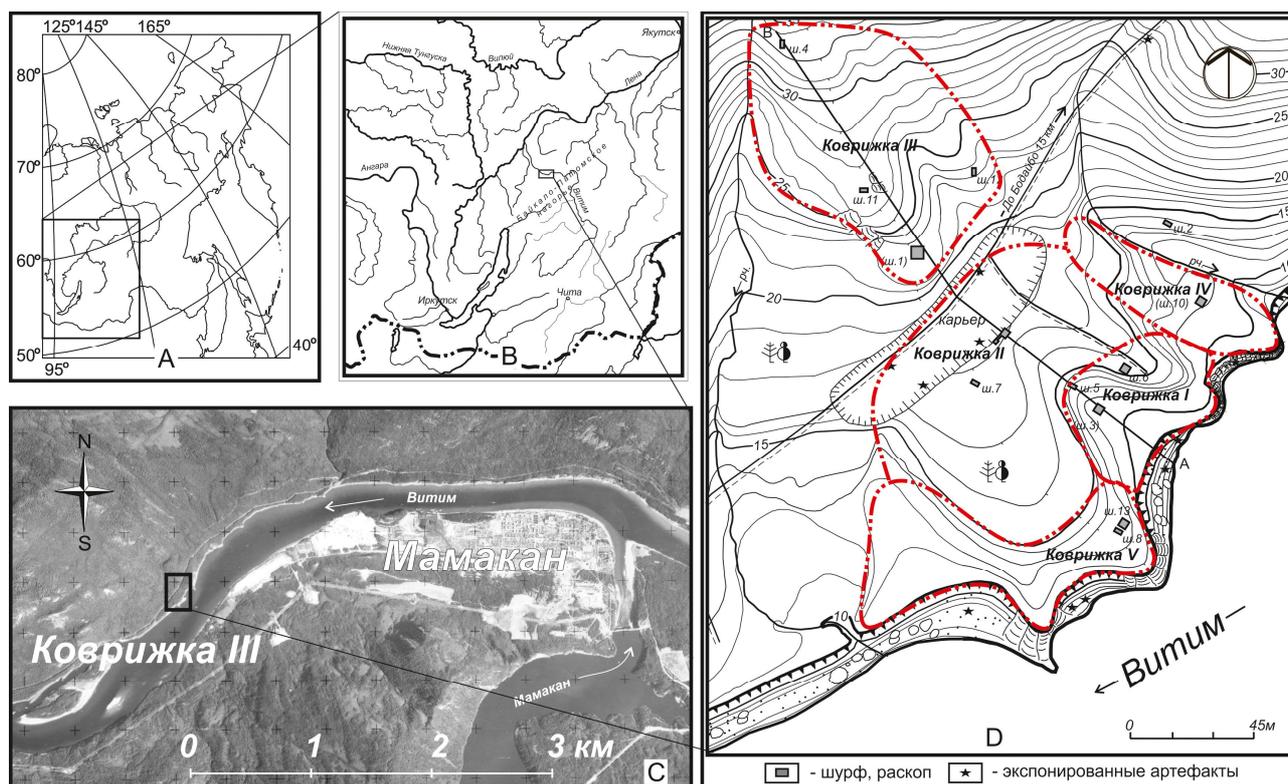

Рис. 1. Схемы местоположения ансамбля археологических памятников Коврижка I-V: А – схема Северо-Восточной Азии; В – схема южной части Средней Сибири; С – аэрофотоснимок Мамаканского участка долины Витима; D – топоплан местонахождений Коврижка I-V
Fig. 1. Schemas of the location of group of sites Kovrizhka I-V: A – scheme of the North-Eastern Asia, B – scheme of the Southern part of Middle Siberia, C – aerophoto of the Mamakan’s part of Vitim Valley, D – topographic scheme of the sites Kovrizhka I-V

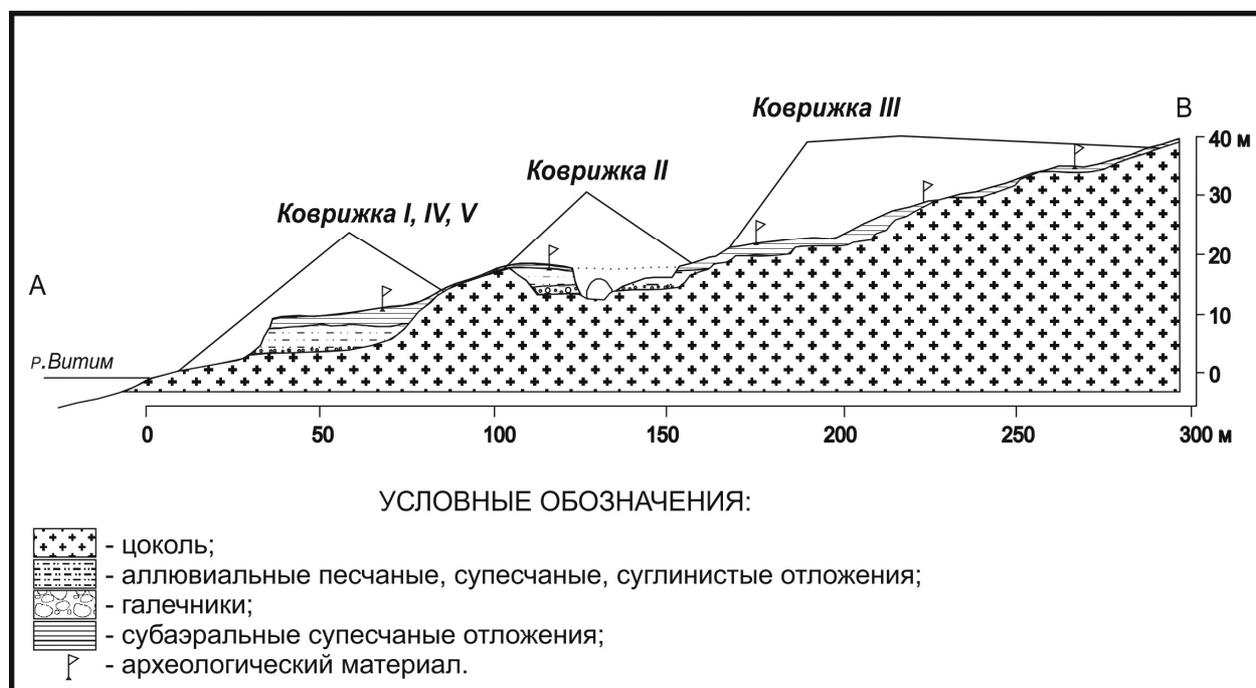

Рис. 2. Профиль правого борта долины Витима на участке местонахождений Коврижка I-V
Fig. 2. Profile of the right side of the valley of Vitim River on the locations of sites Kovrizhka I-V

та долины осложнен поперечным ложково-грядовым рельефом куэстового, по мнению геолога Е.Е. Кононова (Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск), происхождения: селективной денудацией моно-синклинально залегающих горных пород. Коренные отложения представлены амфибол-гнейсами и пегматитами.

Местонахождение Коврижка IV расположено на 9–11-метровой надпойменной террасе с цокольным основанием, представляющим собой куэст, выраженный в виде гребня или гривы, вычлененного ложками (рис. 1, 2, 3.1, 2). Местонахождение расположено на правом борту безымянного ручья, впадающего в р. Витим у мыса Коврижка (ниже по течению). Раскоп находится в 30 м вглубь (к северо-западу) от края террасы.

Общая мощность пройденных рыхлых отложений более 3,10 м. В северо-восточной части раскопа цоколь встречен на глубине 0,90 м, в южной – на глубине 1,20 м. Рыхлые отложения представлены пятью пачками сверху вниз (рис. 3.3, 5):

1. 1-я пачка – субаэральные склоноводлювиальные супесчаные отложения современного почвенного профиля, 1, 1А, 1Б, 2 к. г.; мощность 0,40–0,45 м.

2. 2-я пачка – ритмичнослоистые пески пойменной фации аллювия, отложенные в юго-восточной части террасы, ближней к Витиму, после ее размыва, вмещают 2А, 2Б к. г.; мощность 0,55–0,75 м.

3. 3-я пачка – ритмичнослоистые пески пойменной фации аллювия, уничтоженные в юго-восточной части террасы речной эрозией, 3, 3А, 3Б, 4, 5 к. г.; мощность 0,60–0,70 м; в верхней части слой монотонного темно-серого песка, вмещающий 3 к. г., имеет неровный, рваный контакт с отложениями почвенно-склонового генезиса (пачка 1).

4. 4-я пачка – ритмичнослоистые пески пойменной фации аллювия, уцелевшие при размыве отложений, 6, 7, 7А, 8 к. г.; мощность 0,10–1,0 м.

5. 5-я пачка – галечник русловой, мощность до 0,80 и более.

6. Цоколь – амфибол-гнейс, структура мономинклинально наклонная, плитчатая.

Подошва субаэральными отложениями солифлюцирована. В верхней части аллювиальных отложений пачки 3, в 3-м культурном горизонте наблюдается перемык. На глубину до 1,20 м отмечены ходы землеройных животных; мощность до 0,70 м и более. В юго-восточной площади раскопа выявлена ситуация размыва рекой аллювиальной пачки (пачка 3) культуровмещающих отложений выше уровня 6 к. г. и вложение аллювия нового цикла (пачка 2).

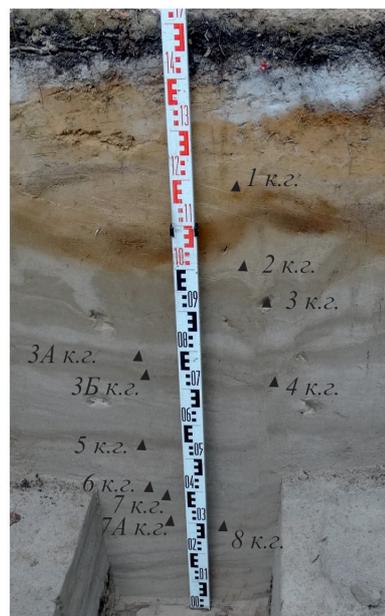
На глубине 0,45–0,70 м залегают культурные остатки, отнесенные нами к 2–3 к. г. (рис. 5, 6). В этом же диапазоне глубин проходит контакт нижнего почвенного горизонта В₂ и аллювиальных отложений, не захваченных процессом педогенеза. Ко 2-му культурному горизонту изначально были отнесены находки в белесовато-желтом песке (низ пачки 1). Ниже, в темно-сером неяснослоистом аллювиальном песке (пачка 3) был выделен 3-й культурный горизонт. В полосе квадратов 1, 2, 6, 7, 11, 12, 16, 17, 21, 22 (пикет 36) принятое стратиграфическое разделение работало, удалось вычленивать «рабочие площадки» из одиночных плит и скоплений дебитажки возле них в обоих культурных горизонтах (рис. 10). Однако в следующей полосе квадратов 3, 4, 8, 9, 13, 14, 18, 19, 23, 24 (пикет 36) ситуация осложнилась. Оказалось, что в этой приборочной части террасы культуровмещающие отложения имеют небольшой подъем и компрессию. Эту же закономерность подтверждают нивелировочные отметки находок всех культурных горизонтов. В итоге на этой линии стратиграфически разделить 2 и 3 культурные горизонты оказалось невозможно, формально почти все культурные остатки принадлежат 3 к. г. Построенный профиль находок также не помог (рис. 6). Причиной подъема отложений, компрессии у бровки и опускания вглубь от нее является близкое у бровки залегание цоколя – гребня куэста. Соответственно, в заполнении этого падения седи-

1

2

3

Рис. 3: 1, 2 – виды сверху и с юго-востока на местонахождение Коврижка IV; 3 – стратиграфическая колонка: фрагмент северо-западной стенки раскопа 2007–2015 гг.

Fig. 3: 1, 2 – views on the site Kovrizhka IV from the top and from the south-east, 3 – stratigraphic column: the fragment of north-western wall of the excavation area 2007–2015

менты формировали большую толщу и лучше стратифицированы.

Общей тафономической особенностью для 2–3 к. г. являются явные следы размыва водотоком культурных остатков. Большинство каменных артефактов найдено на ребре, т. е. в вертикальном или наклонном со-

стоянии. Как признак водного потока, в массе встречены и мелкие плоские овальные хорошо окатанные галечки, также большинство на ребре. В юго-восточной части раскопа 2007–2015 гг. остатки 2–3 к. г. уничтожены рекой.

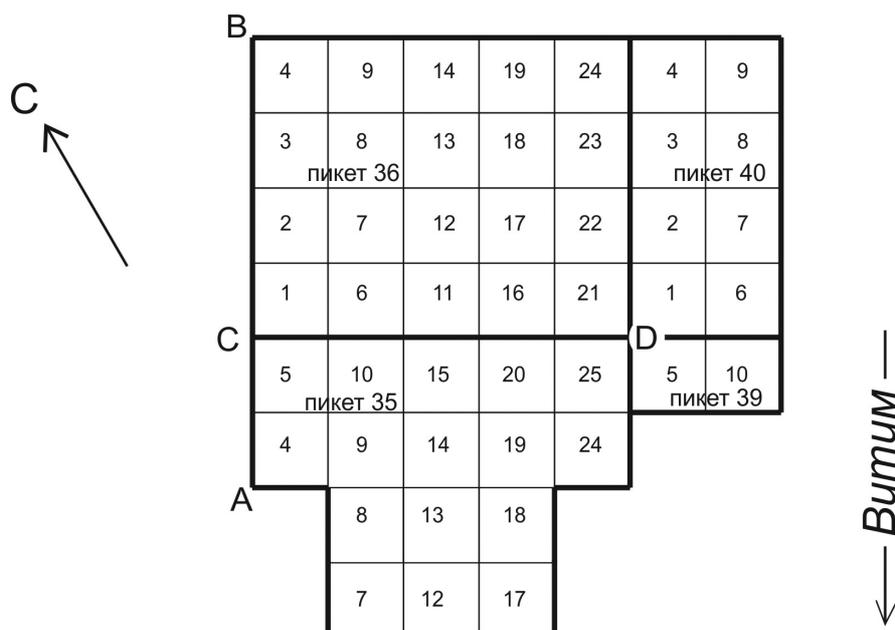

Рис. 4. Стоянка Коврижка IV. Схема нумерации квадратов раскопа 2007–2015 гг.:
A–B, C–D – стратиграфические разрезы (см. рис. 5)
Fig. 4. Site Kovrizhka IV Numbering scheme of squares of the excavation area of 2007–2015:
A–B, C–D – stratigraphy sections (see fig. 5)

В описании мы приводим отдельную характеристику 2 и 3 культурных горизонтов на тех участках, где они стратиграфически и по глубине залегания разделены, а затем приводим описание компрессионного участка, где оба уровня фиксировались вместе. Техничко-типологическая характеристика обоих к. г. идентична, поэтому характеристика индустрии 2–3 к. г. приводится совокупно.

Датировка комплекса 2–3 культурных горизонтов

Датированию 3-го культурного горизонта предшествовала серия AMS-дат по 6 и 2Б к. г. (Тетенькин и др., 2016). По 6 к. г. получены совпадающие даты по кости (коллагену), 15558±103 л. н. (Ua-50437), и углю (ива), 15740±100 л. н. (LTL-16562a) и 15750±60 (Beta – 453119). Следующая дата 14790±30 л. н. (UGAMS-27448) сделана по биоапатиту эмали зуба снежного барана (*Ovis nivicola*). Как нам представляется, она может быть омоложенной вследствие меньшей надежности датирующего материала (Zazzo, Saliège, 2011). Тем не менее, это плейстоценовая дата, хотя и возрастом

моложе предыдущих двух дат, возможно, на 1000 лет. В юго-восточной части местонахождения часть культуровмещающих отложений выше 6 к. г. была уничтожена паводком. Затем в размыв вложена новая пачка аллювия. В ее составе находятся 2А и 2Б культурные горизонты. По углю из 2Б к. г. получена дата 15320±100 л. н. (LTL-16563a). Исходя из полученных результатов, следует, во-первых, что размыв был между 15,5 и 15,3 тыс. л. н., во-вторых, если размыв уничтожил часть комплекса 2–3 к. г., то они должны быть не моложе 15,3 тыс. л. н. По биоапатиту эмали зуба снежного барана из пикета 44 – квадрата 7, из 3 к. г. получена дата 14290±30 л. н. (UGAMS-27447). Подтверждая плейстоценовый возраст в целом всей пачки аллювия на участке раскопа Коврижки IV, как представляется из приведенных выше соображений, она может быть омоложенной против действительного возраста, примерно, на 1000 лет. Таким образом, на основе результатов радиоуглеродного датирования возраст 3-го культурного горизонта оценивается на данный момент в пределах 15,5–14,3 тыс. л. н. Тафономические, стратиграфические и

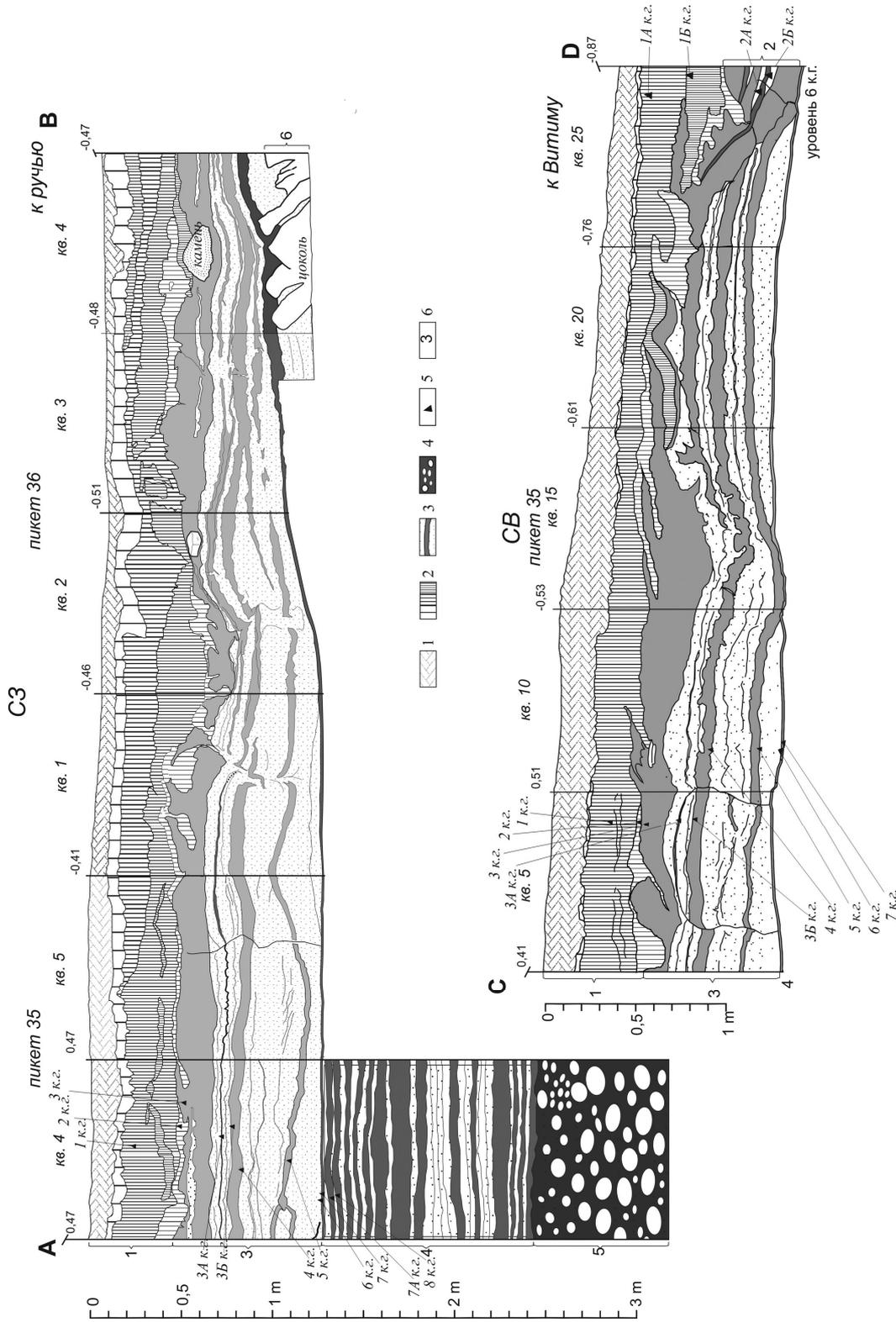

Рис. 5. Стоянка Коврижка IV: А–В – стратиграфический разрез продольный реке; С–D – стратиграфический разрез поперечный реке
 Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – сугеси подпочвенные, склоново-делювиальные; 3 – пески темно- и светло-серые слоистые;

4 – галечно-песчаная толща; 5 – артефакт, уровень залегания культурных остатков; 6 – номер папки отложений
Fig. 5. Site Kovrizhka IV: А–В – stratigraphic section longitudinal to the river; С–D – stratigraphic section transverse to the river.
 Symbols: 1 – modern soil, 2 – subsoil colluvium sandy loams, 3 – dark-grey and light-grey silty sands, 4 – pebble-gravel thickness, 5 – artifact, the level of bedding of cultural remains, 6 – number of the thickness of sediments

морфо-типологические наблюдения позволяют нам рассматривать 2 и 3 культурные горизонты как части единого археологического комплекса. Поэтому возрастное определение 3 к. г. мы переносим на весь комплекс 2–3 к. г.

2-й культурный горизонт

2-й культурный горизонт в плане представляет собой три массивных скальных обломка, расположенные по линии восток – запад в пикете 36 – квадратах 6, 12, 17 с примерно равным расстоянием между ними – около 1,0 метра (рис. 4, 7). Наибольшее количество находок обнаружено возле плиты в квадрате 17.

Коллекция состоит из 6 скребков, 1 долотовидного изделия, 6 сбитых лезвий, 1 отщеп с краевой нерегулярной ретушью, 1 нуклеидно оббитой гальки, 6 фрагментов микропластин, 2 фрагментов кости, 363 отщепов, в т. ч. 299 чешуек.

Все скребки изготовлены из отщепов. Один скребок – концевой ординарный (п. 35 – кв. 5 – № 3) (рис. 11.2), еще у одного скребка лезвие с конца заведено на правый край (п. 36 – кв. 12 – № 9) (рис. 11.6), у другого занимает позицию дуги от левого края к дистальному концу (п. 36 – кв. 17 – № 29) (рис. 11.7). Один скребок имеет лезвие по левому краю, заканчивающееся выделенным шипом (п. 36 – кв. 17 – № 8) (рис. 11.3). Еще один скребок имеет мелкую краевую амортизационную ретушь по дистальному концу (п. 36 – кв. 17 – № 5) (рис. 11.5). Следующий скребок изготовлен из подтреугольного скола. Его лезвие оформлено по самой длинной стороне условного треугольника (п. 36 – кв. 8 – № 1) (рис. 11.12).

Долотовидное орудие изготовлено из отщеп (п. 36 – кв. 6 – № 5) (рис. 11.4).

Сбитое лезвие имеет скребловидную форму (п. 36 – кв. 17 – № 44) (рис. 11.15). Орудие было изготовлено из первичного скола. Рабочий край выпуклый, обработан тщательно ретушью по дорсальному фасу и немного подработан по вентральному фасу.

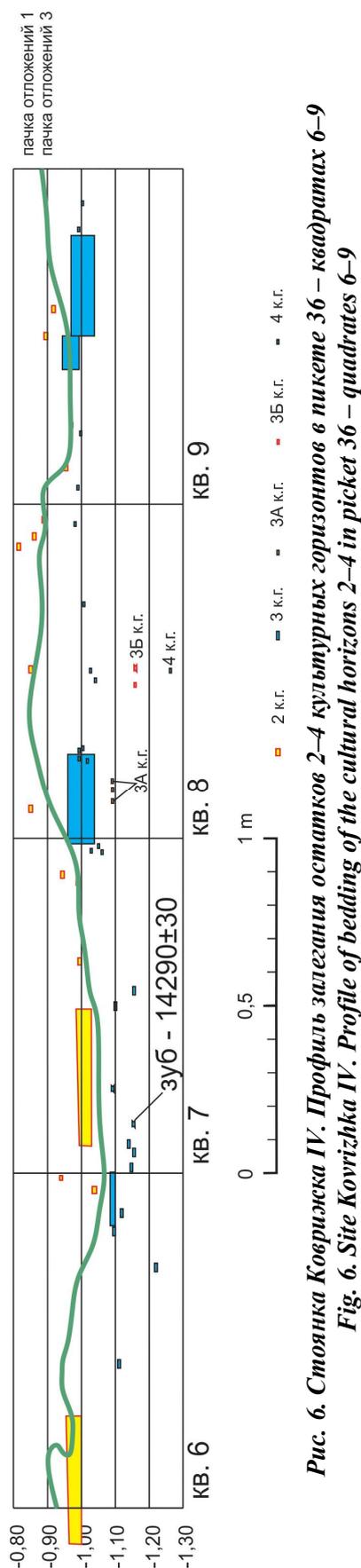

Рис. 6. Стоянка Коврижка IV. Профиль залегания остатков 2–4 культурных горизонтов в пикете 36 – квадратах 6–9
 Fig. 6. Site Kovrizhka IV. Profile of bedding of the cultural horizons 2–4 in picket 36 – quadrates 6–9

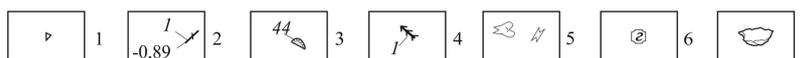
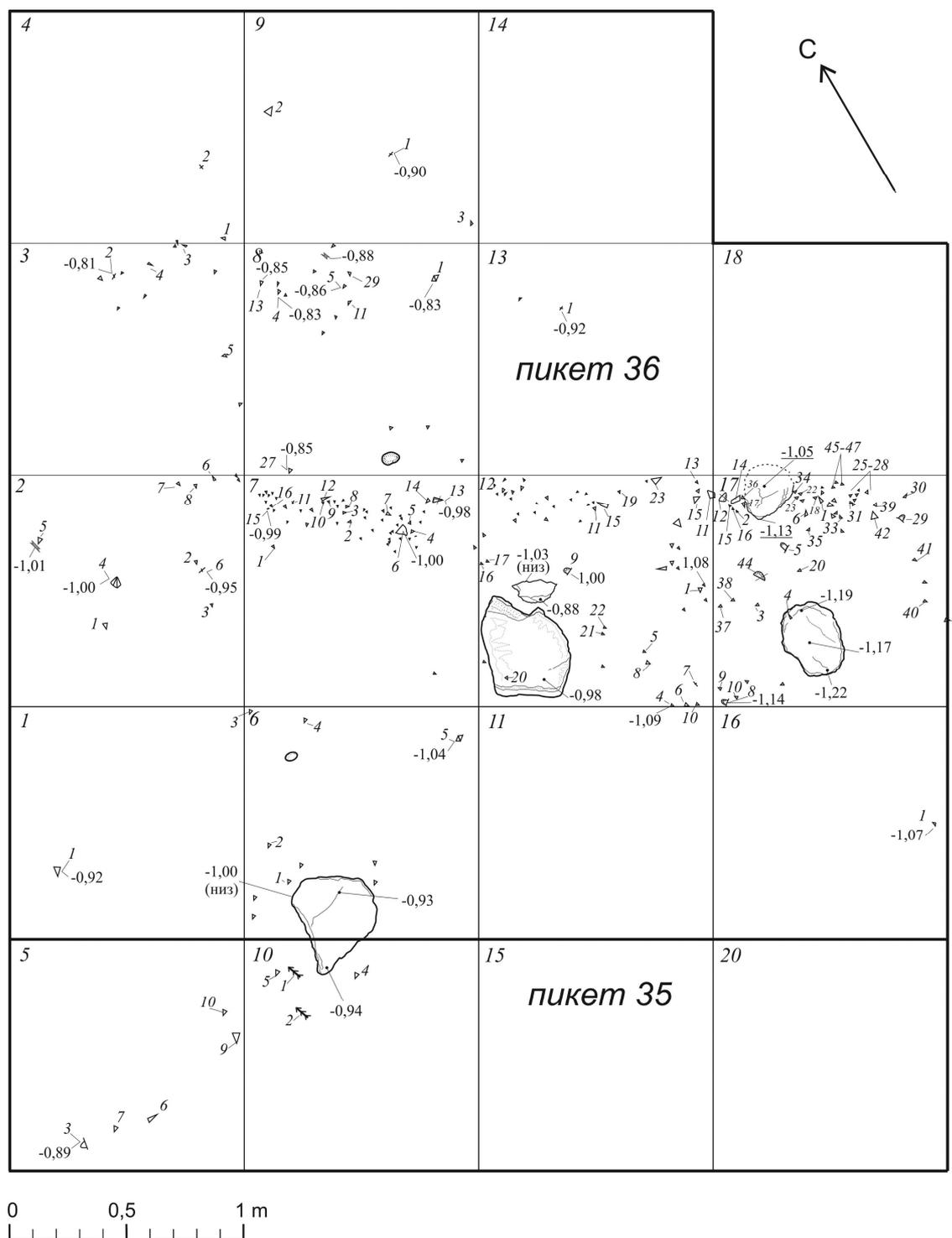

Рис. 7. Стоянка Коврижка IV. План 2 культурного горизонта. Условные обозначения:
 1 – отщеп; 2 – фрагментированная пластина с указанием номера находки и нивелировочной
 отметки глубины залегания от репера; 3 – орудие; 4 – реберчатый скол; 5 – зуб, кость;
 6 – гематит; 7 – скальный обломок

Fig. 7. Site Kovrizhka IV. Plan of the 2 cultural horizon. Symbols: 1 – flake; 2 – fragmented blade
 with the number of finding and number of the depth from the benchmark; 3 – tool; 4 – crest spall;
 5 – tooth, bone; 6 – hematite; 7 – rock chip

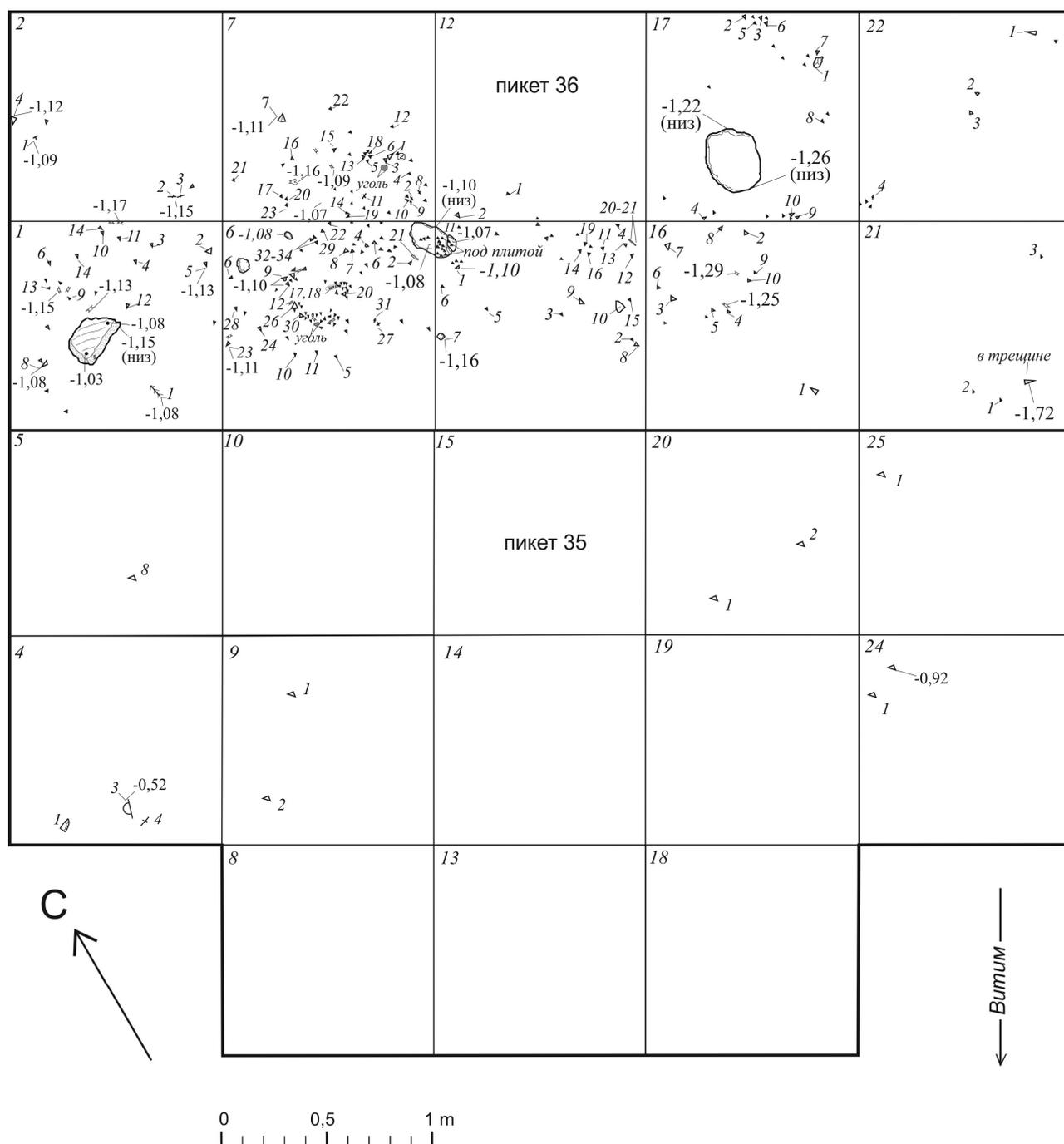

Рис. 8. Стоянка Коврижка IV. План 3 культурного горизонта. Условные обозначения те же, что на рис. 7

Fig. 8. Site Kovrizhka IV. Plan of the 3 cultural horizon. Symbols are the same as in fig. 7

Другой обломок лезвия имел бифасиальную основу.

3-й культурный горизонт

Выявлены три каменные плитки в пикете 36 квадратах 1, 6/11, 17 (рис. 8). Отмечается размыв культурного слоя. В резуль-

тате многие артефакты находились на ребре. Больше всего находок было вокруг средней из плиток, лежащей в квадратах 6/11. Рядом зафиксированы два пятна охры.

В коллекции: 5 скребков, 1 фронтальный скол с клиновидного нуклеуса, 3 фрагмента лезвия, 29 сегментов микропластин,

Коллекция 2–3 к. г. включает в себя: 6 скребков, 1 резец, 9 отщепов с краевой нерегулярной ретушью, 5 сбитых лезвий (21 орудие), 3 лыжевидных скола, 1 подживляющий скол с торцового нуклеуса, 1 бифас, 5 нуклеусов, в т. ч. 2 торцовых, 86 фрагментов пластин, 3475 отщепов, в т. ч. 2446 чешуек.

Общая статистика представлена в таблице.

Скребки. Скребок из отщеп подчетырехугольной формы имеет на левом дистальном углу закругленное скребковое лезвие с мелкой амортизационной ретушью и заметно закатанными краями (п. 36 – кв. 8 – № 14) (рис. 11.16). Правый край обработан бифасиально, однако следов утилизации не имеет.

Скребок из отщеп имеет концевое и левое боковое лезвия, оформленные крутой регулярной ретушью (п. 36 – кв. 3 – № 5) (рис. 11.10).

Еще один скребок из фрагмента скола имеет подтреугольный контур (п. 36 – кв. 3 – № 4) (рис. 11.11). Лезвие расположено на длинной стороне треугольника.

Следующий скребок имеет специфично высокую, ладьевидную форму (п. 36 – кв. 13 – № 44) (рис. 12.14). Лезвие оформлено крутой заломистой ретушью. Его край неровный. Лезвие занимает часть продольного края и торцовый край. На торцовом конце есть небольшой шип.

Отщеп с ретушью – скребок из плоского отщеп – имеет краевую ретушь на дистальном конце (п. 36 – кв. 13 – № 94) (рис. 11.9).

Галечный отщеп с амортизационной ретушью на поперечном (трансверсальном) слабовыпуклом дистальном краю – *скобель-струг* (?) (п. 36 – кв. 18 – № 1) (рис. 11.17).

Микронуклеусы. Одно изделие подтреугольной формы изготовлено из первичного отщеп (п. 36 – кв. 18 – № 6) (рис. 12.10). Одна сторона полностью сохраняет галечную поверхность, вся обработка произведена по вентральному фасу. Внешне изделие напоминает клиновидный нуклеус в самом начале расщепления с грубо обработанным гребнем, округлым дистальным концом, вогнутой ударной площадкой.

Количественная характеристика артефактов 2 и 3 культурных горизонтов стоянки Коврижка IV

Quantitative characteristics of artifacts of the cultural horizons 2 and 3 of site Kovrizhka IV

культ. гор. / cultural horizon	отщепы / flakes	фр-ты пластин / fragments of microblades	нуклеусы / cores	техн. сколы / technical spalls	орудия (в т. ч.): / tools, including:	скребки / end-scraper	бифасы / bifaces	долотовидные / chisels	отщепы с ретушью / Retouched flakes	лезвия / working edges
2	363	6	–	1	14	6	–	1	1	6
3	520	29	–	1	8	5	–	–	–	3
2 и 3 2 and 3	3475	86	5	4	22	6	1	–	9	5
всего / total	4358	121	5	6	44	17	1	1	10	14
итого: / total	4533									

1

2

Рис. 10. Стоянка Коврижка IV. Вид на фрагменты 2 и 3 культурных горизонтов (пикет 36 – квадраты 1, 6): 1 – вид сверху; 2 – вид с юго-запада

Fig. 10. Site Kovrizhka IV. View on the fragments of 2 and 3 cultural horizons (piket 36 – quadrats 1, 6): 1 – view from above, 2 – view from south-west

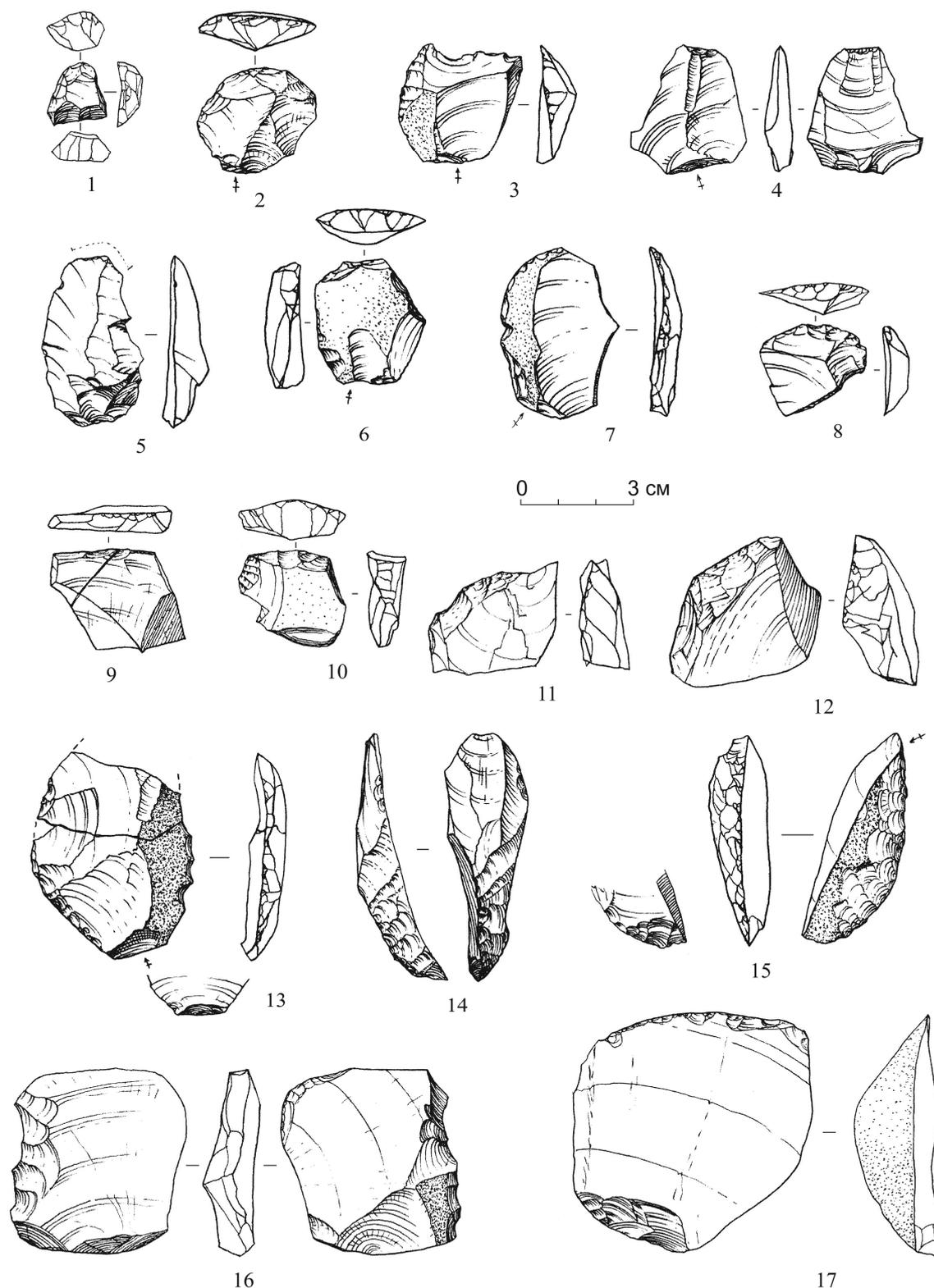

Рис. 11. Стоянка Коврижка IV. Изделия 2 и 3 культурных горизонтов: 1–3, 5–13 – скребки; 4 – долотовидное орудие; 14 – фронтальный скол с нуклеуса; 15 – слитое лезвие орудия; 17 – скол с рабочей ретушью; 1, 9–11, 13–15 – 3 культ. гор.; 2–7, 12, 16 – 2 культ. гор.; 17–18 – объединен. 2–3 культ. гор.

Fig. 11. Site Kovrizhka IV. Stone tools of 2 and 3 cultural horizons: 1–3, 5–13 – end-scrapers; 4 – chisel (pièce esquillée); 14 – frontal spall from the core; 15 – broken working edge; 17 – flake with the working retouch of usage; 1, 9–11, 13–15, 17–18 – 3 c. h.; 2–7, 12, 16 – 2 c. h.; 17–18 – combined 2–3 c. h.

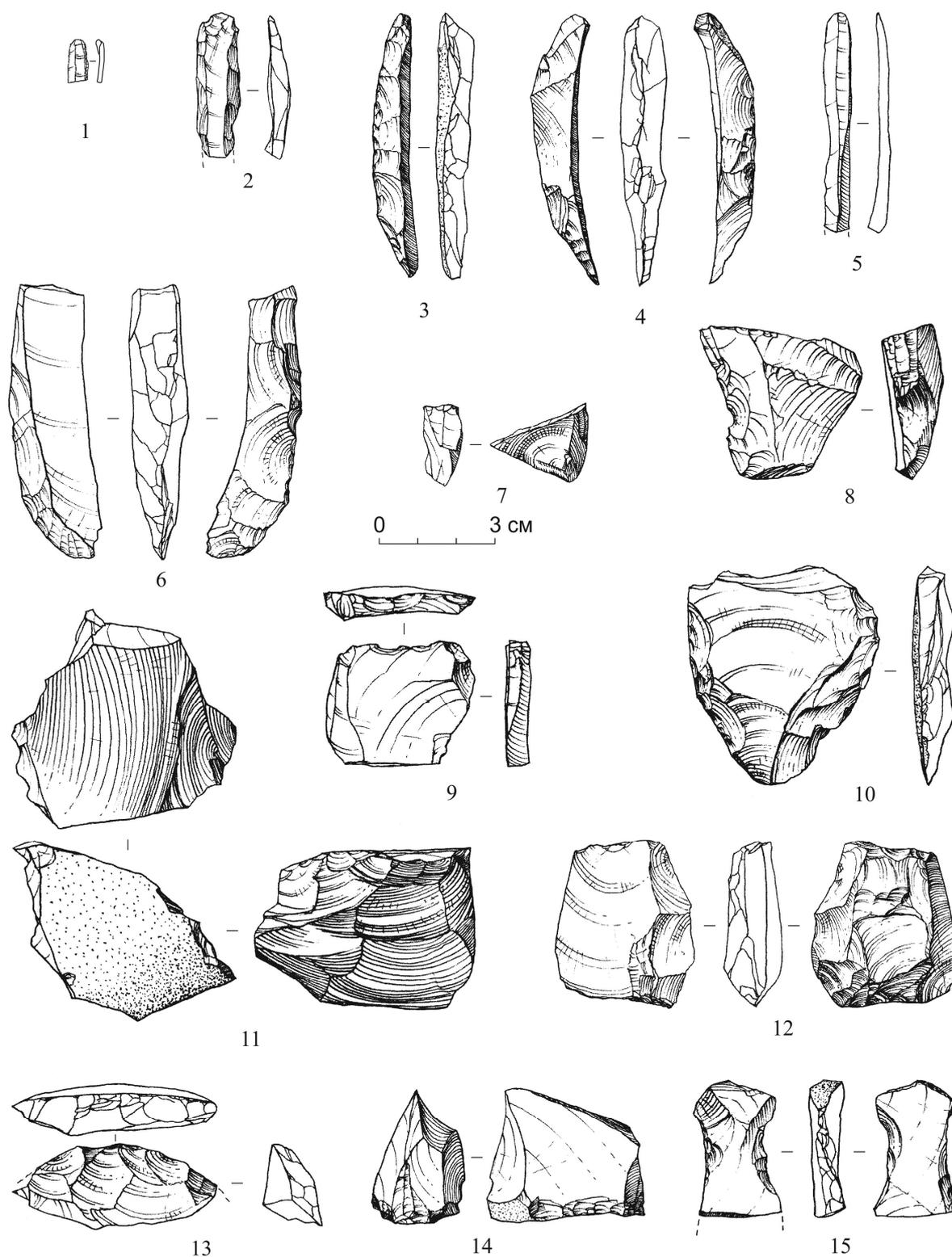

Рис. 12. Стоянка Коврижка IV. Изделия объединенного 2–3 культурного горизонта: 1 – вкладыш; 2 – лыжесвидный скол; 3, 13 – сколы лезвия; 4, 6 – продольные реберчатые сколы с бифаса; 5 – микропластина; 7–9 – изделия с торцовыми микропластинчатыми снятиями; 10 – заготовка клиновидного нуклеуса (?); 11–12 – нуклеусы; 14 – скребок; 15 – выемчатое (долотовидное) изделие

Fig. 12. Site Kovrizhka IV. Stone tools of combined 2–3 cultural horizon: 1 – used fragment of microblade (insert); 2 – ski spall; 3, 13 – broken working edges; 4, 6 – crest spalls from bifaces; 5 – microblade; 7–9 – cores (?) with the negatives of microblade removals; 10 – preform for wedge-shaped microcore (?); 11–12 – cores; 14 – end-scraper; 15 – chisel (pièce esquilée)

Край, за которым можно предположить фронтальный торец, изначально имел мелкую краевую скребковую ретушь. Половина его длины снесена краевым пластинчатым сколом.

Еще одно изделие с торцовыми микропластинчатыми снятиями также изготовлено из отщепы (п. 36 – кв. 23 – № 21) (рис. 12.9). Ударная площадка оформлена с латерали и с торца.

Третье изделие с микропластинчатыми негативами на торце также изготовлено из отщепы (п. 36 – кв. 13 – № 12) (рис. 12.8). Ударная площадка ровная, представлена поверхностью одного негатива, подправленная с торца одним коротким сколом. Торец имеет ретушно выделенную крупную выемку, один край которой перекрыт тремя микропластинчатыми сколами.

Следующее изделие с микропластинчатыми негативами изготовлено из подтреугольного отщепы без какой-либо подготовки площадки, латералей и кия (п. 36 – кв. 8 – № 211) (рис. 12.7).

Технические сколы. Лыжевидные сколы сбиты с бифасов (п. 36 – кв. 8 – № 192); (п. 36 – кв. 8 – № 61); (п. 36 – кв. 8 – № 59) (рис. 12. 2).

Краевые реберчатые сколы с бифасов (п. 36 – кв. 8 – № 46) (рис. 12.6); (п. 36 – кв. 8 – № 177–178) (рис. 12.4). Один такой скол имеет длину 7,1 см. У второго скола проксимальный конец отсутствует, остаточная его длина – 7,4 см.

Сбитые лезвия. Два сбитых унифасиальных лезвия с регулярной ретушью (п. 36 – кв. 9 – № 69) (рис. 12.3); (п. 36 – кв. 23 – № 16).

Фигурное изделие из отщепы имеет две выемки, образующие перехват (п. 36 – кв. 18 – № 33) (рис. 12.15). Две половины длины одной из выемок оформлены ретушью с противоположных сторон, в результате ребро имеет подкрученный профиль. Один конец обломан. Мелкая амортизационная ретушь на обоих выемчатых краях позволяет видеть в них скорее своеобразные лезвия типа *pièce esquillée*, нежели края черешка утраченного орудия.

Галечный нуклеус изготовлен из расколотой поперек гальки (п. 36 – кв. 9 – № 1) (рис. 12.11). Ударная площадка сохранила поверхность раскола, дистальный конец и левая латераль несут галечную корку. Во фронт обращен слабовыпуклый узкий конец остаточной шириной 4,5 см. Насчитано не менее 7 коротких отщеповых снятий.

Как нуклеус мы определяем и следующий бифас (п. 36 – кв. 8 – № 73) (рис. 12.12). Обе его стороны полностью покрыты негативами снятий. Один фас, более плоский, несет негативы трех широких коротких сколов с латерали и одного широкого и удлиненного отщепового снятия. Ударная площадка скошена и фасетирована мелкими негативами. Дистальное ребро несет множественные негативы забитости. Из этого, возможно, следует, что нуклеус использовался позднее как долотовидное орудие. Выдающиеся ребра изделия заложены.

Пластины. Из всей серии микропластин обращают на себя внимание две. Одна из них является проксимальным сегментом с мелкой регулярной притупляющей ретушью по левому краю (п. 36 – кв. 13 – № 107) (рис. 12.1). По сути, это *вкладыш*. Он изготовлен из крапчатого коричневатосерого кремня, экзотичного для 3 культурного горизонта. Длина вкладыша – 1,1 см, ширина – 0,5 см.

Вторая пластина из традиционного для комплекса зеленовато-серого порфирита имеет выдающуюся длину 5,3 см при ширине до 0,7 см (п. 36 – кв. 13 – № 47) (рис. 12.5).

Выводы

Ансамбль 2–3 культурных горизонтов стал третьим представительным комплексом на Коврижке IV после 6 и 2Б культурных горизонтов. Его совокупная коллекция каменных артефактов составляет более 4,5 тыс. единиц. Третьим же комплексом он является и на Витиме в возрастном отрезке 14–16 тыс. л. н., т. е. в группе стоянок хронологически более древних, чем стоянки – культурные горизонты опорного памятника Большой Якорь I (Инешин, Тетенькин,

2010). 6-й и 2Б культурные горизонты Коврижки IV, таким образом, составляют ближний корреляционный фон. Подходя к сравнению комплекса 2–3 к. г. с ними, в первую очередь, надо брать во внимание характер серьезных нарушений, выпавших на его долю. Этот комплекс «пережил» палимпсест компрессии культурных остатков, размыв, воздействие процессов педогенеза и склонового движения. Мы не зафиксировали в нем выраженных очажных структур; лишь в одном случае встречены небольшие пятна охры у плитки, единичны костные остатки. «Стандартным» планиграфическим «модулем» являются гранитные и гнейсовые неокатанные обломки в роли наковален или рабочих столиков (рис. 7, 8, 9). Вероятно, их можно оценить как индивидуальные рабочие места. К ним приурочен весь дебитаж. Интересно отметить, что ни одного окатанного валуна не найдено.

Общая оценка индустрии двойственная. С одной стороны, краевые сколы с бифасов и продольные сколы 2-го порядка (т. е. лыжевидные), сбитые лезвия с регулярной ретушью и фасиальной обработкой указывают на тщательно выделанные изделия, не найденные в целом виде. С другой стороны, все имеющиеся целые изделия – это, по большому счету, отщепы и сколы различной формы с краевой ретушью, классифицируемые как скребки, долотовидные, изделия с торцовыми микропластинчатыми сколами. Их дополняют отщепы с краевой амортизационной ретушью.

Изделия с торцовыми микропластинчатыми снятиями, пожалуй, составляют одну из выразительных черт технико-типологического портрета этой индустрии (рис. 12.7, 8, 9). Интерес к ним состоит в нетипичности найденных предметов как клиновидных нуклеусов. Нет обычной для последних подготовки кия и гребня. Неформатны и негативы микропластинчатых снятий: они недлинны, искривлен их профиль. Присутствие бифасов и клиновидных нуклеусов лишь угадывается по техническим сколам и отдельным микропластинам, одна из которых имеет длину 5,3 см, а дру-

гая представляет собою сегмент длиной 1,1 см из качественного цветного кремня, имеющий амортизационные следы по краю, несомненно, принесенный на стоянку вместе с оружием.

Таким образом, регулярных клиновидных нуклеусов из бифасов, с ударной площадкой, оформленной с латерали, характерных для 6 и 2Б к. г. Коврижки IV, здесь не найдено. На типичную для Большого Якоря I технику юбецу в редуцировании бифаса и подготовке нуклеуса здесь имеется лишь намек в виде реберчатых сколов и следующих за ними технических сколов второго порядка, т. н. лыжевидных (Инешин, 1993; Инешин, Тетенькин, 1995; 2006; 2010).

Галечные отщеповые нуклеусы представлены одним подпризматическим (рис. 12.11) и одним биплощадочным, расщеплявшимся в технике *pièce esquillée* (рис. 12.12). Последняя довольно широко представлена в 6 и 2Б к. г.

Нет в комплексе 2–3 к. г. Коврижки IV типичных для позднего палеолита Восточной Сибири и хорошо представленных в ансамблях 2 и 3 к. г. Коврижки III, 3, 4, 4А к. г. Коврижки II чопперов, скребел, зубчато-выемчатых, комбинированных изделий, резцов (Тетенькин, 2010; 2016а). Отсутствуют различные приемы фрагментации заготовки и ее вторичной обработки, в частности, удаления проксимального конца, подтески ударного бугорка, бифасиальной подтески узкого края. Едва ли не единственным узнаваемым коррелятом является галечный отщеп с амортизационной ретушью на поперечном (трансверсальном) слабовыпуклом дистальном краю, соотносимый с материалами Коврижки II (Тетенькин, 2010. Рис. 11.3, 14.2).

Названные отличия – отсутствие ряда категорий орудий при преобладающей доли морфологически не выразительных скребков, отсутствие регулярных микронуклеусов, небольшая доля микропластин, по нашему мнению, скорее отражают особую функциональную, т. е. хозяйственную, деятельностьную специфику 2–3 к. г. как со-

хранившихся фрагментов стоянок. Однако в силу тафономических причин достаточно обоснованно судить о функции эпизодов обитания уровня 2–3 к. г. затруднительно. Благодаря представительности коллекции возможна технико-типологическая (морфотипологическая) оценка. В основных признаках первичного расщепления местного галечного сырья для получения отщепа как

основной формы орудия, эксплуатации бифасов, в том числе и в роли преформ для клиновидных нуклеусов, микропластичатого производства комплекс 2–3 к. г. находит место в группе ансамблей верхнепалеолитического облика типа Авдеихи (Тетенькин, 2011), датируемых на Нижнем Витиме в интервале 15,7–8,2 тыс. л. н., внося свой вклад в характеристику раннего ее этапа.

Статья поступила 18.01.2017 г.

Article was received in January, 18, 2016

Библиографический список

Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 1. С. 4–35.

Белоусов В.М., Инешин Е.М., Сулержицкий Л.Д., Тетенькин А.В. Модель формирования рельефа Мамаканского геоархеологического субрайона // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 21–42.

Золотарев А.Г. Байкало-Патомское нагорье // Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. М.: Наука, 1974. С. 241–297.

Инешин Е.М. Некоторые итоги и задачи изучения археологических памятников нижнего Витима // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока : тез. док. к XXV Региональной археологической студенческой конференции. Иркутск, 1985. С. 100–102.

References

Aksenov M.P., Vetrov V.M., Ineshin E.M., Teten'kin A.V. *Istoriya i nekotorye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v basseine r. Vitim (Vitimskoe ploskogor'e i Baikalo-Patomskoe nagor'e)* [History and some results of the archaeological researches in the basin of Vitim River]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Antiquities of the Baikalian Siberia]. Irkutsk, Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2000. Iss. 2. Part 1. Pp. 4–35.

Belousov V.M., Ineshin E.M., Sulerzhitskii L.D., Teten'kin A.V. *Model' formirovaniya rel'efa Mamakanskogo geoarkheologicheskogo subraiona* [The model of formation of the relief of Mamakan's geoarchaeological sub-region]. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie* [Archaeological heritage of the Baikalian Siberia: research, preservation and usage]. Irkutsk, 2002. Iss. 2. Pp. 21–42.

Zolotarev A.G. *Baikalo-Patomskoe nagor'e* [Baikalo-Patom's highland]. *Nagor'ya Pribaikal'ya i Zabaikal'ya* [Highlands of Cisbaikalia and Transbaikalia]. Moscow, Nauka Publ., 1974. Pp. 241–297.

Ineshin E.M. *Nekotorye itogi i zadachi izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov nizhnego Vitima* [Some results and goals for the research of archaeological sites of the lower Vitim River]. *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Tezisy докладов k XXV Regional'noi arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii* [Problems of archaeology of the Siberia and Far East. XXV Regional Archaeological Student Conference]. Irkutsk, 1985. Pp. 100–102. (In Russian)

Инешин Е.М. Деятельностный подход к изучению планиграфии археологического памятника Большой Якорь // Исторический опыт освоения Восточных районов России : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. С. 61–64.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии : сборник научных трудов / под ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 96–104.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 120–158.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1977. 264 с.

Ineshin E.M. *Deyatel'nostnyi podkhod k izucheniyu planigrafii arkheologicheskogo pamyatnika Bol'shoi Yakor'* [Human Activity Approach to study of planigraphy of the site Bol'shoi Yakor']. *Istoricheskii opyt osvoeniya Vostochnykh raionov Rossii. Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The historical experience of the development of the eastern regions of Siberia. Abstracts of reports of the International Conference]. Vladivostok, 1993. Pp. 61–64. (In Russian)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. *Problemy izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov rannego golotsena na Nizhnem Vitime* [The problems of research of the Early Holocene sites on Lower Vitim River]. *Sotsiogenez v Severnoi Azii. Sbornik nauchnykh trudov, pod red. A.V. Kharinskogo* [Sociogenesis in the Northern Asia. Collection of scientific works, edited by A.V. Kharinsky]. Irkutsk, Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2005. Part 1. Pp. 96–104. (In Russian)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. *Kamennyi i kostyanoi inventar' kul'turnykh gorizontov arkheologicheskogo mestonakhozhdeniya Bol'shoi Yakor' I: syuzhety morfologicheskoi i funktsional'noi kharakteristiki* [Stone and bone implements of the cultural horizons of site Bol'shoi Yakor' I: cases of morphological and functional definition]. *Izvestiya Laboratorii drevnykh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. Irkutsk, Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2006. Iss. 4. Pp. 120–158. (In Russian)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. *Chelovek i prirodnaya sreda severa Baikalskoi Sibiri v pozdnem pleistotsene. Mestonakhozhdenie Bol'shoi Yakor' I* [Human and environment in the North of Baikalian Siberia in Late Pleistocene. Archaeological site Bol'shoi Yakor' I]. Novosibirsk, Nauka publ., 2010. 270 p.

Mochanov Yu.A. *Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii* [Earliest stages of human occupation of the North-Eastern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1977. 264 p.

Мочанов Ю.А. Стратиграфия и абсолютная хронология палеолита Северо-Восточной Азии (по данным работ 1963–1973 гг.) // Якутия и ее соседи в древности. Якутск : ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 9–31.

Тетенкин А.В. Коврижка – новый многослойный объект Нижнего Витима // Археология и палеоэкология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч. 1. С. 104–107.

Тетенкин А.В. Исследования многослойного объекта Коврижка на Нижнем Витиме // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 1. С. 117–146.

Тетенкин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 64–134.

Тетенкин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 94–95.

Mochanov Yu.A. *Stratigrafiya i absolyutnaya khronologiya paleolita Severo-Vostochnoi Azii (po dannym rabot 1963–1973 gg.)* [Stratigraphy and radiocarbon chronology of Paleolithic of the North-Eastern Asia (upon the works in 1963–1973)]. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti* [Yakutia and its neighbors in the Past]. Yakutsk, *Yakutskii filial Sibirskogo ot-deleniya Akademii nauk SSSR* [Yakutian branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of USSR], 1975. Pp. 9–31.

Teten'kin A.V. *Kovrizhka – novyi mnogoslainyi ob"ekt Nizhnego Vitima* [Kovrizhka – the new multilayered site on Lower Vitim River]. *Arkheologiya i paleoekologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archeology and paleoecology of Siberia and Far East]. Irkutsk, 1996. Part 1. Pp. 104–107. (In Russian)

Teten'kin A.V. *Issledovaniya mnogoslainogo ob"ekta Kovrizhka na Nizhnem Vitime* [Studies of the multilayered site Kovrizhka on Lower Vitim River]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Baikalian Siberia in the Past]. Irkutsk, *Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ.* 2000. Iss. 2. Part 1. Pp. 117–146. (In Russian)

Teten'kin A.V. *Materialy issledovaniya ansamblya arkheologicheskikh mestonakhzhdenii Kovrizhka na Nizhnem Vitime (1995–2009 gg.)* [The data of researches of the assemblage of archaeological sites Kovrizhka on Lower Vitim River (1999–2009)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. Irkutsk, *Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ.*, 2010. Iss. 8. Pp. 64–134. (In Russian)

Teten'kin A.V. *Problema opredeleniya arkheologicheskoi spetsifiki Baikalo-Patomskogo nagor'ya v kontse pleistotsena – pervoi polovine golotsena* [Problem of definition of archaeological specifics of the Baikalo-Patoms highland in the Final Pleistocene – Early Holocene]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. I.* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, 2011. Vol. 1. Pp. 94–95. (In Russian)

Тетенькин А.В. Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014а. Т. 1. С. 163–168.

Тетенькин А.В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2014б. № 4 (12). С. 9–26.

Тетенькин А.В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // *Stratum plus*. 2016а. № 1. С. 265–315.

Тетенькин А.В. Результаты исследований многослойного геоархеологического местонахождения Коврижка IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Междунар. науч. конф. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016б. С. 94–98.

Тетенькин А.В., Анри О., Жакье Дж., Клементьев А.В., Уланов А.А. Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015–2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИРНТУ, 2016. № 4 (21). С. 9–18. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-9-18

Teten'kin A.V. *Stoyanka Kovrizhka III v arkheologii Nizhnego Vitima i Baikalo-Patomskogo nagor'ya* [Site Kovrizhka III in the archaeology of Lower Vitim River and Baikalo-Patom's Highland]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan', Otechestvo Publ., 2014a. Vol. 1. Pp. 163–168. (In Russian)

Teten'kin A.V. *Geoarkheologicheskoe mestonakhozhdenie epokhi pozdnego paleolita Mamakan VI na Vitime* [Geoarchaeological site of the Upper Paleolithic Mamakan VI on Vitim River]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. Irkutsk, Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2014b. No. 4 (12). Pp. 9–26. (In Russian)

Teten'kin A.V. *Mnogosloynyi pamyatnik Kovrizhka III na Nizhnem Vitime* [Multilayered site Kovrizhka III on Lower Vitim River]. *Stratum plus* [Stratum plus]. 2016a. No. 1. Pp. 265–315. (In Russian)

Teten'kin A.V. *Rezul'taty issledovaniy mnogosloynogo geoarkheologicheskogo mestonakhozhdeniya Kovrizhka IV na Nizhnem Vitime v 2014–2015 gg.* [Results of research of the multilayered geoarchaeological site Kovrizhka IV on Lower Vitim River in 2014–2015]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii : v 2 t. T. 1* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikalian Siberia and Northern China. Proceedings of the VII International Scientific Conference: in 2 volumes. Vol. 1]. Krasnoyarsk, Sibirskii Federal'nyi universitet, 2016b. Vol. 1. Pp. 94–98. (In Russian)

Teten'kin A.V., Anri O., Zhak'e Dzh., Klement'ev A.V., Ulanov A.A. *Issledovaniya novogo paleoliticheskogo kompleksa kul'turnogo gorizonta 2B stoyanki Kovrizhka IV na Vitime v 2015–2016 gg. (predvaritel'noe soobshchenie)* [Researches of the new Paleolithic complex of cultural horizon 2B of site Kovrizhka IV on Vitim River in 2015–2016 (preliminary report)]. *Izvestiya Laboratorii drev-*

Zazzo A. Saliège J.-F. Radiocarbon dating of biological apatites: A review // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. #310. 2011. P. 52–61.

Сведения об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: altet@list.ru

Критерии авторства

А.В. Тетенькин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

nikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]. Irkutsk, Irkutskogo natsional'nogo issledovatel'skogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2016. № 4 (21). Pp. 9–18. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-9-18 (In Russian)

Zazzo A. Saliège J.-F. Radiocarbon dating of biological apatites: A review // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. #310. 2011. P. 52–61.

Information about the author

Aleksey V. Tetenkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Researcher Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation, e-mail: altet@list.ru

Attribution criteria

Tetenkin A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation and prepared the manuscript, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 902

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-31-46

TESTING TIMES: AN EVALUATION OF THE RADIOCARBON CHRONOLOGY FOR EARLY CERAMIC VESSEL PRODUCTION AT UST'-KARENGA

© P.N. Hommel^{*}, J-L. Schwenninger^{**}, E.M. Ineshin^{***} and V.M. Vetrov^{***}

^{*} Institute of Archaeology, University of Oxford,
36 Beaumont Str., Oxford, OX12PG, UK.

^{**} Research Laboratory for Archaeology and the History of Art, University of Oxford,
Dyson Perrins Building, South Parks Road, Oxford, OX13QY, UK.

^{***} Pedagogical Institute of Irkutsk State University,
9, Sukhe-Batora Str., Irkutsk, 664011, Russian Federation.

This paper presents the initial results of a new phase of absolute dating at Ust'-Karenga. Three Optically-Stimulated Luminescence (OSL) dates were obtained on quartz grains extracted from Ust'-Karenga type ceramic sherds from Layers 4, 6 and 7 at Ust'-Karenga XII. These dates are used to test the reliability of the existing radiocarbon sequence and evaluate counter claims that sought to reject early dates for ceramics in the Transbaikal on the basis of a putative carbon cycle anomaly in the Transbaikal region. Our results strongly uphold the excavator's original interpretation of the site and independently confirm both the Late Pleistocene age and the long duration of the Ust'-Karenga pottery phase. The paper demonstrates the value of using independent absolute dating methods to test contested radiocarbon chronologies.

Keywords: Late Pleistocene pottery, Hunter-gatherers, OSL, Luminescence dating, Chronological resolution

Citation format: Hommel P.N., Schwenninger J-L., Ineshin E.M., Vetrov V.M. Testing Times: an Evaluation of the Radiocarbon Chronology for Early Ceramic Vessel Production at Ust'-Karenga. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 31–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-31-46

ТЕСТИРУЕМЫЕ ВРЕМЕНА: ОЦЕНКА РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ РАННЕГО КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА УСТЬ-КАРЕНГЕ

© П.Н. Хоммел^{*}, Ж.-Л. Швеннингер^{**}, Е.М. Инешин^{***}, В.М. Ветров^{***}

^{*} Институт археологии, Оксфордский университет,
36 Beaumont St, Oxford, OX12PG, UK.

^{**} Исследовательская лаборатория археологии и истории искусств, Оксфордский университет,
Dyson Perrins Building, South Parks Road, Oxford, OX13QY, UK.

^{***} Педагогический институт Иркутского государственного университета,
Российская Федерация, 664011, Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9.

Эта статья представляет результаты новой фазы абсолютного датирования Усть-Каренги. Три оптико-стимулированных люминесцентных (ОСЛ) даты были получены из кварцевых зерен, извлеченных из фрагментов керамики усть-каренгского типа из культурных горизон-

тов 4, 6 и 7 стоянки Усть-Каренга XII. Три даты были использованы для проверки валидности существующей радиоуглеродной серии дат и оценки встречных возражений, стремящихся отклонить ранние даты на основе предполагаемой аномалии углеродного цикла в Забайкалье. Наши результаты однозначно поддерживают оригинальную исследовательскую интерпретацию памятника и независимо подтверждают как позднеплейстоценовый возраст, так и длительность существования фазы усть-каренгской керамики. Статья демонстрирует ценность использования методов независимого абсолютного датирования для верификации радиоуглеродных хронологий.

Ключевые слова: позднеплейстоценовая керамика, охотники-собиратели, ОСЛ, люминесцентное датирование, хронологическое решение.

Формат цитирования: Хоммел П.Н., Швеннингер Ж.-Л., Инешин Е.М., Ветров В.М. Тестируемые времена: оценка радиоуглеродной хронологии раннего керамического производства на Усть-Каренге // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 31–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-31-46

The Lure of Origins

Today, it seems clear that across much of Eurasia, North Africa, and parts of the New World, the initial development and spread of ceramic vessel technology occurred almost entirely within societies of hunter-gatherers (van Berg and Cauwe 2000; Jordan and Zvebil 2009; Jordan *et al.* 2016). Yet, while *this* fact is now widely accepted, there has been a general reluctance to abandon the long standing significance of ceramic as a marker of particular social, political, and behavioural transformations in prehistoric societies (Hommel 2014; in press). By maintaining the traditional interpretive value of pottery, the emergence of this versatile craft has remained central to many developmental schemes and its chronology highly contentious.

In many cases, early dates for ceramics, once published, are accepted or rejected by scholars with no clear rationale on either side. As a result, across Eurasia, key assemblages from this early phase of hunter-gather pottery production hang suspended in space without a generally accepted chronological context. The confusion that results from this continuous wrangling over dates makes it difficult to consider any broader patterns and, at a local level, effectively stifles discussions about the character of early pottery and its place in the lives of the people who made and used it. For a scientific discipline like archaeology, this is not a position that can endure.

Opposition to existing chronologies usually crystallises around the security of association between radiocarbon dates and the ceramic material they purport to date, and in many cases, this is a justifiable concern. Researchers have attempted to bypass the problem by directly radiocarbon dating surface residues or organic ‘temper’ from within the ceramics themselves, these approaches come with their own challenges. More importantly – at least for the purposes of this article – the testing of existing radiocarbon data with new radiocarbon dates fails to escape another common criticism from researchers who attribute archaeologically unacceptable dates at a regional scale to ‘anomalies’ in local carbon cycles and systematic errors in our estimates of age. Clearly, alternative approaches are required.

In cases where the difference between radiocarbon dates and the ‘acceptable’ age of the material is small the problem can be difficult to resolve without further excavation, well contextualized dating evidence, and a clear understanding of local carbon circulation patterns, reservoir effects and so forth. Fortunately, the impact of such cases is relatively minor, especially in earlier periods where chronological boundaries are imprecise. The impact of these problems is far more keenly felt where the discrepancy in date is in the order of millennia. In these cases, while the implications for archaeological interpretation are immense, the solution is potentially more

straightforward. When chronological interpretations are sufficiently divergent it becomes possible to verify existing chronologies with non-radiometric dating techniques, such as Thermo-Luminescence (TL) and Optically Stimulated Luminescence (OSL). Although they are often significantly less precise, these techniques can provide us with reliable chronological data that are entirely independent of the carbon cycle, enabling us to test both the position of existing sequences and the general coherence of the stratigraphic context.

A Contested Chronology: The *Ust'-Karenga* Complex

This paper applies this alternative approach to one of the most hotly disputed early ceramic finds in East Asia, the site complex of *Ust'-Karenga*, where pottery fragments have been ^{14}C dated, on the basis of both associated charcoal and organic 'temper' within the ceramics, to c. 12,200–10,500 calBC (Kuzmin 2006; Kuzmin and Vetrov 2007).

At the time of writing, the site of *Ust'-Karenga* in the Upper Vitim Basin (Fig. 1) is the most thoroughly dated early pottery site in Eastern Siberia, and even the briefest survey of the literature would be sufficient to see that chronology has been the focus of almost every paper published about the site in the last twenty years. With new radiocarbon data, ac-

cessible information about earlier pottery finds in China and Japan (e.g. Keally *et al.* 2004; Kuzmin 2006; Wu *et al.* 2012; Zhao and Wu 2000) and a widening range of comparably dated sites in surrounding regions (e.g. Derevianko *et al.* 2004; Shewkomud and Yanshina 2012; Zhushchikovskaya 2005), it would be reasonable to assume that the chronology of *Ust'-Karenga* and other putative Late Pleistocene ceramic assemblages in the Transbaikal would have become increasingly secure. However, this has not been the case, and the dating of these sites and their ceramics continues to be regularly challenged.

Currently, the most complete discussion of the chronology of the *Ust'-Karenga* complex can be found in the proceedings of a regional conference held at Ulan-Ude (Vetrov, 2010). This paper was written as an indirect reply to two publications by a well-respected Palaeolithic archaeologist M.V. Konstantinov (2009a; 2009b) in which it was suggested that the proposed phenomenon of early pottery in the Transbaikal was 'unsupportable'. These papers, which represent the tip of an iceberg of contention, very rarely expressed in publication, target their criticism at what their author deems the naïve and uncritical reliance on radiocarbon data among archaeologists (Konstantinov 2009b). He goes on to argue, quite rightly, that radiocarbon dates must be under-

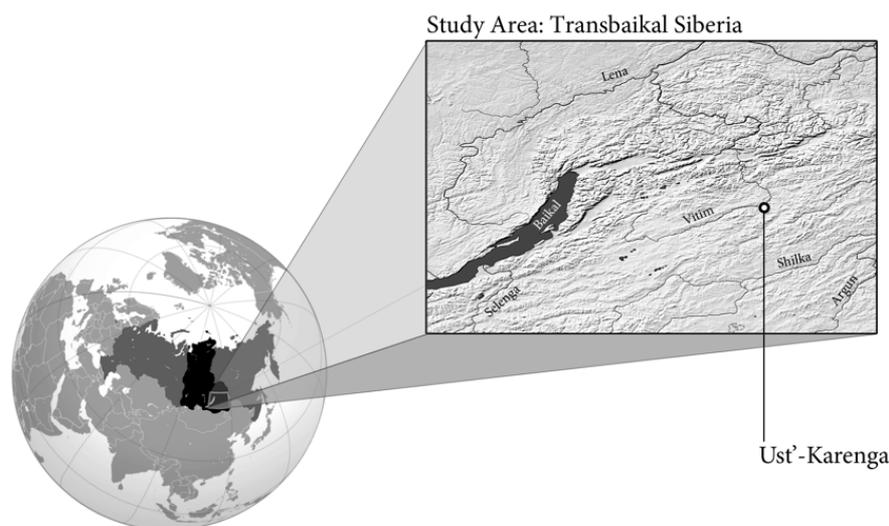

Fig. 1. Location of *Ust'-Karenga* in global and regional context

Рис. 1. Локализация Усть-Каренги в глобальном и региональном контексте

stood with reference to the typological and stratigraphic context of the finds they purport to date.

With specific reference to the position of the early ceramic finds within the sequence at Ust'-Karenga, Konstantinov (2009b: 190) suggests that the sediments described in Vetrov's papers are more in keeping with deposits from the latter half of the Holocene Climatic Optimum, while the ceramics themselves are typologically consistent with Middle Neolithic Bel'kachinsk culture finds in Yakutia (c. 4000–2600 calBC¹). Unfortunately, attempts to assess the validity of these claims are thwarted by the fact that no new results or specific evidence have been presented to explicitly support or refute these counter claims.

Stratigraphic situation

Usually taken as the 'type' profile for the Ust'-Karenga complex as a whole (Fig. 2a and b), the stratigraphic sequence at the adjacent sites of Ust'-Karenga XII, XIV and XVI is located in the sediments of a 20–25m terrace at the mouth of the Karenga. The sequence can be split into two distinct geomorphological phases: subaqueous and subaerial. This stratigraphic sequence outlined below was remarkably consistent across the body of the terrace body, although the preservation of the lower cultural layers in different locations was affected by the topography of the underlying bedrock and proximity to the ancient river channels.

The subaqueous phase, which accounts for the larger part of the sequence extending from the bedrock to around 50cm (or less) below the modern surface, is composed primarily of finely laminated alluvial sands with lenses of silt and bluish grey clay (Ineshin 1979; Vetrov 1992). This phase contains four cultural layers which have revealed the earliest evidence of human occupation at Ust'-Karenga (cultural

Layers 8a, 8 and 7a) and the earliest ceramic vessels in the region (Layer 7) – encountered at Ust'-Karenga XII, XIV and XVI (Fig. 3). These cultural layers are clearly visible as darker strata, thicker than the laminated sediments and sterile sands that surround them

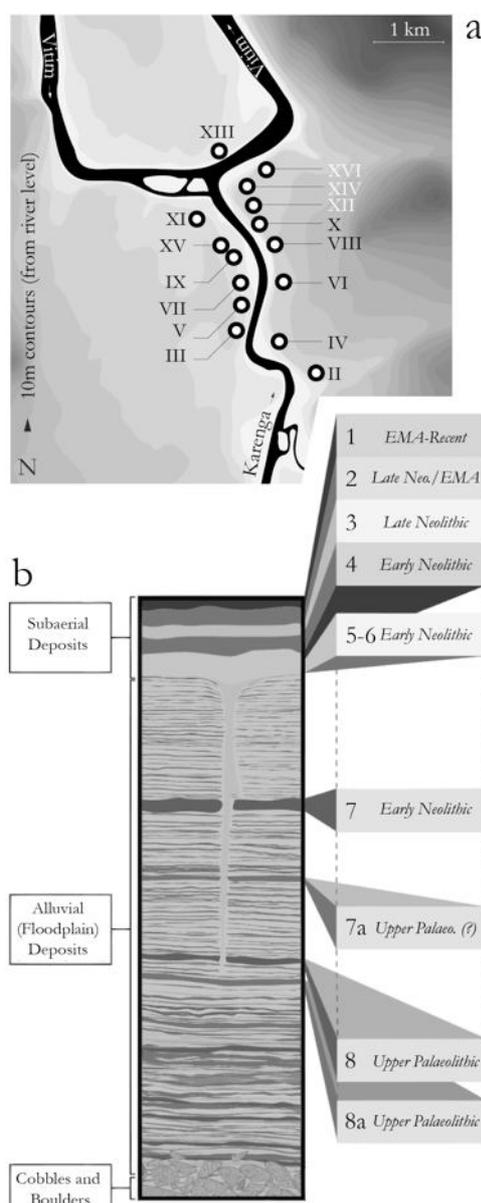

Fig. 2: a – Map showing the location of the main sub-sites of the Ust'-Karenga complex; b – Generalised stratigraphic section derived from Ust'-Karenga XII (after Vetrov 2005)
Рис. 2: а – карта, показывающая основные пункты усть-каренгского комплекса; б – сводная стратиграфическая колонка с местонахождения Усть-Каренга XII (по: Ветров, 2005)

¹ In the local literature, this comparative date is often given as an uncalibrated date range of '5–4 ky bp' (Vetrov 2011).

В местной литературе этот относительный возраст часто подается как некалиброванный интервал в пределах 5–4 тыс. л. н. (Ветров, 2011).

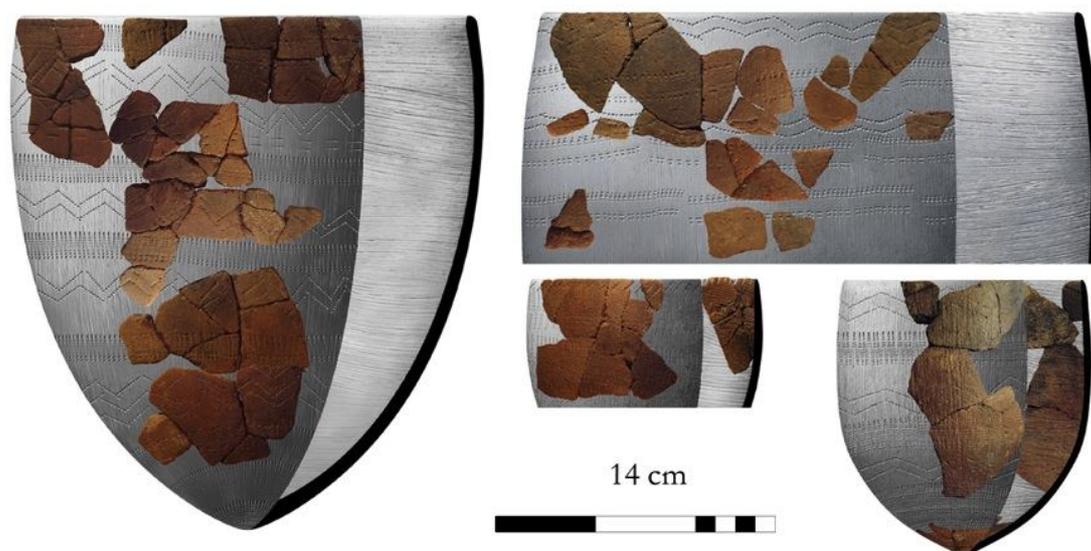

Fig. 3. Selection of Early Ust'-Karenga culture vessels from Layer 7, Ust'-Karenga XII–XVI
Рис. 3. Реконструкция сосудов усть-каренгской культуры из культурного горизонта 7, Усть-Каренга XII–XVI

(Fig. 2b). At the upper interface with the subaerial sediments, the subaqueous sequence appears to be truncated and is certainly scarred by extensive polygonal frost-wedge formations, which locally deform the well-defined stratigraphy below. Another significant phase of cryogenic activity is also apparent in the alluvial phase below the cultural layers (Ineshin 1979; Vetrov 1992). There is some disagreement in the literature about which of these cultural layers constitute true *paleosols* and which do not. However, nomenclature aside, it seems to be generally accepted that the darker layers (which are presumed to be more humic in composition) are correlated with for periods of stability when the climate was comparatively warmer. There is also general agreement that the cryogenic features provide natural chronological brackets which can be used to constrain the dating of the cultural layers (Ineshin 1979; Konstantinov 2009a; Vetrov 1992). Dispute arises because, in the absence of other chronological evidence (or distrust in its validity), a number of equally plausible interpretations of this sequence can be made. This position is hardly unique in the archaeology of Eastern Siberia, but unlike many other early pottery sites where the association of absolute dates, material culture, and stratigraphy has been legitimately questioned

on the basis of various forms of post-depositional disturbance (see McKenzie 2009), the cultural layers of the subaqueous sequence at Ust'-Karenga, including the earliest 'ceramic-bearing' layer (Layer 7) are conveniently delimited from the upper layers by substantial accumulations (0.4–1.0 m) of archaeologically sterile sediments (Kuzmin and Vetrov 2007; Vetrov 1992). Though the impact of more recent cryogenic disturbances is significant, it remains spatially discrete, leaving large areas of the lower levels of the site effectively *in situ*. In short, it is extremely unlikely that significant mixing of the upper (1–6) and lower cultural layers (7–8a) could have occurred, and the stratigraphy at Ust'-Karenga XII, as a whole, appears to be a promising context in which to explore the absolute dating of this period of Siberian prehistory.

The sediments of the subaerial phase appear more homogeneous and are likely to have been formed by the drifting of unconsolidated sediments as much as by the action of periodic flooding. Within these deposits, clearly defined soil horizons (ancient and modern) are discernible and six cultural layers (Layers 6–1) have been distinguished on the basis of colour, texture, and associated material culture (Kuzmin and Vetrov 2007; Vetrov 2010). Ust'-Karenga pottery is also found in these subae-

rial sediments – predominantly in Layers 6–4 (with occasional sherds in layers the upper layers), but whereas in Layer 7 it occurs in isolation, in these subaerial layers it is found alongside other ceramic types. In part, this blurring of cultural layers is a result contamination between these upper layers. This makes it even more important obtain direct dates for ancient events.

An Alternative Approach

Recent developments in OSL measurement technologies have widened the scope of this technique (Huntley *et al.* 1985) allowing it to be applied to smaller sample sizes and a wider range of materials, including pottery (Hood and Schwenninger 2015). This, therefore, provides the possibility of obtaining an absolute date on the production of the vessel. This technique is not usually sufficiently precise for this purpose, but as the aim of this study was to independently test the validity of a radiocarbon sequence, this was not a significant concern.

Ideally, for OSL analysis to have the greatest possible precision, we would rely on freshly excavated material, with directly associated sediments (which could also be dated), *in situ* dose rate measurements, and precise information about depth below surface, water content of the associated sediment, and post-excavation storage conditions. In spite of this, it was decided that this study would focus on existing collections of material.

There were several reasons behind this decision, including the practical difficulties of conducting expeditionary research in this remote region. However, the main reason was to allow us to evaluate a *realistic* research model that could be applied to similar chronological disputes in other regions. Many of these potential study locations are also remote from major cities, and though some are still a focus of research activity, many have already been excavated or otherwise destroyed. For this technique to be a viable way of testing existing dating sequences it must be able to incorporate curated material. Equally importantly, given the comparative rarity of this early ceramic

material, the technique would need to be minimally destructive.

Sampling strategy and OSL Analysis

For this study five ceramic samples (Fig. 4) were selected from defined archaeological contexts. The samples were all typologically attributable to the Ust'-Karenga culture and chosen from petrographically defined groups with coarse inclusions dominated by quartz and quartz-rich rock fragments (primarily granitic in origin) (see Hommel *et al.* in press). Two samples were taken from the earliest ceramic-bearing layer (Layer 7) and two further samples were taken from the boundary of the overlying sterile alluvium and the low-

Fig. 4. Photographs of the selected ceramic samples for the OSL study
Рис. 4. Фотографии отобранных керамических образцов для OSL исследования

est subaerial layer (Layer 6). A final sample was taken from Layer 4 which represents the uppermost stratigraphic layer in which material attributable to the Ust'-Karenga culture is routinely recovered in secure context.

On the basis of optically stimulated luminescence measurements (OSL) of sand-sized quartz (125–180µm) extracted from the sherds, a series of three age estimates was obtained. The extraction of quartz grains was carried out using standard preparation techniques including dry sieving, HCl (10 %) treatment to remove carbonates, HF treatment (48 %) to dissolve feldspathic minerals, heavy mineral separation with sodium polytungstate and final re-sieving of the treated mineral fraction. Measurements were performed in an automated Risø luminescence reader (Bøtter-Jensen, 1988; 1997; 2000) using a SAR post-IR blue OSL measurement protocol (Murray and Wintle 2000; Banerjee et al. 2001; Wintle and Murray 2006). Dose rate determinations are based on the concentration of radioactive elements (potassium, thorium and uranium) within the sherds (internal beta dose rate) as well as a representative sediment sample from Layer 7 at Ust'-Karenga XII in order to assess the external gamma dose rate. It was not practical as part of this study to undertake infield measurements at the site, so a large systematic error of 10 % was attached to the latter in order to account for any uncertainty. The dosimetric analyses were derived from elemental analysis of the samples (ceramic and sediments) by ICP-MS/AES using a fusion sample preparation technique. The final OSL age estimates include an additional 4 % systematic error to account for uncertainties in source calibration and measurement reproducibility. Dose rate calculations are based on Aitken (1985). These incorporated beta attenuation factors (Mejdahl 1979), dose rate conversion factors (Adamiec and Aitken 1998) and an absorption coefficient for the water content (Zimmerman 1971) based on a mean moisture content of 5 to 13 %. The contribution of cosmic radiation to the total dose rate was calculated as a function of latitude, altitude, burial depth and average over-burden density based

on data by Prescott and Hutton (1994). The high palaeodose values for the samples reflect the antiquity of the prehistoric sherds but are mainly due to the high environmental dose rates, ranging from 3.7 to 8.5 Gy/ka. Whereas the sediment contains concentrations of radionuclides (K=3.4 %; Th=4.5 ppm and U=1.3 ppm) which may be regarded as normal, the same is not true for the clay fabrics which were all found to contain elevated concentrations of potassium (2.6–4.0 %), thorium (8.9 to 192.0 ppm) as well as uranium (3.2 to 32.0 ppm). *A priori*, there is no reason to question these values, nor the veracity of the calculated age estimates, but it is worth noting that these are unusually high levels of activity.

Discussion

Although it was necessary to introduce substantial systematic errors into our calculations – due to small sample size and the impracticality of conducting in-field measurements of environmental dose rate and sediment moisture content – the OSL analysis provided broad probability distributions for the production date of three ceramic fragments (Table 2). These results are consistent with the stratigraphic position of the ceramic samples analysed and span the expected range of the Ust'-Karenga culture (as estimated from calibrated ranges of existing radiocarbon analysis) (Table 1; Fig. 5). Of course, the correlation is far from perfect, but it was never expected that the results of these analyses would allow us to refine the existing chronology. Instead, the aim was to consider the general trend of dates obtained directly on ceramic material from across the stratigraphic section and to test the general position of the radiocarbon series using a fully independent dating technique. Critically, the aim was to use these results to evaluate two discordant interpretations outlined in the literature (Vetrov 2011). If we plot the OSL dates together with the ranges expected for both of these interpretations then it becomes immediately clear which is the more probable (Fig. 6). Future work on the dating of the site will allow us to further to confirm these results, ideally based on both new OSL dates on ceramics as

Table 1
Таблица 1

Summary of published radiocarbon dates from the Ust'-Karenga complex. Calibration of the radiocarbon dates was performed using OxCal 4.2 and the IntCal13 curve (Bronk-Ramsey 2009; Riemer et al. 2013)

Сводка опубликованных радиоуглеродных дат комплекса стоянок Усть-Каренга. Калибровка дат проведена с использованием программ OxCal 4.2 и IntCal13 кривой (Bronk-Ramsey 2009; Riemer et al. 2013)

Cultural layer (Subsite) Культурный горизонт (пункт)	Lab. number Лабораторный номер	Date (bp) Дата (л.н.)	Error Ошибка	Calibrated range (95.4%) Калиброванный диапазон (95.4%)	Material Материал	References Источник
2/1 (USKA XII) 2/1 (Усть-Каренга XII)	LE-2653	1890	40	AD 28–230 28–230 гг. н.э.	Charcoal Уголь	Vetrov 1986; 1992 Ветров 1986; 1992
	LE-2651	3250	40	1617–1440 BC 1617–1440 до н.э.	Charcoal Уголь	
	LE-2652	3340	40	1739–1521 BC 1739–1521 до н.э.	Charcoal Уголь	
	LE-2650	3670	40	2195–1939 BC 2195–1939 до н.э.	Charcoal Уголь	
3 & 2	No dates available Данных нет					–
4/3 (USKA III) 4/3 (Усть-Каренга III)	IMSOAN-922	6100	400	5844–4081 BC 5844–4081 до н.э.	Wood/Bark Уголь / Кора	Vetrov 1982; 1986 Ветров 1982; 1986
	LE-1961	6890	80	5976–5641 BC 5976–5641 до н.э.	Wood/Bark Уголь / Кора	
4 (USKA III) 4 (Усть-Каренга III)	LE-1960	7230	80	6326–5923 BC 6326–5923 до н.э.	Charcoal Уголь	Timofeev et al. 2004 Тимофеев и др. 2004
5 & 6	No dates available Данных нет					–
7 (USKA XII) 7 (Усть-Каренга XII)	AA-21378	10600	110	10,739–10,206 BC 10,739–10,206 до н.э.	Pottery organic temper Керамика, органиче- ский ком- понент	Vetrov 1995; Kuzmin et al. 2004 Ветров 1995; Kuzmin et al. 2004
	GIN-8067	10750	60	10,794–10,633 BC 10,794–10,633 до н.э.	Charcoal from hearth Уголь из очага	

	AA-60667	10870	70	11,126–10,816 BC 11,126–10,816 до н.э.	Pottery organic temper Керамика, органический компонент		
	AA-38101	11065	70	11,336–10,982 BC 11,336–10,982 до н.э.	Pottery organic temper Керамика, органический компонент		
	GIN-8066	11240	80	10,982–10,726 BC 10,982–10,726 до н.э.	Charcoal from hearth Уголь из очага		
	AA-60202	12170	70	12,302–11,845 BC 12,302–11,845 до н.э.	Charcoal from layer Уголь из слоя		
	AA-60201	12180	60	12,296–11,886 BC 12,296–11,886 до н.э.	Charcoal from layer Уголь из слоя		
7a	No dates available Данных нет						–
8 (USKA III) 8 (Усть-Каренга III)	GIN-8069	12710	380	14,236–11,891 BC 14,236–11,891 до н.э.	Charcoal Уголь	Vetrov 1995 Ветров 1995	
	GIN-6469	12880	130	13,886–13,056 BC 13,886–13,056 до н.э.	Charcoal Уголь		
	GIN-8070	13560	195	15,024–13,866 BC 15,024–13,866 до н.э.	Charcoal Уголь		
	GIN-8668	16430	240	18,496–17,287 BC 18,496–17,287 до н.э.	Charcoal Уголь		
8a	No dates available Данных нет						–

well as sediments, and new radiocarbon series (in clear stratigraphic relationship). Alongside the dating itself, it is vital to consider the environmental, climatic and cultural context in more detail.

One of the principal criticisms levelled by Konstantinov (2009a) at the current stratigraphic interpretation, is that if the sequence were indeed attributable to the late glacial period, it would show a series of four discrete

phases of warming/stability (Layers 8a, 8, 7a, and 7). He considers this to be difficult to explain. Yet many interpretations of the pattern of late glacial climatic change suggest that this kind of multi-phase process should be expected in well resolved alluvial sequences such as this (see Ellis *et al.* 2004; Yu and Eicher 2001). If the sediments at Ust'-Karenga represent such a sequence, then the Upper Vitim presents an ideal opportunity to study human

Table 2
Таблица 2

Summary of the results of the OSL dating programme
Результаты программы ОСЛ датирования

Field code Полевой шифр	Laboratory code Лабораторный шифр	Palaeodose (Gy) Палеодоза (Gy)	External gamma dose rate (Gy/ka) Показатель дозы внешнего гамма-излучения (Gy/ka)	Cosmic dose rate (Gy/ka) Показатель космической дозы (Gy/ka)	Total dose rate (Gy/ka) Показатель общей дозы (Gy/ka)	OSL age estimate (calendar years before 2013) Исчисленный ОСЛ возраст (календарный возраст до 2013 г.)
Layer 4 (USKA045) Культ. горизонт 4 (USKA045)	X6345	44.26 ± 8.95	0.97 ± 0.10	0.23 ± 0.20	4.19 ± 0.30	10560 ± 2260
Layer 6 (USKA038) Культ. горизонт 6 (USKA038)	X6343	51.50 ± 3.76	0.97 ± 0.10	0.23 ± 0.09	3.73 ± 0.23	13820 ± 1320
Layer 7 (USKA035) Культ. горизонт 7 (USKA035)	X6347	131.77 ± 19.41	0.97 ± 0.10	0.21 ± 0.03	8.26 ± 0.50	15960 ± 2540

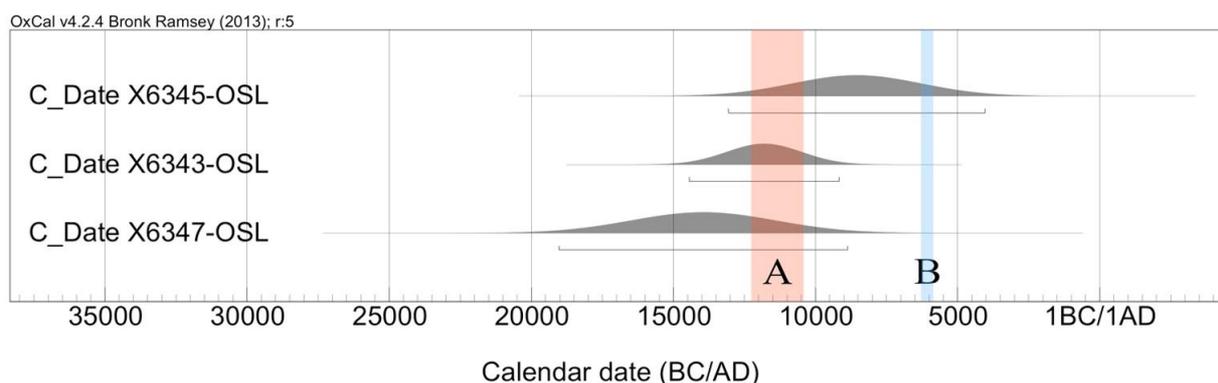

Fig. 5. Showing the OSL results for Ust'-Karenga ceramic fragments from Layers 7, 6 and 4 plotted against (A) date range (calBC) of radiocarbon results from Ust'-Karenga Layer 7 at USKA XII and (B) date range (calBC) of radiocarbon results from Ust'-Karenga Layer 4 at USKA III.

Рис. 5. Демонстрация ОСЛ результатов анализа керамических фрагментов из культурных горизонтов 7, 6 и 4, наложенных на (А) диапазон радиоуглеродных дат (калиброванный возраст, лет назад), полученных по 7 культурному горизонту Усть-Каренги в диапазонах дат USKA XII и (В) диапазон радиоуглеродных дат (калиброванный возраст, лет назад), полученных по 4 культурному горизонту Усть-Каренги в диапазонах дат USKA III

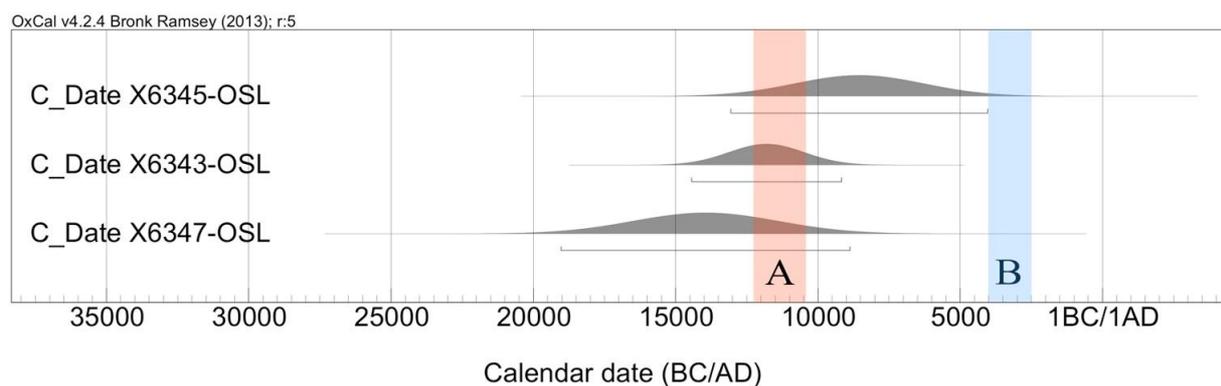

Fig. 6. Showing the OSL results for Ust'-Karenga ceramic fragments from Layers 7, 6 and 4 plotted against (A) date range (calBC) of radiocarbon results from Ust'-Karenga Layer 7 and (B) the 'accepted' age of the Ust'-Karenga ceramic phase in Konstantinov 2009a and 2009b.

Рис. 6. Демонстрация ОСЛ результатов анализа керамических фрагментов из культурных горизонтов 7, 6 и 4, наложенных на (А) диапазон радиоуглеродных дат (калиброванный возраст, лет назад), полученных по 7 культурному горизонту Усть-Каренги и (В) «допущенный» возраст усть-каренгской керамической фазы (Константинов, 2009а, 2009б)

adaptation to catastrophic environmental change. This would certainly require further fieldwork, perhaps at a significant scale.

If we are to take archaeological context into account, as Konstantinov (2009b: 190) rightly requires, we need look at the specifics of the assemblage as a whole within a wider regional context. With this in mind, it is worth noting that the lithic assemblage associated with the early ceramics at Ust'-Karenga – which is based around multi-purpose bifaces and microblade production – is entirely consistent with the lithic industries found at other late glacial/early post-glacial sites in Eastern Eurasia (Vetrov 1995b; Ineshin and Tetenkin 2017). Perhaps more obviously significant is the fact that several early ceramic traditions in the Amur Basin have also produced secure Final Pleistocene/Early Holocene dates (e.g. Derevianko and Dorj 1992; Derevianko *et al.* 2004; Kuzmin and Jull 1997; Kuzmin and Orlova 2000; Shewkomud 2005; Zhushchikovskaya 2005). Some of the material shows clear technological relationships with the early ceramics of the Transbaikal, in general, and Ust'-Karenga in particular (Hommel in press; Shewkomud 2005). This, too, offers considerable strength to the excavator's interpretation of the site. Further support for early

ceramic sites in the Transbaikal is found in the consistent results from a recent re-dating of a problematic sequence at Studenoye and new research at the site of Krasnaya Gorka (Razgildeeva *et al.* 2012; Tsydenova *et al.* 2017). Our research suggests that there is no systematic reason to expect these radiocarbon dates to be problematic, though it would be interesting to extend our evaluation to some of these contexts as well.

Conclusion

While it is important to maintain a critical stance in the face of scientific data, and while it is always essential to consider all available archaeological, environmental and stratigraphic contexts. It is vital that new data is presented to support or challenge existing interpretations.

In the case of Ust'-Karenga, errors vocally attributed to perceived problems with radiocarbon dates at a regional scale have been refuted in this paper by applying an absolute dating technique based on independent physical phenomena. While the broad probability ranges calculated for the dates leaves plenty of room for further research and discussion, the consistent correlation between luminescence dates and radiocarbon results strongly supports

the latter's validity. Although there is no doubt that the chronology of early Neolithic sites needs to be further refined. It is hoped that future discussions will rest on scientific data and that other forms of investigation into the character of life in the past will become an equally important focus.

Acknowledgements

We would like to express our thanks to Prof. Mike Tite, whose encouragement in the early stages of the project provided a significant impetus for this research, Dr Wendy Morrison, for her useful comments on the final draft, and The Research Laboratory for Ar-

chaeology and the History of Art at Oxford for its institutional support.

Finally, we would like to acknowledge the research contribution to the field of early pottery studies made by our co-author Dr V.M. Vetrov, whose death in November 2015 came just a few months after the decision to publish this paper was made. Though there remain many questions to address, the new dates provide support for a position that he maintained for much of his career, often against vocal opposition. While sentimentality is somewhat out of place in a scientific journal such as this, we consider this result to be a fitting tribute to his memory.

Article was received in February, 28, 2017

Статья поступила 28.02.2017 г.

References / Библиографический список

- Adamiec, G. and M.J. Aitken, 1998. Dose-rate conversion factors: new data. *Ancient Thermoluminescence* 16, 37–50.
- Aitken, M.J. 1985. *Thermoluminescence dating*. Academic Press.
- Banerjee, D, A.S. Murray, L. Bøtter-Jensen and A. Lang, 2001. Equivalent dose estimation using a single aliquot of polymineral fine grains, *Radiation Measurements* 33, 73–94.
- van Berg, P. and N. Cauwe. 2000. Les plus anciennes céramiques d'Asie et leur relation avec le peninsule européenne. *Civilisations*. 58, 25–40.
- Bøtter-Jensen, L., 1988. The automated Riso TL dating reader system. *Nuclear Tracks and Radiation Measurements* 14, 177–180.
- Bøtter-Jensen, L., 1997. Luminescence techniques: instrumentation and methods. *Radiation Measurements* 27, 749–768.
- Bøtter-Jensen, L., E. Bulur, G.A.T. Duller, A.S. Murray, 2000. Advances in luminescence instrument systems. *Radiation Measurements* 32, 523–528.
- Derevianko, A. P. and D. Dorj 1992. Neolithic tribes in northern parts of Central Asia. In A. H. Dani and V.M. Masson (ed), *History of civilizations of Central Asia, Vol. 1*. UNESCO Publishing, Paris, 169–189.
- Derivianko, A.P., Y.V. Kuzmin, G.S. Burr, A.J.T. Jull and J.C. Kim, 2004. AMS 14C age of the earliest pottery from the Russian Far East: 1996–2002 results. *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B* 223–224, 735–739.
- Dolukhanov, P., A. Shukurov, D. Gronenborn, D. Sokoloff, T. Timofeev and G. Zaitseva, 2005. The chronology of Neolithic dispersal in Central and Eastern Europe. *Journal of Archaeological Science* 32, 1441–1458.
- Ellis, K.G., H.T. Mullins, W.P. Patterson, 2004. Deglacial to middle Holocene (16,600 to 6000 calendar years BP) change in the north-eastern United States inferred from multiproxy stable isotope data, Seneca Lake, New York. *Journal of Paleolimnology* 31, 343–361.
- Bronk Ramsey, C. (2009). Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 51, 337–360.
- Hommel, P., in press What's The Point? Ceramic Globalization in the Early Holocene? In N. Boivin and M. Frachetti (ed) *Globalisation and the People Without History*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Hommel, P., 2009. Hunter-Gatherer Pottery: An Emerging 14C Chronology. In P. Jordan and M. Zvelebil (ed), *Ceramics Before Farming: The Dispersal of Pottery Among*

Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Left Coast Press, Walnut Creek, CA, 561–569.

Hommel, P., 2014. Hunter-Gatherer Innovations: Ceramic Technology, in: Cumming, V., Jordan, P. and Zvelebil, M. (ed), *Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter Gatherers*. Oxford University Press, Oxford.

Hommel, P. N., P. M. Day, P. Jordan and V.M. Vetrov, 2016. Context is Everything: Early Pottery, Hunter-gatherers and the interpretation of technological choices in Eastern Siberia. In E. Sibbesson, B. Jervis, and S. Coxon (ed). *Insight from innovation: new light on archaeological ceramics. Papers in honour of Professor David Peacock*. Southampton Monographs, Southampton, 1–18.

Hommel, P. N., P. M. Day, P. Jordan and V.M. Vetrov, in press. Changing Clays: interpreting socioeconomic behaviour and mobility through studies of early ceramics. *Proceedings of the Prehistoric Society* 84, nd.

E.M. Ineshin, J-L. Schwenninger and P.N. Hommel, in preparation. Stratigraphy, Environment and Society: revisiting the context of Late Pleistocene/Early Holocene occupation at Ust'-Karenga.

Huntley, D.J., D.I. Godfrey-Smith and T.L.W. Thewalt, 1985. Optical dating of sediments, *Nature*, 313, 105–107.

Ineshin, E.M. and A.V. Teten'kin, 2017. *Humans and the environment in the Late Pleistocene of Northern Baikalian Siberia*. Trans. and ed. P. Hommel and N. Reynolds. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle.

Ineshin, E.M., 1979. Geokhronologiya i material'naya kul'tura Neolita Ust'-Karengskogo arheologicheskogo kompleksa [Geochronology and material culture of the Neolithic Ust'-Karenga archaeological complex]. Unpublished Diplomarbeit, Irkutskij Gosudarstvennyj Universitet.

Инешин Е.М. Геохронология и материальная культура неолита Усть-Каренгского археологического комплекса // Неопубликованные тезисы / Иркутский государственный университет, 1979.

Jordan, P. and M. Zvelebil, M., 2009. Ex oriente lux: the prehistory of hunter-gatherer

ceramic dispersals. In P. Jordan and M. Zvelebil (ed), *Ceramics before farming; the dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers*. Left Coast Press, Walnut Creek, CA, 33–90.

Jordan, P., K. Gibbs, P.N. Hommel, H. Piezonka, F. Silva and J. Steele, 2016. Modelling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: emerging insights & future research questions. *Antiquity* 90, 590–603.

Keally, C.T., Y. Taniguchi, Y.V. Kuzmin and I.Y. Shewkomud, 2004. Chronology of the beginning of pottery manufacture in East Asia. *Radiocarbon* 46, 345–351.

Konstantinov, M.V., 2009a. Radiouglerodnaya anomalija v datirovanii Pozdnego Mezolita i Neolita Zabaikal'ya [Radiocarbon anomaly in dating the later Mesolithic and Neolithic of the Transbaikal]. In *Vzaimodejstve i chronologiya kul'tur Mezolita i Neolita Vostochnoj Evropy*. Kunstkamera, Saint-Petersburg. 189, 190.

Константинов М.В. Радиоуглеродная аномалия в датировании позднего мезолита и неолита Забайкалья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной / ИИМК РАН/МАЭ РАН. СПб. : Кунсткамера, 2009а. С. 189–190.

Konstantinov, M.V., 2009b. I opyt syn oshibok trudnykh [And experience is the son of hard lessons]. In N.G. Chernyshevskogo (ed), *Drevnee Zabaikal'e: kul'tura i priroda*. ZabGGPU, Chita.

Константинов М.В. И опыт, сын ошибок трудных (проблемы определения возраста древних поселений Забайкалья) // Древнее Забайкалье: Культура и природа : сб. статей / под ред. Н.Г. Чернышевского. Чита : ЗабГГПУ, 2009б.

Kuzmin, Y.V. and A.J.T. Jull, 1997. AMS Radiocarbon dating of the Palaeolithic-Neolithic transition in the Russian Far East. *Current Research in the Pleistocene* 14, 46–48.

Kuzmin, Y.V. and L.A. Orlova, 2000. The Neolithisation of Siberia and the Russian Far East. *Antiquity* 74, 356–64.

- Kuzmin, Y.V. and V.M. Vetrov, 2007. The earliest Neolithic complex in Siberia : the Ust-Karenga 12 site and its significance for the Neolithisation process in Eurasia. *Documenta Praehistorica* 34, 9–20.
- Kuzmin, Y.V., 2006. Chronology of the earliest pottery in the Far East: progress and pitfalls. *Antiquity* 80: 362–371.
- MacKenzie, H., 2009. Review of early hunter-gatherer pottery in Eastern Siberia. In P. Jordan and M. Zvelebil (ed), *Ceramics before farming; the dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers*. Left Coast Press, Walnut Creek, CA, 167–208.
- Mejdahl, V., 1979. Thermoluminescence dating: beta-dose attenuation in quartz grains. *Archaeometry* 21, 61–72.
- Murray, A.S. and A.G. Wintle, 2000. Luminescence dating of quartz using an improved single-aliquot regenerative-dose protocol. *Radiation Measurements*. 32, 57–73.
- Prescott, J.R. and J.T. Hutton, 1994. Cosmic ray contributions to dose rates for luminescence and ESR dating: large depths and long-term time variations. *Radiation Measurements* 23, 497–500.
- Razgildeeva, I.I., D. Kunikita and O. Yanshina. 2013. Novye dannye o vosraste dervnejshikh keramicheskikh kompleksov Zapadnogo Zabajkal'ya [New data on the age of the earliest ceramic complexes in the Western Transbaikal]. In G. I. Medvedev (ed), *Evraziya v Kajnozoe: Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury II*. Irkutsk State University Press, Irkutsk, 168–178.
- Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры / под ред. Г.И. Медведева. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. С. 168–179.
- Reimer, P.J., E. Bard, A. Bayliss, J.W. Beck, P.G. Blackwell, C. Bronk Ramsey, P.M. Grootes, T.P. Guilderson, H. Haflidason, I. Hajdas, C. Hattz, T.J. Heaton, D.L. Hoffmann, A.G. Hogg, K.A. Hughen, K.F. Kaiser, B. Kromer, S.W. Manning, M. Niu, R.W. Reimer, D.A. Richards, E.M. Scott, J.R. Southon, R.A. Staff, C.S.M. Turney and J. van der Plicht, 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0-50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 55, 1869–1887.
- Shewkomud, I.Ya., 2005. Arheologicheskie komplekсы Finala Pleystocena-Nachala Golotsena. [Archaeological complexes of the Final Pleistocene/Early Holocene]. *Vestnik Kraunts Gumanitanye Nauki* 2005, 3–18.
- Шевкомуд И.Я. Археологические комплексы финала плейстоцена – начала голоцена // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2005. С. 3–18.
- Hood, G.A. and J.-L. Schwenninger, 2015. The minimum extraction technique: A new sampling methodology for optically stimulated luminescence dating of museum ceramics. *Quaternary Geochronology*, 30: 381–385.
- Tsydenova, N., D. Andreeva and W. Zech. 2017. Early pottery in Transbaikal Siberia: new data from Krasnaya Gorka. *Quaternary International*, nd. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2017.01.035>
- Vetrov, V.M., 1982 Irkutskij Oblastnoj Kraevedcheskij Muzej: Otchet o polevykh issledovaniyakh v 1981 godu [Irkutsk Museum of Regional Studies: Report on the fieldwork of 1981]. Ministerstvo Kul'tury RSFSR, Irkutsk.
- Ветров В.М. Иркутский областной краеведческий музей: отчет о полевых исследованиях в 1981 году / Министерство культуры РСФСР. Иркутск, 1982.
- Vetrov, V.M., 1992. Kammenyj Vek Verkhego Vitima [Stone Age of the Upper Vitim Basin]. Unpublished PhD Thesis (Historical Science). Institute of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk.
- Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима : автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск : Институт археологии и этнографии, 1992. 17 с.
- Vetrov, V.M., 1995. Retsy i nucleusy Ust'-Karengskoj arheolicheskoy kul'tury (opyt tipologii)[Burins and nucleiuses of the Ust'-Karenga archaeological culture (on the basis of typology)]. In G.I. Medvedev and

C.A. Vinogradov (ed), *Bajkal'skaya Sibir' v Drevnosti: Sbornik Nauchnykh Trudov*. Irkutskij Gosudarstvennyj Universitet, Irkutsk, 30–44.

Ветров В.М. Резцы и нуклеусы Усть-Каренгский археологической культуры (опыт типологии) // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. трудов. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1995. С. 30–45.

Vetrov, V.M. 2010. Drevnejshaya Keramika na Vitime; nekotorye voprosy datirovaniya i periodizatsii v Kamennom Veke Vost. Azii [The earliest ceramics on the Vitim; some questions about dating and periodization in the Stone Age of East Asia]. In *Drevnie Kul'tury Mongolii I Bajkalskoj Sibir'*; *Arkheologiya I Sovremennost'*, Izd-vo BГУ, Ulan-Ude, 37–44.

Ветров В.М. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Археология и современность : материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–23 сентября, 2010 г.). Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. С. 37–44.

Vetrov, V.M. 2011. Ust'-Karengskoy kultury [Ust'-Karenga culture]. In R.F. Geniatulin (ed), *Malaya Entsiklopedia*

Zabaykalya. Arkheologiya. Novosibirsk, Nauka.

Ветров В.М. Усть-Каренгская культура // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. С. 301–302.

Wintle, A.G. and Murray, A.S. 2006. A review of quartz optically stimulated luminescence characteristics and their relevance in single-aliquot regeneration dating protocols. *Radiation Measurements* 41, 369–391.

Wu, X., C. Zhang, P. Goldberg, D. Cohen, Y. Pan, T. Arpin and O. Bar-Yosef, 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong Cave, China. *Science* 336: 1696–1700.

Yu, Z.C. and U. Eicher, 2001. Three amph-Atlantic century-scale cold events during the Bølling-Allerød warm period. *Géographie Physique et Quaternaire* 55, 175–183.

Zimmerman, D.W., 1971. Thermoluminescent dating using fine grains from pottery. *Archaeometry* 13, 29–52.

Zhao, C. and Wu, X., 2000. The dating of Chinese early pottery and a discussion of some related problems. *Documena Praehistorica* 27, 233–239.

Zhushchikhovskaya, I.S., 2005. *Prehistoric pottery-making in the Russian Far East*. Transl. and ed. R.L. Bland and C.M. Aikens, BAR International Series 1434. Archaeopress, Oxford.

Information about the authors

Peter N. Hommel,

Postdoctoral Researcher,
Institute of Archaeology, University of Oxford,

36 Beaumont Str., Oxford, OX12PG, UK,
e-mail: peter.hommel@arch.ox.ac.uk

Jean-Luc Schwenninger,

Head of Luminescence Dating Laboratory,
Research Laboratory for Archaeology and the
History of Art, University of Oxford,
Dyson Perrins Building, South Parks Road,
Oxford, OX13QY, UK,

e-mail: jean-luc.schwenninger@rlaha.ox.ac.uk

Сведения об авторах

Хоммел Петер Николас,

последиссертационный исследователь,
Институт археологии, Оксфордский университет,

36 Beaumont Str., Oxford, OX12PG, UK,
e-mail: peter.hommel@arch.ox.ac.uk

Швенингер Жан-Люк,

директор лаборатории люминесцентного
датирования,
Исследовательская лаборатория археологии
и истории искусств, Оксфордский университет,

Dyson Perrins Building, South Parks Road,
Oxford, OX13QY, UK,
e-mail: jean-luc.schwenninger@rlaha.ox.ac.uk

Evgeny M. Ineshin,

candidate of historical sciences, head of laboratory of the Department of history and methods of humanitarian-aesthetic faculty, Pedagogical Institute of Irkutsk State University, 9, Sukhe-Batora Str., Irkutsk, 664011, Russian Federation, e-mail: Ineshin.evgen@yandex.ru

Victor M. Vetrov (1950–2015),

candidate of historical sciences, head of laboratory of the Department of history and methods of humanitarian-aesthetic faculty, Pedagogical Institute of Irkutsk State University, 9, Sukhe-Batora Str., Irkutsk, 664011, Russian Federation.

Attribution criteria

Vetrov V.M. during the excavations of the Ust-Karenga site obtained field archaeological materials, the analysis of which is given in the article. Hommel P.N., Schwenninger J.-L., Ineshin E.M. completed the research work, based on the obtained results, generalized and wrote the manuscript, and have copyright to the article and bears equal responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The authors state that there is no conflict of interest.

Инешин Евгений Матвеевич,

кандидат исторических наук, заведующий учебной лабораторией кафедры истории и методики гуманитарно-эстетического факультета, Педагогический институт Иркутского государственного университета, Российская Федерация, 664011, Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, e-mail: Ineshin.evgen@yandex.ru

Ветров Виктор Михайлович (1950–2015),

кандидат исторических наук, заведующий учебной лабораторией кафедры истории и методики гуманитарно-эстетического факультета, Педагогический институт Иркутского государственного университета, Российская Федерация, 664011, Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9.

Критерии авторства

В.М. Ветровым во время раскопок стоянки Усть-Каренга были получены полевые археологические материалы, анализ которых приводится в статье. П.Н. Хоммел, Ж.-Л. Швеннингер и Е.М. Инешин выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и документы к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Оригинальная статья / Original article

УДК 902

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-47-66

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION OF THE 1813 WRECK SITE OF THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY SHIP NEVA, SITKA, ALASKA

© D. McMahan

International Association of Specialists on Russian America

1021B Meadowbrook Road, Ashland City, Tennessee 37015, USA, MA, 1983.

A collaborative 2012 archaeological survey by the Alaska Office of History and Archaeology, the U.S. Forest Service, and the Sitka Historical Society identified a site (SIT-963) believed to be the camp of survivors from the January 1813 wreck of the Russian-American Company ship NEVA. In 2015 and 2016, excavations at the site by an international team of archaeologists revealed evidence of the survivor camp, as well as ship's hardware and a grave. Collectively, the findings leave little doubt that the long lost survivor camp has been discovered.

Keywords: Archaeology, Russian-American, Neva, Shipwreck, Survivor Camp

Citation format: McMahan D. Archaeological Investigation of the 1813 Wreck Site of the Russian-American Company Ship NEVA, Sitka, Alaska. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 47–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-47-66

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТА КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ В 1813 г. КОРАБЛЯ РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ «НЕВА», СИТКА, АЛЯСКА

© Д. МакМэхэн

Международная ассоциация специалистов по Русской Америке,

1021B Meadowbrook Road, Ashland City, Tennessee 37015, USA, MA, 1983.

Совместная археологическая разведка 2012 г., проведенная Офисом истории и археологии, Лесной службой США и Историческим обществом Ситки, определила местонахождение (SIT-963) как лагерь людей, выживших в кораблекрушении в январе 1813 г. корабля Русско-Американской компании «Нева». В 2015 и 2016 гг. раскопки на этом местонахождении международной команды археологов доставили находки из лагеря выживших, а также детали оборудования корабля и могилы. Все вместе эти находки не оставляют сомнения в том, что давно забытый лагерь выживших теперь открыт.

Ключевые слова: археология, Русско-Американский, «Нева», кораблекрушение, лагерь выживших.

Формат цитирования: МакМэхэн Д. Археологические исследования места кораблекрушения в 1813 г. корабля Русско-Американской компании «Нева», Ситка, Аляска // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 47–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-47-66

Introduction and Project Background

During the summers of 2015 and 2016, the author led archaeological field investigations at a site believed to represent the NEVA shipwreck Survival Camp (SIT-963) near Sitka, Alaska, after several years of planning and consultation. The project was conceived in 2012, when a search team from the United States Forest Service, the Alaska Office of History and Archaeology, and the Sitka Historical Society conducted an archaeological survey to look for evidence of the wreck site of the Russian-American Company sailing ship NEVA (McMahan 2012). The team reviewed published survivor accounts, conducted interviews with Sitka residents, and conducted overflights to identify potential wreck locations. To assist with the search, scientists from the National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA) provided information on historic tide cycles and rates of uplift in the project area. The convergence of

several lines of evidence, along with the report of a cannon discovery by a shellfish diver in the 1980s (Wilber 1993:23), suggested a general location of the 1813 wreck of the NEVA. To test the location hypothesis in the field, the team surveyed the beach and forest fringe along a one-km section of shoreline on the lowest tide of the year in June 2012. The only items of interest on the high energy beach were well-rounded pieces of “beach glass” of indeterminate age. On an upland terrace predicted to be the most logical location for a survivor camp, however, a metal detector survey revealed two caches of Russian axes (9 axes total) stacked as if they had been in crates or containers when deposited (Fig. 1). Colonial Russian axes are distinctive due to the barb or “hook” in front of the handle (Viires 1969:15-17). A hearth containing a hand-wrought iron spike and fragments of calcined fauna was also identified, along with multiple metal detector targets that were not excavated. North of this

Fig. 1. One of two caches of Russian axes discovered in a test excavation in 2012 at a location believed to be the NEVA survivor camp. This led to a grant application to the National Science Foundation. Photo by Dave McMahan

Рис. 1. Один из двух кладов русских топоров, открытых во время разведки 2012 г. на месте предполагаемого лагеря выживших людей с корабля «Нева». Эта находка привела к подаче заявки на грант Национального Научного Фонда. Фото Д. МакМэхэна

location, on a part of the same terrace separated by a stream, late 19th – early 20th century materials were discovered through metal detector survey. This was later determined to have been a Tlingit hunting camp. Believing that the earlier cluster (south of the stream) very likely represented the NEVA survivor camp from the winter of 1813, the team ceased disturbance in order to seek funding for a comprehensive investigation with definable goals.

In August 2012, an underwater survey was conducted through the use of a marine magnetometer borrowed from the USS MONITOR National Marine Sanctuary. Participants included PI McMahan (who was then State Archaeologist), Frank Cantelas (NOAA Office of Ocean Exploration and Research), Bob Medinger (Sitka Historical Society), Sue Thorsen (archaeologist, Sitka), and Davey Lubin (boat captain). The goal of the magnetometer survey was to locate anomalies caused by large iron objects carried by Neva – such as cannon, anchors, and rigging. Unfortunately, the results were problematic. The volcanic rocks from Mt Edgecumbe, an extinct volcano, caused a very steep magnetic gradient in the survey area masking any anomalies that might be caused by artifacts. These shifts were probably caused by lava and pyroclastic flows with high iron content. In conjunction with the 2012 underwater survey, and as a last resort, McMahan conducted a single scuba dive in Neva Bay. It was observed that kelp and sea grass were extremely thick at that time of the year, resulting in very limited visibility of the sea floor. Subsequent underwater surveys were conducted in May 2015, July 2015, March 2016, and July 2016. None of the underwater surveys were productive due to dense kelp and tidal surge that made diving difficult and hazardous.

Armed with a multi-year U.S. National Science Foundation (NSF) grant, an international team of American, Canadian, and Russian scientists returned to the site to conduct terrestrial excavations in 2015 and 2016 (Fig. 2 and 3). Work was initially planned for 2014, but had to be postponed to allow for on-

going consultation with the Sitka Tribe of Alaska, the land owner and other stakeholders. As proposed, the multi-year project would use focused, problem-oriented archival and archaeological investigations to: (1) flesh out the history of the NEVA leading up to the wreck through archival research; (2) validate or invalidate the terrestrial site as the 1813 NEVA survivors' camp; (3) characterize site deposits and material culture in the context of other colonial Russian-American sites and survivor camps; (4) identify outlying features, deposits, and material culture through survey of the beach and uplands; (5) conduct ancillary studies to source and otherwise characterize the assemblage; (6) conduct SCUBA survey to search for evidence of the wreck itself and conduct basic mapping and recordation; and (7) disseminate findings to a broad audience through press releases, reporting, the development of educational curricula, and the creation of a "virtual museum." An added goal was to gather scientific data that would otherwise be lost to erosion from waves. Project participants included: Dave McMahan (Principal Investigator), Timothy L (Ty) Dilliplane (Co-PI), Evguenia Anichtchenko (University of Southampton), Dr. Artur Kharinsky (Irkutsk State Technical University), Dr. Yury Likhin (Taltsy Museum of Architecture and Ethnography), Daniel Thompson (consulting archaeologist), Gleb Mikhalev (videographer), Dr. Brinnen Carter (Sitka National Historical Park), John Pollack and Sean Adams (Institute for Nautical Archaeology), Chuck Carrig (U.S. Dept. of Agriculture), and Zlata Lund (Klondike Travel).

A History of the Russian Ship NEVA (1800–1813)

The NEVA, originally named the THAMES, was a 372 ton frigate constructed in England in 1800 (Krusenstern 1813:3; Shalkop 1979:9; Lloyd's Register, 1801-1802, entry 51) (Fig. 4). As a result of archival research by Anichtchenko and McMahan in London in September-October 2015, we now know that the vessel was built at the "King and Queen" shipyard in the Rotherhithe section of London,

Fig. 2. The 2015 NEVA Project team relaxing for a meal. Clockwise: John Pollack, Daniel Thompson, Artur Kharinsky, Yuri Likhin, Evguenia Anichtchenko, Dave McMahan, Sean Adams, and Timothy ("Ty") Dilliplane. Photo by Gleb Mikhalev

Рис. 2. Послеобеденный отдых команды Проекта «Нева-2015». По часовой стрелке: Джон Поллак, Дэниел Томпсон, Артур Харинский, Юрий Лыхин, Евгения Анищенко, Дэйв МакМэхэн, Шон Адамс и Тимоти («Ти») Диллиплэйн. Фото Глеба Михалева

Fig. 3. The 2016 NEVA Project team. L to R: Zlata Lund, Sean Adams, John Pollack, Daniel Thompson, Dave McMahan, Chuck Carrig, and Evguenia Anichtchenko (Brinnen Carter not pictured). Photo by Gleb Mikhalev

Рис. 3. Команды Проекта «Нева-2016». Слева направо: Злата Лунд, Шон Адамс, Дэниел Томпсон, Дэйв МакМэхэн, Чак Карриг и Евгения Анищенко (Бриннен Картер не снят). Фото Глеба Михалева

Fig. 4. "Harbour of St Paul on the Island of Cadiack, Russian sloop-of-war Neva." Drawn by Capt Lisiansky, engraved by I. Clark. Published by John Booth, Duke Street, Portland Place, London, 1 March 1814.

Рис. 4. Бухта Св. Павла на острове Кодьяк, русский военный шлюп «Нева». Гравюра И. Кларка по рисунку капитана Лисянского. Опубликовано в John Booth, Duke Street, Portland Place, London, 1 марта 1814 г.

and was launched on August 6, 1800. Rotherhithe, on the Thames River, was known for many prominent shipyards during the 17th-19th centuries. The ship THAMES was built by the prominent London shipwright Peter Everitt Mestaer (b.1763), who constructed vessels during the late 18th and early 19th centuries. Many of Mestaer's ships were destined for East India Company service, although he is also known to have constructed vessels that served in the British Navy. Records in the London Metropolitan Archives, including extensive tax records and Mestaer's last will and testament, indicate that he was a wealthy man with numerous real estate holdings. Many of his holdings were in the Rotherhithe district, where he also owned a pub near his King and Queen Docks. He was involved with local politics, and was the intended victim of an unsuccessful murder plot according to period newspaper accounts. Mestaer, the son of a wealthy shipwright (Peter Mestaer, 1729-1791), had a younger brother (John Everitt

Mestaer, 1769-1853) and older sister (Eleanor Everitt Mestaer, 1761-), but no children. Tax records indicate that, in 1800, Peter Everitt Mestaer was living in the Bishopsgate ward, London's main financial district. The church attended by the Mestaers, St. Mary's, was constructed at Rotherhithe in 1716 and still stands. The first owner of the THAMES / NEVA was Robert Taylor (Taylor and Company) "of Crutched Friars, agent," London. Records at the Docklands Museum relating to late 18th century slave trade list a "Robert Taylor" as being captain of two vessels and captain/owner of one vessel involved with the Caribbean slave trade during 1791 and 1793. While it has not been determined if this is the same Robert Taylor who owned the THAMES, he is the only Robert Taylor yet identified with the shipping industry during the time period in question. Lloyd's registry of shipping indicates that the THAMES was surveyed in August 1800, and completed a voyage from London to Hamburg during 1801-1802 under Master Wil-

liam Linder (Lloyd's Register, 1801-1802, Entry 51). At the time of the survey in 1800, the vessel details were described as: "3 masts, 2 decks; ship's extreme length 110'6, extreme breadth 28; height between decks 5'8"; 372 1/4 Burden tons; square-sterned ship with flush deck and quarter badges, no gallery, carved knac (knee?). [Described variously as having a single deck and two decks]; draws 16 ft. when fully loaded."

A later survey described in the Registry of Shipping, London Foreign Trade (Entry 61, February 19, 1803) repeats information from the initial survey with the exception that tonnage is listed (erroneously?) as 351 62/94 and decks as "one and a half". The survey describes a figurehead as a "kind of head." Entries for other vessels describe figureheads in more detail, such as "figure of a man" or some specific animal. The absence of such language for the THAMES may suggest that the "kind of head" is not that of a person or animal, but perhaps a more stylized representation.

To date, the THAMES' construction plans have not been discovered, and marine historians in London are doubtful that such plans existed or have survived. They suggest that period ship's models may be the best source of construction details. By the time Lloyd's Register was published in June or July, 1803, the vessel formerly known as the THAMES was listed as the NEVA (Lloyd's Register, 1803-1804, Entry 289). The register further indicates that the vessel was sheathed in copper in 1803, and records a trip from London to St. Petersburg under Master "S. Bryant." Interestingly, a notation added to Entry 61 in the Registry of Shipping, London Foreign Trade, indicates that the vessel had been "sold to foreigners" in May, 1803. Historical sources, while varying in some details, have suggested that the THAMES was purchased by Russia in February, 1803, along with the LEANDER (renamed NEDEZHDA), specifically for Russia's first circumnavigation of the globe (1803-1806). While negotiations probably took place during late 1802 and early 1803, the London Registry of Foreign Shipping indicates that the LEANDER (NEDEZHDA) and THAMES

(NEVA) were purchased in April and May, 1803, respectively. Adam Johann Ritter von Krusenstern, who lobbied for and organized the voyage, sent Yuri Fyodorovich Lisiansky to Hamburg, then London, to purchase the two vessels (Krusenstern 1813:2-3; Moessner 2003:6). It is possible that Lisiansky first became aware of the THAMES before she left Hamburg in 1802, and completed the purchase in London during the spring. We now know that the THAMES was renamed NEVA before she left London, and was sailed to the Port of Kronstadt with a British master and crew. Research has not yet revealed the extent of refitting, if any, at the Port of Kronstadt. At Kronstadt, Krusenstern assumed command of the NEDEZHDA while Lisiansky was made captain of the NEVA. The purchase price for the NEVA was 17,000 pounds sterling (around \$27,000 in modern U.S. dollars), with another 5,000 pounds (\$8,000 U.S. dollars) having been spent to repair both the NEVA and NEDEZHDA (Krusenstern 1813:3). Both vessels were similar three-masted sloop-of-war frigates, although the NEDEZHDA at 450 tons was slightly larger than the 372 ton NEVA (Moessner 1993:xiv). The NEVA is said to have carried 14 cannon (Tikhmenev 1978:71) and a crew of 50 professional sailors (Moessner 1993:xiv). Krusenstern, along with Court Chamberlain Nikolai Rezanov, led the overall expedition in 1803-1806. The NEVA and NEDEZHDA left the port of Kronstadt in June, 1803, and a year later became the first Russian ships to visit Hawaii (Lisiansky 1814:99-137). There the two vessels separated, with the NEVA traveling to Kodiak and Sitka, and the NEDEZHDA proceeding to Japan (Pierce 1990:311-313).

It is for the NEVA's role in the 1804 "Battle of Sitka" that she is best known in Alaska. The battle is said to have involved at least 1,000 Russians, Aleuts, and Alutiiq peoples, as well as 500 Tlingit men, women and children. In late September, 1804, Russian-American Company General Manager Alexander Baranov joined Yuri Lisiansky on the NEVA to retake New Archangel (Sitka) from the Tlingit. Along with two smaller vessels,

the CATHERINE and ALEXANDER, the NEVA was instrumental in causing withdrawal of the Tlingit from New Archangel to the Peril Straits area of Baranov Island (Lisiansky 1814:147-168). She then wintered in Kodiak, and by April had joined the NEDEZDA in China with a cargo of fur seal, beaver, and other pelts destined for Canton (Lisiansky 1814:272-273; Moessner 2003:380). Both vessels returned to Kronstadt in August, 1806. Research has turned up numerous period newspaper articles that describe the NEVA's and NEDEZHDA'S mission and ports of call during the round the world voyage. Following his return from the 'round-the-world voyage, Lisiansky's illustrated narrative of the journey was published in Russian (St. Petersburg, 1810), German (Berlin, 1811-1812), English (London, 1814), and eventually in other languages. The NEVA was the first Russian vessel to call in Australia in 1807 (Massov 2006:203-214). From 1807 until her demise in early 1813, she was in the service of the Russian-American Company (Frederick, in Shalkop 1979:7), although during much of that time she is said to have remained at anchor in Okhotsk to avoid capture while Russia supported France in a war against England (DeArmond 1946:10).

Archival research has turned up little information pertaining to the NEVA's final voyage from Okhotsk in August 1812. Official correspondence from the summer of 1812 in the Russian Naval Archives, St. Petersburg, indicates disagreement between company officials and the Czarist government over whether the NEVA should undertake an emissary mission to Japan or sail to Alaska in support of the settlements there. The Russian-American Company, as owner of the ship, eventually won permission to send the NEVA to Alaska.

Historical Accounts of the Wreck

Because the vast majority of Russian-American Company documents prior to 1818 were destroyed after liquidation of the company, the final voyage of the NEVA is captured in only a few accounts transcribed from survivor narratives. Three accounts (Berkh,

Podushkin, Golovnin) were translated from Russian to English and published by the Alaska Historical Society and Sitka Historical Society (Shalkop 1979). A fourth account, of Alexander Markov, was only recently translated and published in English (Bland 2015:285-301). Dates and details in the accounts do not always agree, especially between Markov and the others, but are generally consistent in relating the basic story. The following outline is derived from the detailed account of Midshipman Mikhailo Il'ich Terpigorev (Berkh, in Shalkop 1979:19-45).

The NEVA departed the Siberian port of Okhotsk near the end of August, 1812, in route to Sitka, but contrary winds soon slowed her voyage. She did not pass Atka (in the Aleutian Islands) until the end of September, and strong winds prevented a landing in either Unalaska or Kodiak. Finally, on November 16th she was able to enter "Resurrection Harbor" (in Prince William Sound) for water and repairs. After a heated debate, a decision was made to sail for Sitka on November 27. After more hardships and a water shortage, early January brought clear weather, and by January 8 the NEVA was only 140 versts (93 miles) from Sitka (Shalkop 1979:33). By that evening, the shoreline and Mount Edgecumbe were within sight, and by 1 am the ship was around 30-40 versts (20-26 miles) offshore with Mount Edgecumbe to the left (Shalkop 1979:34). While clouds and rain later diminished visibility, the ship's master Mr. Kalinin had sufficient confidence in the NEVA's course that he went below decks to rest. By Terpigorev's account, at 5 am the cry went out that "the shore is under the bow" with Mount Edgecumbe to the right (Shalkop 1979:34-35). This caused Terpigorev to conclude that the man at the wheel had steered contrary to orders, and that the change in direction was compounded by the currents. The anchor was thrown out but had not been secured to the windlass. As the ship turned about, the rudder was knocked out by a rock and she went aground on submerged rocks. According to Terpigorev, "if they had delayed turning by one minute then all inevitably would have perished, because the colli-

sion would have taken place near a very high and inaccessible cliff” (Shalkop 1979:35). The ship eventually broke in half with survivors moving to the bow. By noon, the ship had been “swallowed by the waves” and survivors clung to masts and other pieces of the ship (Shalkop 1979:37).

Of the 73 men who left Okhotsk, 13 died at sea (15 according to Golovnin) and 32 drowned. Of the 28 who made it to shore, two soon succumbed (Shalkop 1979:38). Fortunately, one of the *promyshlenniks* was able to start a fire with a flintlock pistol, allowing the survivors to make it through the first night. With strength from food items that had washed ashore, they were eventually able to construct a hut (Shalkop 1979:38). On January 24, one of two *promyshlenniks* who had been sent to explore encountered a Native boy in a kayak and was taken to New Archangel. On February 2, the survivors were rescued and taken to the fort (Shalkop 1979:38), having endured January temperatures for 24 days with items either salvaged from the ship or procured from their surroundings.

In keeping with the lore of the sea, stories have grown up around the NEVA and the rich cargo some said that she carried. Newspaper accounts over the last two centuries have perpetuated these stories, melding truth with fantasy and encouraging many to look for the wreckage. For example, an 1894 article in the Alaska Herald related the story of two Indians coming into town [Sitka] with an airtight copper tank, utensils, and oak timbers found near Mount Edgumbe and presumably from the NEVA shipwreck (Shalkop 1979:14-15). The writer went on to describe stories that had been told in Sitka, including one that the ship’s captain had placed valuables in barrels and buried them beneath a large spruce tree. A 1915 article in the Daily Alaska Dispatch (Juneau) reported that a commercial diver from Port Townsend, Washington, had received a permit from the “War Department” to salvage “lost gold” from the NEVA (Shalkop 1979:15-16), which carried a \$200,000 payroll bound for Sitka. The article went on to say that the wreck had “slid into deep water,” and that recovery

efforts had been abandoned by the Russian government due to “lack of a proper wrecking outfit.” Numerous articles in Pacific Northwest newspapers during 1914-1915 recount plans by Captain J.E. Sayles and salvage diver Charles F. Stagger to salvage the NEVA, but details are sketchy and confusing. For example, one article mentions plans to “salvage the boilers” from the NEVA – an impossibility since a sailing ship of that era would not have a boiler. There is no follow up by the newspapers to suggest that any salvage ever took place, or that wreckage had actually been discovered. Like modern “treasure hunters,” Sayles and Stagger were probably trying to entice investors with improbable promises of riches.

The Reverend Andrew Kasheverof, curator of the Alaska Territorial Museum, wrote an article on the NEVA in 1932 based on Golovnin’s narrative (Shalkop 1979:16). Adding his own text, Kasheverof described the recent discovery of a cave in the wreck area where the survivors are believed to have taken shelter. The discoverer is said to have found a portion of a “Russian brass candlestick,” and noted a crown and horseshoes chiseled into the cave wall. In 1939, Kasheverof placed a mast or yard arm fragment said to be from the NEVA in the Territorial Museum (later the Alaska State Museum). The museum’s collections still include the specimen, which is carved from yellow cedar. Another yellow cedar fragment in possession of a private citizen in Juneau is said to have also come from the Kasheverof piece.

Field Methodology

Field objectives and methodologies followed those described in the project’s research design. The 2012 baseline was re-established, and was used as a basis for establishing an X/Y/Z coordinate system via the use of a total station and tapes. The site area and surrounding landforms, including terraces and beach, were also topographically mapped by total station. This included an elevational cross-section from the lower intertidal zone to the upper terrace. In 2016, the site area was also mapped by

the use of a drone, courtesy of Sean Adams (“3 Points in Space Media LLC,” Vancouver) and Ryan Marlow (“Alaska Aerial Media,” Anchorage). Experienced archaeological cartographers John Pollack and Sean Adams (Institute of Nautical Archaeology) oversaw all aspects of mapping. Excavations were carried out through the implementation of block excavations, as well as 50cm x 50cm test pits. To the extent possible, each exposed artifact was assigned an X/Y coordinate and depth below surface (BS). Due to the shallow nature of the deposits, a “below datum” designation was not assigned. However, all notable artifacts were recorded in three dimensions via total station. All soil from excavation units was screened through ¼ inch mesh. The damp or muddy soil did not allow for the use of a smaller mesh size, but soil samples from hearths were collected for flotation or screening through small mesh. Artifacts and fauna from the screens were placed in unit / level bags. At the end of each day, the bagged artifacts were placed in larger bags for that particular day’s collection, and secured in a rigid plastic chest in camp.

Metal detectors were indispensable for determining test pit locations, and two different models and coil sizes were used. A Fisher CZ-21 was the primary instrument due to its sensitivity and depth penetration. A Whites M6 was used in conjunction with the Fisher to help determine the nature and composition of targets (i.e., ferrous, non-ferrous, large, small, etc.). The metal detector survey was done systematically by dividing the site area into manageable sections. Every metal detector target was assigned an identifying number and entered into a log. All locations were recorded by total station, and some were also assigned X/Y grid coordinates. The Whites M6 was fitted with a small coil to routinely check units during the course of excavation. Back dirt piles were also routinely examined by metal detector to check for artifacts that had fallen through the ¼ inch screens. Small lead shot and other finds were recovered in this manner. A systematic metal detector survey was also conducted in the beach fringe at the base of the terrace scarp. Daniel Thompson, with a high level of experi-

ence in archaeological metal detecting, oversaw the metal detector program.

Each participant kept a field notebook with details of the daily activities in which they were involved. Details of excavation were kept in field notebooks, while stratigraphic profiles and block excavation plan drawings were done in a larger format notebook. These were later drafted and digitized. A dedicated project camera was used to record ongoing excavations, notable artifacts, stratigraphic profiles, and features. Additionally, project videographer Gleb Mikhalev conducted interviews with participants and routinely captured video and photos of progress each day.

Results of Field Investigations

The metal detector survey of the SIT-693 site terrace identified 76 targets in 2015, 42 of which were in the area believed to have been the survivor camp. Twenty-five of the targets were in an area north of the “survivor camp,” believed to represent a later (mid-to-late 19th century or early 20th century) Tlingit hunting camp. In 2016, the metal detector survey area was expanded to a small cove north of the Tlingit hunting camp. In this area, archaeologists discovered another cache of Russian axes, as well as copper sheathing and a yard brace (rigging hardware) believed to relate to the NEVA. Sixteen one-meter excavation units were opened in three blocks during 2015. Block 1 (SE Excavation Area), comprised of six contiguous one-meter units, was the first excavated and is in the presumed survivor camp area (Fig. 5). Block 2 (Central Excavation Area), comprised of eight contiguous one-meter units, was located approximately three meters south of Block 1 and is also in the presumed survivor camp area. Block 3 (“Kitchen Terrace Area”), comprised of 2 contiguous one-meter units is north of the stream. This area is now known to be the location of the later Tlingit hunting camp. In addition to the block excavations, numerous smaller (50cm square or less) were opened to remove metal detector targets. In 2016, excavations were expanded to include seven additional one-meter-square units in the “survivor camp” area and

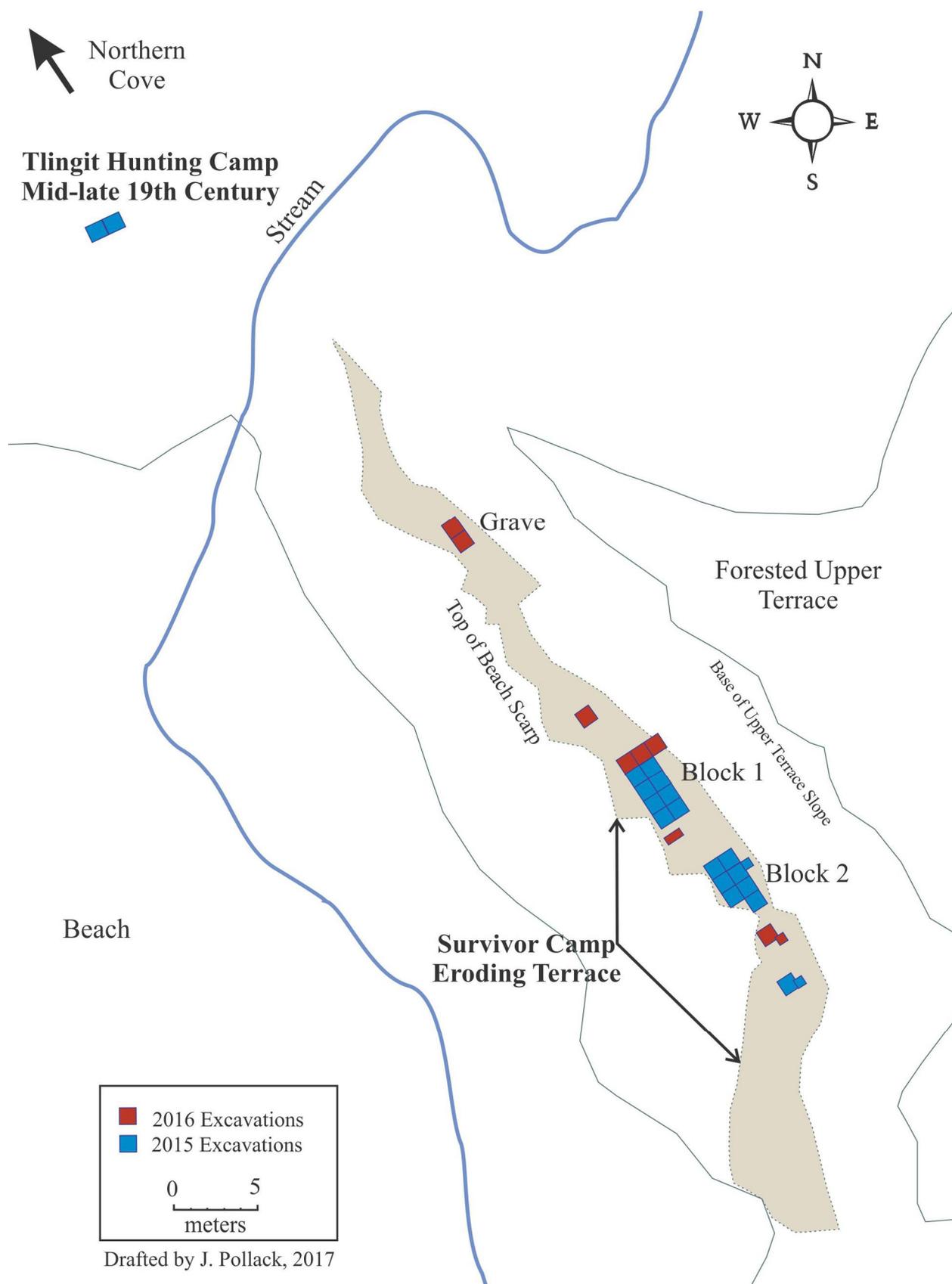

Fig. 5. Plan drawing of 2015 and 2016 excavation units at the NEVA Survivor Camp (SIT-963)
Рис. 5. План раскопов и шурфов 2015 и 2016 гг. на лагере выживших с корабля «Нева» (SIT-963)

several smaller excavations to recover significant metal detector targets to the north of the “survivor camp.”

Primary Terrace (Blocks 1 and 2):

Despite demonstrated contamination by later materials, overall findings support the hypothesis that SIT-963 is the location of the NEVA survivor camp. Recovered artifacts, which are consistent with an early 19th century timeframe, include French gunflints, a brass buckle, reworked copper sheathing, copper and iron nails, musket/pistol balls, Russian axes, and the leg from a brass nautical (or carpenter’s) divider (Fig. 6). In general, the artifacts are consistent with a “salvage” rather than camp situation. For example, both gun-

flints and associated small flakes of gunflint material were recovered, suggesting that they were used as strike-a-lights for fire starting. Micro-flakes from the North Block were associated with burned (carbonized) grass, such as might have been used for tinder. This is consistent with the survivor account that one of the *promyshlenniki* was able to start a fire with a flintlock pistol, allowing the survivors to make it through the first night (Shalkop 1979:38). Some of the recovered musket balls have been whittled, as if to reduce their size for use in a smaller caliber weapon such as a pistol. Short sections of copper rod were also present, and may have been cut for use in a weapon. Smaller, hand cast lead shot (with mold lines) were also recovered and may sug-

Fig. 6. A representative collection of artifacts discovered in July 2015: a – one leg of a brass nautical divider for measuring distances on charts; b – a copper ship’s nail; c – a fishhook possibly made from a copper nail; d – a brass or copper belt or strap buckle; e – perforated sheet copper, possibly from hull sheathing; f – perforated sheet copper, possibly from hull sheathing; g – French gunflint; h – French gunflint; i – lead musket ball

Photos by Dave McMahan

Рис. 6. Репрезентативная коллекция артефактов, найденных в июле 2015 г.: a – ножка латунного навигационного делителя для измерения расстояний на графиках; b – корабельный медный гвоздь; c – рыболовный крючок, возможно, сделанный из медного гвоздя; d – латунная или медная пряжка ремня; e – перфорированная листовая медь, возможно, из оболочки корпуса; f – перфорированная листовая медь, возможно, из оболочки корпуса; g – французский ружейный кремль; h – французский ружейный кремль; i – свинцовая мушкетная пуля

Фото Д. МакМэхэна

gest the use of a fowling gun. Due to Block 2 contamination, it has not yet been determined if the smaller shot are intrusive. At least one of the copper nails appears to have been shorn off, as would have occurred as the result of wrecking. A copper fishhook recovered from the site may have been fashioned from a nail. Numerous small fragments of copper sheeting, probably ship's sheathing, were recovered from the survivor camp area in 2015.

Features identified during excavations in the "primary terrace" area include several hearths scattered along the terrace edge, as well as two piles of stacked boulders (Fig. 7). The boulders may have served as anchors for a sailcloth tent, or perhaps as steam bath stones. One of the hearths (Block 2) was determined to be intrusive and consistent in age with the nearby Tlingit hunting camp (i.e., mid-to-late 19th century). The intrusive nature of this hearth is visible in profile, and substantiated by artifact analysis. For example, a decorated and marked kaolin pipe stem fragment has been conclusively identified by Thompson as dating within mid-to-late 19th century. Generally, pipe smoking (as opposed to snuff and chewing) was not popular among Russians until the 1830s (personal communication, Dr. Alexander Petrov, Russian Academy of Sciences). Other presumed intrusive artifacts from the hearth include a small piece of clear glass from near the surface, a small piece of water worn transfer-print ceramics, and a jack or pen knife. The knife was discovered in a concretion that was broken apart in the laboratory. Chemical analysis suggests that at least one of the sheet copper fragments is intrusive from the late 19th century. Other than the possibly intrusive items described above, the "primary terrace" deposits were devoid of ceramics, glass and other items which would be expected on a camp or settlement site.

In addition to excavation, seven dendro cores were extracted from spruce trees in the "primary terrace" area by use of an increment borer. Ring counts (from cores at breast height) ranged from 55 to 132 years, without correction for seedling growth or height of the core. With a conservative 5-year correction

(i.e., 137 years for the oldest), this indicates that (at the latest) the terrace had uplifted enough to support tree growth by around 1878. Excavations on the terrace indicate that the survivor camp was originally on a sandy substrate indicative of a supra-tidal or beach fringe deposit. This condition probably existed until at least the mid-19th century, based on the presence of intrusive mid-to-late 19th century artifacts in contact with beach sand in the Block 2 deposits. This is consistent with NOAA estimates of 11 feet of uplift since 1813.

"Tlingit Hunting Camp" (Block 3):

Block 3, comprised of a 2m x 1m unit, was excavated north of the "survivor camp" to investigate a large ferrous metal detector target and associated deposits. A stream separates the two excavation areas. While late 19th century materials had been recovered from the Block 3 area during the 2012 metal detector survey, it was hoped that earlier materials would also be discovered. The unit was excavated 0.75m into deposits of hearth material and organic enriched soil. The large ferrous target proved to be a portion of a cast iron kettle containing deer bones. Other artifacts included kaolin pipe stem fragments, a .44 center fire shell casing, an iron gouge or chisel, ceramics, glass trade beads, a button, wire nails, and numerous deer bones. The ages and nature of the items recovered suggests that the deposits probably represent a mid-to-late 19th, or perhaps early 20th century, hunting camp. A recently discovered entry in the 1901 Coast Pilot, based on a 1900 survey, reads: "Neva Bay, 2 ½ miles northward of Cape Edgecumbe, has several Indian shacks, and the Indians find a landing place for canoes behind the reef at the north point at the entrance." This suggests the presence of a Tlingit camp in 1900. The recovery of massive amounts of deer bone, including some within an iron kettle, indicates that the focus of the camp was hunting. Several metal detector targets were noted in the area identified as a landing place, but no excavations were conducted there.

*Fig. 7. Dr. Artur Kharinsky (Irkutsk National Research Technical University) recording artifacts adjacent to stacked boulders at the NEVA Survivor Camp (SIT-963)
Photo by Dave McMahan*

*Рис. 7. Доктор Артур Харинский (Иркутский национальный исследовательский технический университет) документирует артефакты, найденные рядом со сложенными валунами на лагере выживших с корабля «Нева» (SIT-963)
Фото Д. МакМэхэна*

North Cove Area:

In 2016, the metal detector survey was extended around a small cove just north of the “Kitchen Terrace / Block 3” area. Because the south end of the cove overlapped with the north end of the Block 3 hunting camp area, it was assumed that any metal targets would be late 19th century. During testing, however, one of the targets proved to be four panels of copper ship’s sheathing (Fig. 8). The sheathing had been ripped from its fasteners and stacked as if cached for later use. Beneath the sheathing was a small bundle of four pieces of iron bar stock secured with a spruce root cord (degraded but identified microscopically). Another target, further north, proved to be a cache of five Russian axes. A rectangular stain in the soil above the axe cache suggests that they had been in a wooden crate. Nearby a piece of iron canister shot or grapeshot was recovered. A metal object was discovered eroding from the root system of a large spruce tree. Subsequent investigation revealed a yard brace, ship’s hardware that would have secured a yard arm, perhaps from the topsail (Fig. 9). The yard brace exhibited evidence of intense burning on the outer surface, as if the wooden spar had been placed in a fire to separate it from the hardware. Beneath the yard brace, and in direct contact, were two additional Russian axes. A short distance away, in the middle intertidal zone, a large wrought iron drift pin (as would have fastened the keel to the keelson of a sailing ship) was found wedged in a rocky crevice. The discoveries in the North Cove area are significant in that they represent the first direct evidence of a Russian sailing ship – or at least a sailing ship that was carrying Russian axes. The elevation of the copper sheathing, axes, and yard brace around the cove roughly coincides with where the upper tidal limit would have been in 1813 prior to uplift. The cove is also in downstream alignment with the prevailing current from the estimated wreck location of the NEVA. The only question that remains is whether the ship’s materials were cached by the survivors themselves or by later visitors to the site.

The Grave of a Lost Sailor:

A few days before the close of the 2016 field season, team members began investigating a depression at the northern edge of the “survivor camp” area via a 2m x 1m excavation unit. Charcoal and calcined fauna, was eroding from the undercut shoreline at this location and it was assumed that another hearth was present. Subsequent excavations did reveal hearth material, but below the hearth was a rectangular organic stain outlined by heavily corroded nails of different sizes (Fig. 10). The size, shape, and eastern orientation of the feature indicated that a coffin burial was represented. The rows of mismatched iron nails in the coffin indicate that it was built on-site, probably using whatever ship’s lumber had washed ashore. Crewmen took great care in the internment, placing it close to camp and positioning their comrade in a traditional Russian Orthodox east to west orientation. As per agreement with the land owner and tribe, the grave was only excavated to the extent necessary to see the outline of the top of the coffin. It was then backfilled without further disturbance. Based upon the condition of unburned faunal remains in the survivor camp area, and the acid soils of spruce forests, it is doubtful that the grave contains much more than a “bone stain”.

Accounts indicate that around 32 died as a result of the wreck, and that at least some recovered bodies were buried by their comrades. Given the weakened condition of the survivors, it is unlikely that they would have transported the remains very far. Berkh’s account indicates that only two bodies were recovered “completely whole.” The only burial he mentions by name is that of Tertii Stepanovich Bornovolokov, Alexander Baranov’s replacement as RAC chief manager (Shalkop 1979:40). Certainly Bornovolokov would have been considered of high enough status to warrant the construction of a coffin under primitive conditions, but the occupant of the discovered grave is open to speculation. At the conclusion of archaeological work, representatives of the Sitka Tribe of Alaska and Russian

Fig. 8. A cache of copper ship's sheathing discovered in the "North Cove" area in 2016. Photo by Dave McMahan

Рис. 8. Клад медных оболочек корабля, обнаруженный в районе «Северная бухта» в 2016 г. Фото Д. МакМэхэна

Fig. 9. A yard brace (sailing ship's hardware) discovered in the "North Cove" area in 2016. Photo by Dave McMahan

Рис. 9. Палубная скоба (деталь парусного судна), обнаруженная в «Северной бухте». Фото Д. МакМэхэна

Orthodox Church held ceremonies on the site to bless those who perished.

Collections Treatment and Analysis

Artifacts are presently undergoing analysis at the Department of Anthropology, University of Alaska Anchorage. Some of the iron artifacts, such as axes, were cleaned via electrolytic reduction (electrolysis) at the Office of History and Archaeology (OHA) laboratory in Anchorage. Some of the iron concretions deemed too fragile for electrolysis were x-rayed, courtesy of the Nautical Archaeology Laboratory, Texas A&M University. The radiographs depict mostly iron spikes/nails, although an iron ring (fastener?) and spoon fragment are also visible. There are plans for metallurgical analysis of representative copper artifacts by Dr. Kory Cooper (Purdue University) and Dr. Peter Northover (University of

Oxford). Dr. Northover is initiating a study to determine chemical signatures of Russian copper throughout the late 18th and 19th centuries. This will benefit not only our interpretation of the NEVA artifacts, but will contribute to our understanding of collections from other Russian colonial sites in Alaska. Key artifacts from the site have undergone 3D scanning by Ted Parsens (University of Alaska Anchorage) and Sean Adams, (3 Points in Space Media LLC, Vancouver). The scans can be used in a virtual museum exhibit, or to produce duplicate artifacts with a 3D printer. Once analysis has been completed, the collection will be permanently curated by the University of Alaska Museum of the North in Fairbanks.

Soil samples from excavation units were dried in the laboratory, and some were floated or waterscreened through 500 micron mesh to extract charcoal and biological specimens

Fig. 10. The outline of a coffin burial was discovered at the northern edge of the survivor camp. Photo by Dave McMahan
Рис. 10. Фрагмент гроба погребения был обнаружен на северном краю лагеря выживших. Фото Д. МакМэхэна

(fauna and plant materials). Faunal specimens, comprised primarily of small calcined bones from hearth samples, are being analyzed by Dr. Megan Partlow (Department of Anthropology, Central Washington University). She has completed analysis of the 2015 materials, which indicate a preponderance of Sitka black-tail deer remains. Other represented fauna include Steller sea lion, harbor seal, and at least two species of fish. It is cautioned that admixture of later materials from the intrusive hearth in Block 2 may be present. Analysis of the 2016 faunal materials is ongoing but has produced interesting results (i.e., the presence of beaver, as well as hawk or eagle bones). McMahan has conducted microscopic analysis of some specimens (for example, a carbonized grass sample associated with gunflint microflakes).

2016 Underwater Investigations

A side scan sonar survey was conducted with John Pollack's Starfish 492 towed from a 16' inflatable Achilles rigged with a covered laptop platform. The survey was comprised of a number of transects conducted parallel to the shore, across the mouth of Neva Bay, over a two day period. The data are geo-referenced, and will be plotted. However, the data are compromised by thick summer kelp growth. While the sonar provided some possible targets for further exploration, the air in kelp stems generally precludes useful sonar data. The same is true of scuba operations. Several dives were conducted by Adams, Anichtchenko and McMahan (two divers down and one safety diver suited up above), while Pollack operated the boat. Kelp was so thick that the ocean floor could not be observed without tunneling down through the kelp. There was also significant surge, especially along the outside of the reef. While cannon and other large ship's items may be present in rocky crevices in the ocean floor, underwater investigations are very difficult in this area. Due to an estimated 3+ meters of uplift since 1813, it may be more prudent to search for additional remains of the ship in the intertidal zone or forest fringe.

Archival Research

The major elements of proposed archival research have been completed, although Russian documents have not yet been translated to English for final reporting. In September 2014, Anichtchenko and McMahan conducted archival research in St. Petersburg, Russia. Numerous documents were examined in the Russian Naval Archives and the Russian Historical Archives in an attempt to flesh out the NEVA's history, particularly events leading up to the vessel's final voyage. While no details of the wreck itself were discovered, official correspondence details the events leading up to the NEVA's final voyage to Alaska. One of the documents revealed the name of a British firm for follow up in London.

During late September and early October 2015, Anichtchenko and McMahan (along with archaeologist Patricia Browne) conducted archival research in London, UK. Because the NEVA (originally the THAMES) was British built, it was hoped that London archives would contain details on construction, ship yard, builder, and original owner / master. Despite a lack of optimism prior to the trip, significant details were discovered and were incorporated into reporting on the ship's history. Sources of useful information included Lloyd's Register, the British National Archives, the National Maritime Museum's Caird Library, the London Metropolitan Archives, and the Docklands Maritime Museum. Follow up research is ongoing to flesh out and confirm details, and pertinent Russian documents are being translated.

Conclusion

While not all mysteries associated with the wreck of the NEVA have been solved, we can now replace some of the "lore of the sea" with scientific outcomes. Stories have grown up around the *Neva* and the rich cargo that some say she carried. Through the multidisciplinary research accomplished under this project, some of the "lore of the sea" can now be replaced with scientific outcomes. Although analysis is ongoing, the NEVA camp artifacts provide a snapshot in time of the privations of her shipwrecked crew. The archaeological

finds suggest that the survivors were active in their own rescue, sending out organized parties to collect useable wreckage, fishing, and hunting. Excavations confirm the crew had very little, but used everything they could salvage to maximize their odds. Sheets of NEVA's hull sheathing were rolled and hammered to create basic survival tools. Numerous iron axes salvaged from the ship's cargo, along with a handful of gunflints, gave survivors the chance to create fires and shelters. Even the broken leg of a navigators map divider, no longer useful after the NEVA's sinking, could easily have been repurposed as an awl, giving survivors a tool to create tents or heavy sailcloth clothing. After weeks onshore with little more than scattered wreckage, this remarkable ingenuity and skill at foraging allowed the group enough energy to launch overland search parties, a strategy which led to their ultimate rescue.

Despite close geographic, cultural, and historical links between Russia and Alaska, there have been relatively few collaborative international studies in the historical archaeology of Russian America. This project is a more robust continuation of previous collaborative work by McMahan, Dilliplane, Kharinsky, Tikhonov, Lihkin, Anitchenko, and others in Alaska and Russia (NSF Award Numbers ARC-1153209, ARC-0939789, and ARC-0620600). The *Neva* Project broadens our knowledge base of colonial Russian America, as well as shipwreck survivor camps in the subarctic / arctic regions. While no additional

fieldwork is planned under current NSF funding, it is important to note that the terrace remnant with the presumed survivor camp is being severely undercut by storm waves. It is fortuitous that the site was discovered in 2012, as it will likely be gone in another decade. A significant percentage of the remaining archaeological deposits have been excavated, and it seems likely that only the inland periphery of the survivor camp remains. The land owner (US Forest Service) has been cautioned that archaeologists should monitor the eroding deposits on an annual basis to recover any eroding artifacts with interpretive value.

Acknowledgements

Work was carried out under a grant from the U.S. National Science Foundation (Award PLR-1330939) and permits from the U.S. Forest Service (No. SIT699/620935010602) and Alaska Office of History and Archaeology (No. 2014-02). The author is grateful for participation or support by representatives of the U.S. Forest Service, the Sitka Tribe of Alaska, the Alaska Office of History and Archaeology, the Sitka Historical Society, Sitka National Historical Park, Massachusetts Maritime Academy, Irkutsk State Technical University, Taltsi Museum of Architecture and Ethnography, the National Oceanic and Atmospheric Administration, University of Southampton, the National Marine Sanctuaries Foundation, 3 Points in Space LLC, and Alaska Aerial Media LLC.

Article was received in February, 27, 2017

Статья поступила 27.02.2017 г.

References

Bland, R.L. *Another Version of the Wreck of the Neva*. The International Journal of Maritime History 2015, Vol. 27(2), pp. 285–301.

DeArmond, R.N. Fleet, in *Alaska Life the Territorial Magazine*. Alaska Life Publishing Company, Seattle, 1946. P. 8–14.

Krusenstern, A.J. *Voyage Round the World, in the Years 1803, 1804, 1805, & 1806, by order of His Imperial Majesty Alexander the First, on board the Ships Nadeshda and*

Neva, 404 pages. Printed by Roworth [I] and T. Davison [II] for John Murray and the Board of Longitude, London, 1813.

Lloyd's Register of Shipping. *Lloyd's Register of Shipping*, Lloyd's Register Foundation, London, UK, 1764-present.

Lisiansky U. *A voyage round the world: in the years 1803, 4, 5, & 6; performed, by Order of His Imperial Majesty, Alexander the First, Emperor of Russia, in the Ship NEVA, by Urey*

Lisiansky, Captain in the Russian Navy and Knight of the Orders of St. George and St. Vladimir, London 1814. 388 p.

Massov A. The Visit of the Russian Sloop *Neva* to Sydney in 1807: 200 Years of Russian-Australian Contacts. In *Australian Slavonic and East European Studies (ASEES)*: 20(1-2), Queensland, 2006. P. 203-214.

McMahan D. J. Search for the NEVA Wreck Site: 200th Anniversary Expedition: Report of 2012 Investigations. Unpublished [restricted] document on file at the Office of History and Archaeology, Alaska Division of Parks and Outdoor Recreation, Anchorage, 2012. 15 p.

Moessner V.J. Translator's Introduction, in *A Voyage Around the World 1803-1807*, by Georg Heinrich von Langsdorff, edited by Richard A. Pierce. Limestone Press, Kingston, Ontario, 1993. P. xi-xxx.

Moessner V.J. 2003 *First Russian Voyage around the World: The Journal of Hermann Ludwig von Lowenstern 1803-1806*. University of Alaska Press, Fairbanks. 510 pages.

Pierce, R.A. *Russian America: A Biographical Dictionary*. Limestone Press, King-

ston, Ontario and Fairbanks, Alaska, 1990. 555 p.

Registry of shipping, *London foreign trade*, British National Archives BT 107/13, 1803.

Shalkop A. *The Wreck of the NEVA*, annotated and translated by Antoinette Shalkop, with an introduction by Antoinette Shalkop and Richard Pierce, 64 pages. Published by the Alaska Historical Society and Sitka Historical Society, and partially funded through a grant from the Alaska Historical Commission, Anchorage, 1979.

Tikhmenev P.A. A History of the Russian American Company. Translated and edited by Richard A. Pierce and Alton S. Donnelly, University of Washington Press, Seattle and London 1978. 538 p.

Viires A. Woodworking in Estonia: Historical Survey. Israel Program for Scientific Translations, Jerusalem [translated from Estonian], 1969. 340 p.

Wilber G. (publisher) *NEVA – Russian Man of War*. In *Sitka – our 'Land of Destiny'*, Pamphlet published by Alaska Publications, Sitka, Alaska. Copy on file at the Sitka Historical Society Museum. 1993. P. 23.

Information about the author

David J. McMahan,
McMahan Consulting,
International Association of Specialists on
Russian America,
1021B Meadowbrook Road, Ashland City,
Tennessee 37015, USA, MA, 1983,
ugruk@hotmail.com

Attribution criteria

McMahan D. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

МакМэхэн Дэвид Дж.,
владелец фирмы МакМэхэн Консалтинг,
член Международной ассоциации специа-
листов по Русской Америке,
1021B Meadowbrook Road, Ashland City,
Tennessee 37015, USA, MA, 1983,
e-mail: ugruk@hotmail.com

Критерии авторства

МакМэхэн Д. выполнил исследователь-скую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Оригинальная статья / Original article

УДК 93:343.264(571.56)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-67-74

ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© **Е.С. Сальникова**

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В данной статье рассматриваются условия передвижения ссыльных к месту их причисления и проживания. Дается сравнительный анализ особенностей пребывания в Сибири уголовных и политических ссыльных. Хотя по закону особых условий пребывания для политических ссыльных не было предусмотрено, но их отличало многое: способ передвижения, отношение начальства, назначаемые пособия и др.

Ключевые слова: ссылка, поселенцы, политические и уголовные ссыльные, путь следования в Сибирь, занятия ссыльных.

Формат цитирования: Сальникова Е.С. Положения уголовных и политических ссыльных в Сибири во второй половине XIX века. Сравнительный анализ // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 67–74. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-67-74

THE SITUATION OF THE POLITICAL AND CRIMINAL OFFENDERS IN SIBERIA IN THE SECOND PART OF 19TH CENTURY THE COMPARATIVE STUDY

© **E.S. Salnikova**

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

The article deals with the conditions of deportees transportation to the penal settlement and their habitation conditions. There is a comparative study of settlement features between political and criminal deportees. According to the law there were no special conditions for political criminals but there were some differences in payments, authority attitude, way to a penal settlement, etc.

Keywords: an exile, a deportee, political and penal criminals, an itinerary, exile's activities

Citation format: Salnikova E.S. The Situation of the Political and Criminal Deportees in Siberia in the Second Part of 19th Century. The Comparative Study. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 67–74. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-67-74

Ссылку в Сибирь, условно можно разделить на три этапа: тюремное заключение, путь следования по Сибири и отбывание наказания. Во всех официальных документах, которые касались правил ссылки в Сибирь, не выделялся особый порядок следо-

вания для политических ссыльных, но на деле он сильно отличался от других категорий арестантов.

Еще до высылки в Сибирь, политические заключенные в тюрьме пользовались чрезвычайными льготами: они жили от-

Рис. 1. Внешний вид уголовных ссыльных
Fig. 1. Appearance of the criminal exiles

дельно от уголовных арестантов, их не заковывали, не брили головы, не надевали арестантского платья. Они имели книги, бумагу, кухню, кладовые, баню, мастерские, где занимались переплетным делом и резьбой по дереву. Только этой категории ссыльных разрешалось курить табак, получать из дома чай, сахар, деньги, книги. «В материальном отношении политические составляли аристократию тюрем и им смело могли завидовать другие арестанты» (Николаевский, 1898. С. 20).

В тюрьме политическим арестантам свидания с близкими разрешалось безо всяких ограничений. Тюремная администрация показывала пример человеколюбия, не желая усиливать тяжесть предварительного заключения, разрешала свидания даже не родственникам. Такими лицами являлись «невесты» заключенных, иногда даже не знакомые с ними. Эти «невесты» пользова-

лись решительно всеми преимуществами законных жен.

История ссылки знала немало примеров, когда Министерство внутренних дел меняло место ссылки уже осужденным «невестам», и отправляла их к жениху, иногда даже женатому. «Такие переводы обходились казне недешево (каждая верста пути политических заключенных – 19 копеек, а весной – 24 копейки)» (Там же. С. 27).

Льготы для политических ссыльных распространялись на многое. Об этом свидетельствуют в своих воспоминаниях сами арестанты: «Самый главный вопрос – наличие багажа. По инструкции лицам, лишенным всех прав состояния, разрешалось иметь не более 25 фунтов багажа на каждого, но только казенные вещи имели этот вес. Нельзя было вести книги, каковых у нас накопилось немало. Но начальство сообщило, что вес багажа будет распределяться на всех отправляемых в партии, а так как административным ссыльным дозволялось иметь 5 пудов, а у них было мало вещей, то мы, каторжане, могли взять с собой и вещи и книги» (Дейч, 1906. С. 125).

До 1879 года все политические и административные ссыльные отправлялись на тройках в сопровождении двух жандармов. С 1879 года, когда число высылаемых быстро возрастало, их стали отправлять пешим этапом, но и здесь они имели привилегии. Из политических формировались отдельные партии. Их отправляли с таким расчетом, чтобы они не встречались с уголовными ссыльными. Это давало им первую возможность свободно располагаться на этапах, занимая целые дома.

По железной дороге политические ссыльные ехали не в арестантских вагонах, а в пассажирских III класса. Во время перевозки партии ссыльных на пароходе у них были отдельные каюты, свой конвой. Они готовили себе еду отдельно. Им разрешали на пристанях через солдат покупать продукты. Вечером, когда уголовных арестантов закрывали в камерах, политических выпускали на палубу, где они пили чай, пели, читали стихи.

В Томске заканчивался пароходный путь, далее – пешим ходом по Московскому тракту. Этот путь был особо тяжелым для арестантов. Очень рано партия выступала в дорогу, чтобы засветло добраться до этапа. Во время ночлега мест на нарах всем не хватало, размещались на полу. Всех этих неудобств политические ссыльные не знали, вставали позже, ехали всю дорогу на телегах, могли гулять во время пути. Этапные офицеры давали им самовары, дрова для приготовления обеда. Даже ночью на этапах им разрешалось выходить во двор. Везде по пути следования – и на этапах, и в тюрьмах, политических при приеме и проверке выданных вещей никогда не задерживали и принимали первыми.

Несмотря на то, что политические пользовались относительной свободой, они часто протестовали, если их что-то не устраивало. В своих воспоминаниях народоволец Л. Дейч (осужденный на 13 лет каторги) писал: «Мы добились, чтобы нас отправляли с этапа не в 4 утра, как уголовных, а в 6, чтобы мы могли выспаться, и старший офицер вынужден подчиниться, потому-то мы пригрозили ему бунтом. Некоторые офицеры не прочь были оказать нам любезность и внимание, предлагали

нам газеты, отправляли письма» (Там же. С. 142).

Конвойные офицеры относились к политическим ссыльным сдержанно-официально, стараясь избежать каких-либо столкновений и неприятностей. Особую роль в политических ссыльных партиях играли женщины, они готовили пищу, обустроивали быт, но по Уставу о ссыльных, женщины должны были следовать и размещаться в тюрьмах отдельно от мужчин, вместе с семейными ссыльными, однако политические часто добивались совместного этапного проживания: «В Томске девушек опять хотели отделить от нас, но мы послали телеграмму в Санкт-Петербург, в Главное тюремное управление, и оттуда пришел благоприятный ответ. Часть нашей партии в Тюмени должна была отправиться на поселение пешим порядком, они отказались, требуя доставить их водным путем, для чего была отправлена телеграмма губернатору, он сам лично приехал из Тобольска, пообещав выполнить эту просьбу» (Там же. С. 126, 136).

В чем была причина особого положения политических ссыльных? Л. Дейч пишет: «Немалую роль в таком отношении к нам властей играло сознание политически-

Рис. 2. Путь следования ссыльных в Сибирь
Fig. 2. Path of following of the exiles to Siberia

ми своей правоты и присущее им чувство собственного достоинства» (Там же. С. 123). Возможно, последнее и имело место, но главное то, что большая часть этих людей принадлежала к дворянскому сословию, которое по Уставу пользовалось особыми льготами.

До 80-х гг. XIX века порядок надзора за политическими ссыльными был не обременительным. Им разрешали селиться в городах Восточной Сибири, 1–2 раза в неделю их посещал судебный пристав.

В 1878 году был принят закон о ссылке политических преступников в Якутию. Все политические ссыльные Якутии делились: 1) на административных ссыльных; 2) ссыльнопоселенцев из бывших политкаторжан; 3) сосланных по приговорам суда.

Административная ссылка в Якутскую область вводилась как постоянная карательная мера в системе политических репрессий после издания секретного Распоряжения Департамента полиции от 23 августа 1878 г., где утверждалось: «Лиц, которые, по обвинению в государственных преступлениях будут уличены, подлежат высылки в административном порядке преимущественно в Восточную Сибирь и, в частности, в Якутскую область» (Кротов, 1925. С. 11). Дополнительно к этому Распоряжению, с 12 марта 1882 г. также сюда стали отправлять на поселение после отбытия каторжных работ в Забайкальском крае.

Причиной появления этого Распоряжения была ликвидация революционной организации «Народная воля» и движения «Хождения в народ» (в тюрьмах оказалось более 2 тыс. человек). Из всего количества арестованных предано суду было 193 человека.

Всего за первое десятилетие действия этого закона было сослано 274 человека (Из истории политической ссылки в Якутскую область..., 1927. С. 12). Их отправляли в глухие улусы Вилюйского округа. Эту категорию ссыльных (сосланных по приговорам суда) наделяли землей, чтобы они могли иметь пропитание, так как пособие от государства, как административным ссыль-

ным, им не полагалось. Из них 152 – русских (53 %), 85 – евреев (30 %), 17 – поляков (6 %).

Социальный состав: дворяне и дети чиновников – 71 чел., мещане – 100 чел., крестьяне – 33 чел., остальные – купечество, духовенство и военные – 81 чел. Высшее образование имели 73 чел., среднее – 99, начальное – 53 (Там же. С. 15).

Из воспоминаний Г. Циперовича (руководитель социал-демократического кружка рабочих и матросов в Одессе в 1894 г.): «Чем дальше отъезжали мы от Якутска, тем яснее и отчетливее чувствовалось, в какую ужасную ненормальную обстановку попали мы. Вокруг нас уже не было стен, не было и ненавистного конвоя, но эта могила, этот беспредельный снег, стерегший нас со всех сторон, шаг за шагом, убивал в нас веру в грядущее будущее. Это была тюрьма без оград и запоров, пытка без мучителя, издевательство стихии над страстями и стремлениями живых, но живо погребенных и бессильных людей» (Там же. С. 47–48).

Всем уголовным ссыльным, если они не хотели заниматься сельским хозяйством, разрешалось брать выкуп у якутов за полагающийся им надел, или им выдавали паспорта, и они отправлялись на поиски работы.

Намного хуже было административным ссыльным, которые поселялись в якутских наслегах. Им нельзя было отлучаться, в отличие от ссыльнопоселенцев.

В существовавших правилах по устройству быта политических ссыльных им воспрещалось заниматься воспитанием детей, преподаванием наук, иметь аптеки, типографии, фотографии, должности в правительственных учреждениях, заниматься медицинской практикой и т. п. И лишь сельское хозяйство было доступно для этой категории граждан. И они, чтобы не погибнуть с голоду, вынуждены были добиваться надела. Занятия земледелием служили для политических ссыльных существенным подспорьем. Арбитром в этом споре выступал исправник, областной советник, губер-

натор. Для них этот спор был доходной статьёй. Отказать ссыльному в наделе было нельзя, но можно было, не отказывая, годами вести бюрократическую волокиту за определенную плату со стороны якутов. Из-за этого случались конфликты с якутами. «Якуты ненавидели всех русских и политических, в частности. Чувствуешь себя в полной власти враждебно настроенных полудикарей: ничем не гарантирована ни безопасность твоей личности, ни имущества» (Там же. С. 141).

Ссылнопоселенцев, как уголовных, так и политических, помещали на иждивение в юрту якута, обязывая его кормить, поить до назначения казенного пособия и до обзаведения собственным жилищем. Старосты наслег обязывались следить за поселенцами и не позволять отлучки.

Сумма пособия политическим определялась в зависимости от их социального происхождения. Для ссыльных привилегированных сословий ежемесячное пособие составляло 4 руб. 50 коп. на продовольствие и 1 руб. 50 коп. на квартиру, что составляло 72 руб. в год (в исключительных случаях цифру повышали до 114 руб. в год, например, когда человек тяжело заболел). Непривилегированным обычные кормовые выдавали как уголовным преступникам по 9 коп. в сутки т. е. 32 руб. в год, в то время, когда в Верхоянске пуд хлеба стоил 5 руб. 40 коп.

Начиная с 1880 года, для якутской политической ссылки обеих категорий (привилегированные и непривилегированные) были установлены одинаковые пособия. С 1885 года ставка казенного пособия составляла для Колымского округа 216 руб., для Верхоянского – 180 руб., для Якутского и Олекминского округов – 144 руб. и еще 22 руб. ежегодно на одежду.

Среди первых политических ссыльных 96 человек (33 %) стали заниматься земледелием, в основном это те ссыльные, которые были сосланы в районы, относительно пригодные для занятий сельским хозяйством, в частности, Якутский округ. Они немало содействовали распространению хле-

бопашества среди якутов. И усилиями ссыльных были произведены опыты земледелия за полярным кругом. Якутский губернатор передал искреннюю благодарность Шаганову, Волкову, Васильеву за их труды в деле развития земледелия (Там же. С. 18).

Несмотря на то, что политическим ссыльным разрешалось заниматься лишь сельским хозяйством, на деле местное начальство широко пользовалось силами, знаниями, способностями политических ссыльных. Они учили детей, оказывали медицинскую помощь, давали юридические советы и пр., и местное население не считалось ни с какими существующими запретами.

Медицинской практикой занимались многие из ссыльных. Острая нужда в медицинской помощи заставляла якутскую администрацию нарушать правила.

Значительная группа ссыльных занималась научными исследованиями. На протяжении десятилетий ими велись наблюдения на метеорологических станциях в Верхоянске, Колымске, они занимались изучением края, ремеслами.

В 90-х годах в Якутской области в ссылке появляются члены организации социал-демократов. До 1900 года третья часть всех политических ссыльных принадлежала этой организации. По воспоминаниям народовольцев, кроме идеологических разногласий, были и расхождения по вопросам чисто практическим: чем заниматься во время ссылки и как строить отношения с местным населением. «Некоторые из ссыльных, позднейшей формации (социал-демократы), видя в ссылке непосредственное продолжение тюремного заключения, жили лишь чтением и подготовкой революционной деятельности, совершенно игнорируя местную жизнь. Другие, особенно из «стариков» (народовольцы), были тесно связаны со всеми культурными начинаниями, являясь душой и рычагом их. Многие составили себе имя и пользовались широкой и заслуженной популярностью среди местного населения. Ссыльные находили

себе место во всех областях жизни, легко приспособиваясь к новой обстановке, а иногда и к новой профессии» (Там же. С. 184).

По закону 1882 г. некоторым категориям политических ссыльных, которым назначалась административная ссылка, разрешались поездки в другие уезды Восточной Сибири и даже за границу (например, Д.А. Клеменцу разрешали длительные поездки в Монголию). Также ссыльным, не имеющим занятия, назначалось ежемесячное пособие, которое зависело от цены продовольствия в данной местности – от 6 до 20 руб. Кроме этого, полагались деньги на зимнюю и летнюю одежду (Николаевский, 1898. С. 118).

Ссыльным других категорий пособия вообще не полагались, они должны были сами себя обеспечивать.

Иным занятием административных ссыльных было строительство путей сообщения. Они участвовали в ремонте и строительстве почтовых трактов. Принимали одного ссыльного, а за ним тянулись и другие, для этого они быстро приобретали специальное образование. Они работали в качестве техников с окладом в 1 тыс. руб. в год. В распоряжении каждого находилось несколько человек дорожных мастеров, тоже из ссыльных (студенты, учителя, слесаря и т. д.), жалованье которых составляло от 50 до 75 руб. в месяц (Там же. С. 133).

Большинство из этой категории ссыльных в 80-х гг. предпочитало службу на золотых приисках. Они работали в качестве врачей, фельдшеров, конторщиков, кладовщиков, чертежников, электротехников, смотрителей и т. д.

Современный анализ дореволюционной сибирской прессы показывает определенную терпимость и лояльность русского царизма к жизни общества. Политические ссыльные, преступники, по сути дела руководили общественным мнением огромного региона России.

Самым популярным периодическим изданием была ежедневная газета «Восточное обозрение», тираж которой в 90-х гг.

составлял 20 тыс. экземпляров. Н.М. Ядринцев – первый редактор – провел семь лет в царской ссылке, перед тем как возглавить газету. И.И. Попов, редактор и издатель с 1894 года, являлся политическим ссыльным, отбывающим наказание в Сибири. Из 17 человек редакции – 8 были политическими ссыльными.

«Иностранцы, бывавшие в Иркутске, восклицали: – Странная страна!.. Азиатский деспотизм... и такая терпимость к политическим преступникам, – с недоумением говорили они, встречая всюду ссыльных» (Попов, 1989. С. 63). По наблюдениям Н. Николаевского, автора книги «Тюрьма и ссылка» (одного из немногих исследований, специально посвященных изучению не ссылки вообще, а именно ее политической части), «главная черта исследуемого современного периода ссылки – ее относительно стабильное экономическое благополучие. По существу, ничто и никто не мешает ссыльному в Сибири трудиться для своего блага. Он имеет возможность наниматься на золотые прииски, заниматься сезонными промыслами, наконец, работать на богатого хозяина. Знания организации труда, почерпнутые из прошлой жизни в Европейской России, оказывают политикам «хорошую службу» – они быстро приобретают опыт управления, становятся заметными фигурами в любом деле» (Николаевский, 1898. С. 136–137).

В то же время ссыльнопоселенцы владели в Сибири жалкое существование. По закону они все должны были поселиться в деревнях, где им полагался земельный надел. При этом ссыльным доставались крайние и худшие участки земли. Надо было приложить много труда, прежде чем привести их в порядок и получить урожай.

Из пришедших ссыльных в назначенные им деревни брали наделы далеко не все, а их меньшая часть. Препятствием для ссыльных к занятию земледелием являлась крайняя ограниченность материальных средств или их полное отсутствие. Для того чтобы приступить к земледелию, надо было купить лошадь, по крайней мере, одну ко-

рову, завести соху, борону, телегу, сбрую и, наконец, поставить или купить избу. Даже при дешевизне сибирских цен на скот и лес – на все наиболее необходимое требовалось, в самом лучшем случае, не меньше 50 рублей. Число счастливых, обладающих такой суммой, среди ссыльных было самое ничтожное. За 5 лет из 11 тысяч 258 человек и их семейств – 74 % прибыли совсем без средств, а на каждого ссыльного, имевшего деньги, приходилось 23 руб. (Восточное обозрение, 1900. 4 июня). Российская власть отчасти способствовала особому положению политических ссыльных. Так, в 1883 году Министр внутренних дел И.Н. Дурново пишет генерал-губернатору Восточной Сибири В. Корсакову: «В связи с исключительными обстоятельствами последних лет прибегнуть к чрезвычайным мерам для охраны общественного порядка. В связи с увеличением административных ссыльных. 1. Водворять их в городах группами приблизительно 50–100 чел. Избегать промышленные и учебные центры. 2. Учредить особые команды, которые будут вести наблюдение за ссыльными». Корсаков пишет: «В ответ на ваше письмо, вышло постановление Совета по тюремным делам по вопросу об изыскании способов к улучшению в Сибири быта административно сосланным» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 346).

Статья поступила 09.01.2017 г.

Библиографический список

Белокопский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни. Орел : Тип. Н.А. Семеновой, 1887. 245 с.

Восточное обозрение. 1900. 4 июня.

Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Н. Глаголева, 1906. 420 с.

Кротов М.К. Якутская ссылка 70–80-х гг. Исторический очерк по неизданным архивным материалам. М., Главлит, 1925. 242 с.

Все ссыльные, отправляемые в Сибирь, делились на категории. Среди них выделялись уголовные и политические, первые как самые многочисленные, и вторые, пользовавшиеся особым положением среди ссыльных. Их отличало многое: способ передвижения, отношение начальства, назначаемые пособия и др. Снисхождение к политическим ссыльным наблюдалось и со стороны администрации генерал-губернатора Восточной Сибири.

В своих воспоминаниях политические ссыльные писали о причинах особого к ним отношения, считая, что немалую роль в этом играло сознание политическими своей правоты и присущее им чувство собственного достоинства. Возможно, последнее и имело место, но главное то, что большая часть этих людей принадлежала к дворянскому сословию, которое, по Уставу о ссыльных, пользовалось особыми льготами. Кроме этого, в основном это были молодые люди, закончившие гимназии, студенты университетов, вставшие на революционный путь, и традиционно, в России грамотный человек пользовался особым уважением окружающих, а в Сибири особенно, где образованных людей было очень мало. Здесь часто ценили профессиональные качества ссыльных, несмотря на их революционное прошлое.

Article was received in January, 09, 2017

References

Belokonskii I.P. *Po tyur'mam i etapam. Ocherki tyuremnoi zhizni* [In prisons and stages. Sketches about the life in prison]. Orel, N.A. Semenovoi Publ., 1887. 245 p.

Vostochnoe obozrenie [Eastern Observation]. 1900. 4 June.

Deich L.G. *16 let v Sibiri* [16 years in Siberia]. St. Petersburg, N. Glagoleva Publ., 1906. 420 p.

Krotov M.K. *Yakutskaya ssylka 70–80-kh gg. Istoricheskii ocherk po neizdannym arkhivnym materialam* [Yakut exile in 70-80-ies. Historical essay on unpublished archival

Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Иркутск : Вост. Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

Из истории политической ссылки в Якутскую область: сб. материалов и воспоминаний / ред. М. Брагинский. М. : Главлит, 1927. 202 с.

Николаевский Н. Тюрьма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М.: Университетская типография, 1898. 201 с.

Сведения об авторе

Сальникова Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: E.S.1856@mail.ru

Критерии авторства

Е.С. Сальникова выполнила исследование, на основании полученных результатов провела обобщение и написала рукопись. Е.С. Сальникова имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

materials]. Moscow, Glavlit Publ., 1925. 242 p.

Popov I.I. *Zabytye irkutskie stranitsy* [Forgotten Irkutsk pages]. Irkutsk : Vostochno-Sibirskoe knizhnoe Publ., 1989. 384 p.

Braginskii M. *Iz istorii politicheskoi ssylki v Yakutskuyu oblast': sbornik materialov i vospominanii* [From the history of political exile in Yakutskaya Oblast': collection of the data and memories]. Moscow, Glavlit Publ., 1927. 202 p.

Nikolaevskii N. *Tyur'ma i ssylka. Ocherki politicheskoi i religioznoi ssylki* [Prison and exile. Sketches about the political and religious exile]. Moscow, Universitetskaya Publ., 1898. 201 p.

Information about the author

Elena S. Salnikova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation, e-mail: E.S.1856@mail.ru

Attribution criteria

Salnikova E.S. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication. Salnikova E.S. owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-75-94

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КНЯЗЬ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КЕКУАТОВ – НЕ СОСТОЯВШИЙСЯ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

© А.Ю. Каркотко

Вилейский краеведческий музей,

Республика Беларусь, 222410, Минская область, г. Вилейка, площадь Свободы, 1.

Статья посвящена нелегкому жизненному пути генерал-майора Русской армии князя Николая Александровича Кекуатова. Он активно участвовал в трех войнах, несколько раз был ранен, отмечен многими наградами, а умер в изгнании в Китае. Статья написана на основе документов из семейного архива потомков генерала.

Ключевые слова: Поход в Китай, Русско-японская война, Первая мировая война, Забайкальская казачья дивизия, Китайско-Восточная железная дорога, белая эмиграция в Китае.

Формат цитирования: Каркотко А.Ю. Генерал-майор князь Николай Александрович Кекуатов – не состоявшийся Георгиевский кавалер // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 75–94. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-75-94

MAYOR-GENERAL PRINCE NIKOLAI ALEXANDROVICH KEKUATOV – NOT PERFORMED GEORGIYEVSKI CAVALIER

© А.Ю. Karkotko

Vileika museum of local history,

1, ploshad' Svobody, Vileika, Minsk region, 222410, Republic Belarus'.

This article is devoted to the difficult life path of the Major-General of the Russian Army, Prince Nikolai Aleksandrovich Kekuato. He actively participated in three wars, several times was wounded, marked by many awards, and died in exile in China. The article is written on the basis of documents from the family archives of the descendants of the general.

Keywords: campaign to China, Russian-Japanese War, World War I, Trans-Baikal Cossack Division, China-East Railway, White emigration in China

Citation format: Karkotko A.Yu. Mayor-General Prince Nikolai Alexandrovich Kekuato – not Performed Georgiyevski Cavalier. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 75–94. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-75-94

Работая над книгой воспоминаний¹ о боях, которые проходили в сентябре 1915

года под городом Вилейка² я познакомился с интересной женщиной Ольгой Константиновной Прониной (урожденной Клуге).

¹ Каркотко А.Ю. На линии огня. Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 г. / сост. А.Ю. Каркотко, М.А. Российский. М.: Вече, 2015. 320 с.
Karkotko A.Yu. On the line of fire. Eyewitnesses about the battles for Vileyka in September 1915 / comp. A.Yu. Karkotko, M.A. Rossiyskiy. M.: Veche, 2015. 320 p.

² Уездный город Вилейка Виленской губернии сейчас районный центр Минской области в Республике Беларусь.
The county town Vileika of Vilnius province is now the district center of the Minsk region in the Republic of Belarus.

Ее отец Константин Иванович Клуге за бои под Вилейкой получил орден Святого Георгия и оставил воспоминания об этих событиях. Она любезно предоставила копии документов из семейного архива, среди присланных документов были фотографии и некоторые документы ее деда – генерала князя Николая Александровича Кекуатова. Его имя оказалась незаслуженно забыто, и я решил восстановить биографию этого человека.

Князь Николай Александрович Кекуатов родился в Севастополе 3 мая 1869 г.³ Происхождением он был из дворян Таврической губернии, из семьи потомственных военных.

Родословная татарских князей Кекуатовых довольно глубокая. Есть сведения, что в уже в V веке на троне в Персии сидел предок рода Кекуат. Позже Кекуатовы оказались на монгольской службе, были в родстве с Чингиз Ханом. В XVII веке род поселился в России. Предок русской ветви рода, мурза Атманай, крестился в православную веру, приняв в крещении имя Пётр. В 1637 году Пётр Кекуатов приехал в Москву. После того, как Царь Михаил Федорович назвал его князем в своей грамоте, все потомки Петра именовались князьями, хотя, как и многие другие татарские и грузинские князья, не были признаны княжеским родом Российской Империи.

Детство молодой князь провел в Санкт-Петербурге, где получил образование сначала в 1-м кадетском корпусе, а затем в Павловском военном училище, в которое он поступил 1 сентября 1888 г. В училище молодой юнкер выделяется среди товарищей. За успехи и усердие его удостоивают звания старшего портупей-юнкера. По окончании курса, 10 августа 1890 г. молодой «павлон», так неформально называли выпускников Павловского военного училища, производится в чин подпоручика и направляется в свою первую воинскую часть во 2-й Закаспийский стрелковый ба-

³ Все даты по старому стилю.
All dates are according to the old style.

Рис. 1. Герб князей Кекуатовых
Fig. 1. The coat of arms of the princes of Kekuatov

Рис. 2. Парадное фото полковника князя Николая Александровича Кекуатова. 1913 год
Fig. 2. Ceremonial photo of Colonel Prince Nikolai Aleksandrovich Kekuatov. 1913

таillon. Затем он переводится в Туркестанский конно-иррегулярный дивизион с переименованием в звании с подпоручика в корнеты. 10 августа 1893 г. князь Кекуатов получил чин поручика. За службу в Туркестане эмир Бухарский отметил князя Кекуатова, наградив его Бухарским серебряным орденом Восходящей Звезды 2-й степени.

1 июня 1895 г. по производству в штабс-ротмистры Николай Александрович был переведен командиром сотни во 2-й Забайкальский казачий полк (образованный в декабре 1893 г.) с переименованием в звании в подьесаулы. 1 августа 1895 г. произведен в чин есаула. В 1896 г. князь Кекуатов награжден серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования Государя Императора Александра III.

В составе 2-го Забайкальского (21 октября 1897 г. переименован в 1-й Читинский, приказ по военному ведомству № 298) казачьего полка нес службу в Южно-Уссурийском крае (Забайкальское казачье войско). Когда в Китае вспыхнули беспорядки, вошедшие в историю как Боксерское восстание⁴, в составе союзных войск Альянса восьми держав⁵ попадает в пределы Китая. Народное движение против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая началось в 1898 г. Сначала оно пользовалось поддержкой властей Китая, но через некоторое время императрица Цыси перешла на сторону Альянса восьми держав, который и подавил восстание в 1901 г.

С середины 1901 г. князь Кекуатов командует отрядом, находящимся в охране Русского посольства в Пекине. За эту кампанию в 1901 г. князь Кекуатов получил первые боевые награды: орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и серебряную медаль на соединенной Андреевско-Владимирской ленте «За поход в Китай».

В Китае вместе с ним находилась и его семья – жена княгиня Любовь Михайловна

Кекуатова (урожденная Поварова) и дочери Надежда и Наталья. Как жена дипломата Любовь Михайловна удостоилась чести быть на дипломатическом приеме у китайской императрицы Цыси⁶. Об этом она оставила подробные воспоминания.

В конце 1903 г. из Пекина Николай Александрович переведен в 1-й Нерчинский полк помощником командира по строевой части. Одновременно он состоит Председателем полкового суда.

По объявлении войны с Японией в 1904 г. князь с сотней выступает на театр военных действий в Северной Корее, участвует в разведках и боях с неприятелем. В эту кампанию он был ранен и награжден светло-бронзовой медалью «В память японской войны 1904–1905 гг.» на соединенной Александровско-Георгиевской ленте.

По окончании войны князь Кекуатов командирится в Санкт-Петербург для прохождения курса в Офицерскую Кавалерийскую школу, которую он заканчивает с «отличием» в 1907 г. Во время прохождения курса в школе Николай Александрович получает чин войскового старшины со старшинством с 26 февраля 1907 г.

По окончании учебы вновь направляется на Дальний Восток, получив назначение – помощник командира Уссурийского дивизиона. В межвоенный период в награду за службу получает ряд орденов: Святого Станислава 2-й степени в 1906 г., Святой Анны 2-й степени в 1908 г. и Святого Владимира 4-й степени в 1912 г. В 1913 г. как офицер, находящийся на государственной службе, получил светло-бронзовую медаль на ленте государственных цветов «В память 300-летия царствования дома Романовых».

25 марта 1913 г. князь Кекуатов за отличие по службе производится в полковни-

⁴ Также известное и более правильное название – восстание ихэтуаней, что переводится как «отряды гармонии и справедливости».

Also known and more correct name – the rebellion of Ihetuanes, which translates as “units of harmony and justice”.

⁵ В вооруженные силы альянса входили: Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Россия, США, Франция и Япония.

The armed forces of the alliance included: Austria-Hungary, Great Britain, Germany, Italy, Russia, United States of America, France and Japan.

⁶ Цыси, Цы Си (1835–1908) – вдовствующая Великая императрица цинского Китая, с 1861 по 1908 сосредоточившая в своих руках верховную власть.

Cixi, Tsi Si (1835–1908) – Dowager Grand Empress of Qing China, from 1861 to 1908 she concentrated in her hands the supreme power.

Рис. 3. Семья Кекуатовых в Пекине 1900–1902 гг. Есаул князь Николай Александрович Кекуатов, неизвестный китайский мальчик, няня Анастасия Быкова с девочками Надеждой и Натальей и Любовь Михайловна Кекуатова

Fig. 3. Family Kekuatov in Beijing in 1900–1902. Esaul Prince Nikolai Alexandrovich Kekuatov, unknown Chinese boy, nurse Anastasia Bykova with girls Nadezhda and Natalia, and Lyubov Mikhailovna Kekuatova

Рис. 4. Семья Кекуатовых в Пекине 1900–1902 гг. Дочери Надежда и Наталья в экипаже рикши

Fig. 4. Family Kekuatov in Beijing in 1900–1902. Daughters Nadezhda and Natalya in a rickshaw crew

ки с получением в командование 1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска. Полк дислоцировался в Чите и входил в состав 1-й Забайкальской казачьей бригады.

8 сентября 1914 г. после напутственного молебна полк в голове бригады отправлен по железной дороге из Читы на театр Первой мировой войны. В составе полка 2 штаб-офицера, 18 обер-офицеров и 1057 казаков. По пути Кекуатов заболел и для операции задержался в Иркутске. Он догнал свой полк только 20 октября, когда его бойцы уже 10 дней вели боевые действия (Шильников, 1933. С. 4).

Первоначально Забайкальская бригада (1-й Читинский, 1-й Аргунский, 1-й Верхнеудинский полки, 1-я и 3-я Забайкальские батареи) предназначалась в состав Северо-Западного фронта в г. Остроленка, но в ходе перевозки в Белостоке была перенаправлена на Юго-Западный фронт, в 4-ю армию, в Ивангород и на станцию Луков. При штатной численности рядового состава в бригаде наблюдался существенный, до трети, некомплект офицеров. По пути забайкальских казаков на фронт было много недоразумений, связанных с монгольскими чертами их значительной части, с желтыми лампасами. В Европейской России забайкальцев принимали за японцев, возникли слухи «о движении японских войск на немца», которые были даже доложены императору Николаю II (Шильников, 1933. С. 81–82). Аналогичные курьезы случались впоследствии и на фронте.

10 октября 1914 г. Забайкальская казачья бригада перешла р. Висла по понтонному мосту у д. Скурча и двинулась к д. Грабово. Первая задача – «преследовать отступающего противника и вести разведку в направлении на Едлинск – Скржина – г. Конск». За время отсутствия Кекуатова бригада имела бои: 10 октября у д. Воля Цихровская, 11 октября – у деревень Ксаверов и Страмец, 12–14 октября у д. Домбровка, прикрывая переправу через Вислу Гренадерского корпуса. Преследуя против-

ника на юго-запад, бригада 17 октября имела успешный бой у г. Конска.

19 октября перешедший вброд р. Черную 1-й Читинский полк был восточнее д. Олешно контратакован частями германского 20-го армейского корпуса. В бою за мост столкнулись в конном строю эскадрон 11-го драгунского Прусского полка и 120 казаков 3-й и 4-й сотен. Обе стороны вооружены пиками. Забайкальские офицеры и урядники «сознавали важность довести (первое конное) дело до удара пиками и дать веру казакам в их силу» (Шильников, 1933. С. 13). Немцы не выдержали стремительного удара, дрогнули и врассыпную бросились назад. Забайкальцы гнали их до германской пехоты, которая огнем заставила их повернуть. Взято в плен 7 драгун, захвачено 15 лошадей; казаки потерь не имели. В перечисленных боях 1-м Читинским полком временно (до 20 октября) командовал войсковой старшина И.Ф. Шильников.

Приведем краткий обзор операций, в которых участвовал 1-й Читинский полк во главе с Кекуатовым. 21 октября Забайкальская казачья бригада двинулась на Ченстохов, достигнув к 29 октября местечка Мстов. Высланы разведывательные разъезды к местечку (ныне город) Велюнь и р. Варта. Неподалеку была русско-германская граница, разведчикам раздали карты Германии.

К 3 ноября 1914 г. Забайкальская казачья бригада прикрывала правый фланг 4-й русской армии и образовавшийся разрыв с 5-й армией, удерживая фронт Плавно – Ченстохов. 4 ноября 2-я, 4-я и 6-я сотни 1-го Читинского полка вели бой у д. Патржииков, удержав мост через р. Варта. Забайкальцы отбили многократные атаки противника, силы которого оценивались в пехотную бригаду и 2 эскадрона. Стойкость казаков позволила подтянуть к г. Новорадомск части Гренадерского корпуса, не допустив прорыва австрийцев в кризисное время Лодзинской операции. В целом же осенью 1914 г. забайкальцы не имели крупных столкновений с конницей противника, умело сражаясь почти исключительно с пе-

хотой. Скорее как исключение 8 ноября наступавшие вдоль Злочевского шоссе 4-я сотня 1-го Читинского полка и 1-я сотня 1-го Аргунского полка выбили венгерских гусар из деревень Лучановица, Ленкинско, Пяски, Брудзице.

9–13 ноября разведчики бригады вскрыли намерение противника наступать на Петроков. 13–18 ноября забайкальцы сражались у деревень Стржельце, Вельке, Дымбовец, Жлобница, Александров, Фаустынов. С утра 19 ноября казаки удерживали позиции у деревень Тржонс и Кашевице, а к вечеру медленно «осадили» к западным окраинам деревень Мазуры и Бугай. 21 ноября – 8 декабря Забайкальская казачья бригада была подчинена командиру 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майору Я.Ф. фон Гилленшмидту (Забайкальская казачья бригада, 1959. С. 17–19). До 29 ноября забайкальцы с гвардейской кавалерией и 207-м пехотным Новобаязетским полком обороняли подступы к Петрокову, затем находились в резерве в деревнях Александрополь, Игнацов, Цеканов.

1 декабря 1914 г. русская 4-я армия начала отход за р. Пилица. 2 декабря забайкальцы сменили 75-ю пехотную дивизию на фронте Циссова – Комоцин и до 6 декабря прикрывали отход правого фланга 4-й армии. С 8 декабря Забайкальская казачья бригада была подчинена начальнику 18-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту П.О. Папенгуту. Размещаясь в деревнях Посвенты, Брудзевицы и Студзянна, казаки периодически привлекались к обороне р. Пилица. Несколько раз забайкальцы совершали ночные поиски на левый берег для захвата пленных и с целью беспокоить противника. На позициях вдоль Пилицы протяженностью 12 км от д. Мысляковице до поселка Иновлодзь бригада находилась до 30 апреля 1915 г. За это время она дважды отводилась на отдых на 15–20 км в тыл: в январе и во 2-й половине марта.

С 7 до 18 часов 22 февраля 1915 г. временный сводный полк (2-я, 5-я и 6-я сотни 1-го Верхнеудинского полка, 2-я и 4-я сот-

ни 1-го Читинского полка, 1-я сотня 1-го Аргунского полка, 1-я Забайкальская батарея) Забайкальской казачьей бригады во главе с полковником И.С. Цырельниковым (погиб) участвовал в контрударе 18-й пехотной дивизии. Была поставлена задача вернуть ранее оставленные русскими ополченцами позиции у господского двора Доманевице. Под огнем всех видов атакующим удалось к вечеру достичь ручья Ракитно и в рукопашном бою захватить восточную окраину Доманевице с потерей до 3 тыс. убитых и раненых. Бои продолжались еще 3 дня, пока русские не вернули все утраченные позиции (Новиков, 2014. С. 690).

30 апреля – 3 мая 1915 г. 1-й Читинский полк прикрывал отход русских войск на Радомские позиции, на 65–70 км восточнее. 5 мая – 7 июля Забайкальская казачья бригада обороняла участок от поселка Высмержище (на р. Пилица) до д. Захаржов. Сначала бригаде был придан 8-й Уральский казачий полк и батальон 164-го пехотного Закатальского полка, позднее они были заменены 142-й и 143-й Курскими дружинами государственного ополчения. Половина русских сил занимала позиции с 6 основными укреплениями, половина находилась в резерве (смена через 3 дня).

10 мая 16-й армейский корпус и Забайкальская казачья бригада отеснили австрийцев, заняв деревни Потворов, Мокржец, Выгнанов, Вржос. Основные русские силы остались на прежних, хорошо оборудованных позициях, а для контроля очищенной территории посменно выделялось по казачьему полку. В бою у д. Яблонна князь Кекуатов получил контузию, но, несмотря на необходимость лечения, остался в строю.

Утром 2 июля батальон австрийцев при поддержке 4 пулеметов отеснил 1-ю сотню 1-го Читинского полка из д. Мокржец на 1,5 км к д. Грабово (7 км западнее Вислы), где ее подкрепили остальные сотни полка. Через час 1,5 роты австрийцев заняли и д. Вржос, еще через час – д. Выгнанов. В 13 ч 15 мин на помощь прибыли все 4 сотни 1-го Верхнеудинского полка и 2

орудия 3-й Забайкальской батареи. Усыпля бдительность противника небольшим числом, разведчики двигались открыто, а 400 казаков перемещались по-пластунски, скрытые высокой рожью, поверх которой начали бить 2 казачьи пулемета. Казачья артиллерия взяла под обстрел Выгнанов, чтобы в решающий момент обстрелять истинную цель атаки – Мокржец (см. приложение 2). В 15 ч 45 мин 4,5 сотни 1-го Читинского полка бросились в атаку, выбив противника из Мокржеца. Взяты в плен командир австрийского батальона, 2 офицера и 270 солдат, захвачено 2 пулемета; убито не менее 50 австрийцев. Однако 4 резервные сотни опоздали на 12 мин, и их конная атака не удалась. Потери забайкальцев: 1 офицер контужен и 4 казака ранены.

7 июля 1915 г. Забайкальская казачья бригада оставила Радомские позиции. В ночь на 9 июля забайкальцы по мосту у д. Тарнов перешли на правый берег Вислы в д. Липники. 1-й Читинский полк стал резервом 162-го пехотного Ахалцыхского полка, оборонявшего берег от д. Кобыльница до д. Попротня. 1-й Аргунский полк взаимодействовал с 161-м Александропольским полком в районе д. Липники.

После сильного артобстрела днем 15 июля противник в 2 часа 16 июля начал форсирование Вислы. Немцы на понтонах преодолели реку и захватили д. Кобыльница. 3-й батальон ахалцыхцев, 3-я и 5-я сотни читинцев провели 10 контратак, но сбросить противника в Вислу не смогли. С прибытием утром 16 июля 2-й, 4-й и 6-й сотен попытки вернуть Кобыльницу возобновились, но «задача оказалась непосильной». День был пасмурный, моросил небольшой дождь. Этим и воспользовался противник, надев форму убитых русских солдат. Прикрываясь переодетыми и пленными, густые немецкие цепи шли с криками «не стреляй, свои». Против каждой спешенной сотни наступало по 2 роты противника. Казаки были буквально задавлены стрелковым огнем. Из 240 спешенных казаков 1-го Читинского полка убиты и ранены 124 чел., из 14 офицеров 5 убиты и 5 ране-

ны. Читинцы отошли на 1 км и заставили немцев залечь.

До 26 июля Забайкальская казачья бригада обороняла позиции на фронте Годзиш – Яблоновец, а затем прикрывала отход 16-го армейского корпуса за Буг. 8 августа забайкальцы были подчинены Гренадерскому корпусу и в дальнейшем прикрывали его отход. 10 августа отбиты 6 германских атак на д. Малые Опаки. 11–31 августа Забайкальская казачья бригада отходила через Беловежскую пущу, 31 августа подчинена 25-му армейскому корпусу, прикрывая отступление которого 1 сентября перешла р. Щара. 6 сентября забайкальцев переподчинили 29-му армейскому корпусу, и с 10 сентября они прикрывали уже его отход к Барановичам.

Переход к позиционной войне 1-я Забайкальская казачья бригада встретила в д. Кмиты. 20–26 октября 1915 г. для лучшего обеспечения фуражом бригада отведена с фронта на 200 км в тыл, в Бобруйск, где находилась до 12 марта 1916 г. 1 декабря 1915 г. 1-я Забайкальская бригада переформирована в 1-ю Забайкальскую казачью дивизию. В дивизию был включен отозванный из Урги (ныне Улан-Батор) 2-й Верхнеудинский казачий полк, прибывший в Бобруйск в январе 1916 г. До прибытия генерал-майора И.Д. Орлова Кекуатов временно исполнял обязанности начальника Забайкальской дивизии, а затем возглавил 1-ю бригаду (неотдельную) в составе дивизии. В эту бригаду вошли 1-й Читинский и 1-й Верхнеудинский полки.

В Бобруйске смотры 1-й Забайкальской казачьей дивизии 15 января 1916 г. провел император Николай II, а 11 февраля – походный атаман великий князь Борис Владимирович.

12 марта 1916 г. Забайкальская казачья дивизия выступила на фронт, прибыв через неделю в местечко Ишкольд. 14 апреля дивизия передана из 4-й армии в 3-ю. 28–29 мая 1916 г. забайкальцы совершили форсированный марш из Ишкольда в д. Хотеничи, в распоряжение командира 31-го армейского корпуса генерала от артиллерии

Рис. 5. Император Николай II проводит Высочайший смотр 1-й Забайкальской казачьей дивизии. Бобруйск. Могилёвская губерния. 15 января 1916 г.

Вправо от императора: Командир 1-го Верхнеудинского полка полковник Дмитрий Фролович Семенов; Командир 2-го Верхнеудинского полка полковник Беляев; Главнокомандующий Западным фронтом генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии А.Е. Эверт; Командир 1-го Аргунского полка полковник Иван Федорович Шильников; Командующий 4-й армией генерал-от-инфантерии Рагоза; Начальник Гарнизона г. Бобруйска генерал-лейтенант Флейшер; Командующий 1-й Забайкальской казачьей дивизией Свиты Генерал Орлов; Командующий 1-м Читинским полком войсковой старшина Лапшаков;

влево: Начальник штаба дивизии подполковник Эверт; Командующий бригадой полковник князь Н.А. Кекуатов; Командир Забайкальского Артиллерийского дивизиона полковник Никонов; Командир Кубанского казачьего дивизиона войсковой старшина Коссинов (до войны дивизион квартировал в г. Варшаве); Командир 1-й Забайкальской казачьей батареи полковник Станкевич; Командир 3-й Забайкальской казачьей батареи есаул Бабушкин

Fig. 5. Emperor Nicholas II holds the Highest Review of the 1st Trans-Baikal Cossack Division. Bobruisk. Mogilev Province. January 15, 1916.

To the right of the emperor: Commander of the 1st Verkhneudinsk regiment Colonel Dmitry Frolovich Semenov; Commander of the 2nd Verkhneudinsk regiment Colonel Belyaev; Commander-in-Chief of the Western Front, Adjutant-General, General-of-Infantry A.E. Evert; Commander of the 4th army General-of-Infantry Ragoza; Head of the Garrison of Bobruisk, Lieutenant-General Fleischer; Commander of the 1st Trans-Baikal Cossack Division of the Squad General Orlov; Commander of the 1st Chita regiment, military starshina Lapshakov,

to the left: Chief of Staff of the Division Lieutenant Colonel Evert; Commander of the brigade Colonel Prince N.A. Kekuatov; Commander of the Transbaikalian Artillery Division Colonel Nikonov; Commander of the Kuban Cossack Division, military starshina Kossinov (Before the war, the division was in Warsaw); Commander of the 1st Trans-Baikal Cossack battery Colonel Stankevich; Commander of the 3rd Transbaikalian Cossack battery captain Babushkin

П.И. Мищенко. При успехе прорыва русской пехоты южнее Выгоновского озера Забайкальская казачья дивизия должна была веером двинуть полки для разрушения железной дороги Пинск – Кобрин. 10 июня штаб 3-й армии с левофланговым 31-м корпусом передан с Западного фронта на Юго-Западный. Забайкальская казачья дивизия передвинута на юг, сосредоточившись к 18 июня в д. Мульчицы на р. Стырь. Забайкальцы включены в 4-й кавалерийский корпус, став пятым конным соединением в его составе. Корпусу противостояли 270-й резервный полк, 9-я, 1-я и 11-я кавалерийские дивизии австрийцев и польский легион из двух бригад. 16-я кавалерийская и Забайкальская казачья дивизии составили резерв (Конную группу генерал-лейтенанта Н.Г. Володченко), которому было предписано быть в полной готовности начать действия по особому приказу командарма (Новиков, 2014. С. 691).

22 июня Забайкальской казачьей дивизии приказано ввиду обозначившегося успеха 46-го армейского корпуса в районе Костюхновки быть готовой для немедленного выдвижения в образовавшийся прорыв вслед за 16-й кавалерийской дивизией или искать выхода севернее (если расширится прорыв, то правее), а затем двинуться на Маневичи – Городок, занять эти деревни и, преследуя противника, захватить переправы на р. Стоход в районе Сбыхова к северу до пункта Большой Обзирь и к югу до полотна железной дороги (по пути захватывая все, не отходящее в район тыла) (Новиков, 2009. С. 114). Высланы 3 офицерских разъезда.

Особенно насыщенным для забайкальцев выдалось 23 июня 1916 г. С 3 до 10 часов Забайкальская казачья дивизия (с приданным Кубанским дивизионом) перешла в пункты Рудка – Бельска – Вольска, откуда и двинулась в прорыв, полки были направлены на высоты 95,2 и 84,7–85,9. В 18 ч 30 мин у высоты 84,7 сотня 1-го Верхнеудинского полка в конном строю изрубила батальон противника, пленила 280 человек при 1 пулемете, а через час захватила

д. Оптово. Около 20 часов 1-й Верхнеудинский полк в конном строю атаковал противника в д. Галузия, пленив до 900 чел. противника, командира австро-венгерского полка, 19 офицеров, захвачены 2 орудия, 2 пулемета и много припасов. В 21 ч 30 мин остальные полки Забайкальской казачьей дивизии прибыли в Галузию, где отдыхали два часа. В 22 ч 30 мин 1-я сотня 1-го Читинского полка подьесаула Е.Л. Трухина у Кунинских хуторов в конном строю рассеяла эскадрон 6-го уланского полка 9-й австрийской кавалерийской дивизии, зарубив нескольких улан и 2 пленив. В 23 ч 30 мин было приказано 1-му Аргунскому полку с 2 орудиями выдвинуться на д. Маневичи и овладеть ими. К 3 часам 24 июня задача была выполнена с взятием до 100 пленных.

К 2 часам 24 июня Забайкальская казачья дивизия остановилась в лесу, восточнее д. Маневичи. Выяснилось, что противник продолжает держаться на высотах 92,9 и 87,2. В 4 часа была выслана новая группа разведывательных сотен на фронт Набруска – Ковельская железная дорога. 3 полка дивизии остались на месте ожидать сведений разведки. В 6 ч 30 мин 1-му Аргунскому полку с двумя орудиями приказано двинуться на пункты Городок, Гродиска – Новая Рада – Обзирь, обеспечивая дивизию с севера, преследовать противника и захватить переправы. 2-му Верхнеудинскому полку предписано продвижение на фронте фольварк Смолодовицы – урочище Палицы и далее на Трояновку, действуя на левый фланг противника. Дивизия с 1-м Читинским и 1-м Верхнеудинским полками с Кубанским дивизионом и четырьмя орудиями двинулась на Смолодовицы, на высоты 88,4, 92,9 и далее на Трояновку. 1-й Читинский полк южнее д. Маневичи у мельницы на р. Маневка – 4-я сотня в конном строю и спешенные 3-я, 5-я и половина 6-й сотни полка – атаковал противника в окопах и взял в плен 5 офицеров и 156 солдат (при 6 пулеметах) 44-го ландштурменного батальона австро-венгерской 53-й пехотной дивизии, потеряв 8 ранеными и 2 конту-

женными. В это время 1-й Аргунский полк, тесня противника, подходил к д. Гродиска. 2-й Верхнеудинский полк был выдвинут в авангард дивизии для наступления на д. Трояновку. Около 15 ч 20 мин головная 2-я сотня полка атаковала 2 эскадрона венгерских гусар, которые врасыпную отошли за свою пехоту. Преследуя противника, верхнеудинцы некоторых гусар зарубили и несколько десятков взяли в плен. С 17 ч 15 мин до 22 часов 2-й Верхнеудинский полк восточнее Трояновки на высотах 90 и 80,3 отражал сильные контратаки пехоты противника, поддержанной вражеской артиллерией. На левый фланг верхнеудинцев выдвинулись 2 сотни 1-го Читинского полка, на правый – 2 сотни Кубанского дивизиона. Взвод (2 орудия) 3-й Забайкальской батареи вел огонь с открытой позиции. Сначала противнику удалось несколько потеснить преждевременно расстрелявших патроны верхнеудинцев к опушке леса восточнее Трояновки, но затем казаки вынудили австрийцев залечь на высотах и окопаться.

Поскольку к вечеру не было замечено ослабления противника, приказано: 1-му Читинскому и 2-му Верхнеудинскому полкам закрепиться на опушке леса, а 1-му Верхнеудинскому стать в резерве за правым флангом. Полкам вести усиленную разведку, дабы не дать противнику уйти незамеченным. К 22.00. огонь артиллерии противника стих, но все попытки казачьих разведывательных партий продвинуться вперед встречались сильным ружейным и пулеметным огнем (Новиков, 2009. С. 118; Novikov, 2010).

Командир 1-го Верхнеудинского полка Д.Ф. Семенов, находясь с полком в прикрытии артиллерии, заметил вечером 24 июня большой столб пыли под Трояновкой. Предполагая большое движение противника, он выслал правее села 2-ю сотню Мациевского. Однако из штаба 1-й неотдельной бригады был получен приказ князя Кекуатова отойти в резерв и расположиться на ночлег. Мациевский был отозван, о чем на следующий день Семенов «очень пожа-

лел». Шильников писал: «В следствие сильной усталости (преодоления 40–50 км) от трех бессонных ночей и непрерывных 2-х дневных боев, мы недостаточно энергично действовали в ночь на 25 июня и проспали – дали возможность отойти противнику за р. Стоход с потерей только части обоза и зарядных ящиков, перейди мы в решительное наступление несколькими часами раньше или получи пехотную поддержку и атакуй высоты с вечера, в наших руках остались бы большие трофеи. Все утром почувствовали эту ошибку...» (Шильников, 1933. С. 101). А ведь от прекращения перестрелки до обнаружения отхода противника прошло всего 4 часа, но «упущенный момент на войне больше не возвращается».

К 2 часам 25 июня Аргунский полк подошел к д. Малая Обзирь, но противник успел взорвать мост. В 6-м часу утра обнаружен отход противника от Трояновки. Поэтому приказано 1-му Читинскому полку двигаться для захвата переправы у д. Смоляр, а дивизия с 1-м и 2-м Верхнеудинскими полками и 8 орудиями пошла к д. Бережница для захвата переправы у д. Заречье. По прибытии к реке забайкальцы приступили к поиску бродов. Выяснилось, что левый (западный) берег Стохода противник заранее укрепил, создав проволочные заграждения и сильные опорные пункты в районе Стобыхова и Смоляр. Забайкальцы перешли к обороне. У Смоляр 2 германские роты при 2 пулеметах удерживали предмостное укрепление на правом берегу Стохода, сохраняя 2 моста. Днем 25 июня 3-я и 5-я сотни 1-го Читинского полка под огнем артиллерии не смогли выбить германцев, но в ночь на 26 июня захватили Смолярское укрепление. Один мост немцы успели сжечь, второй казаки взяли под наблюдение. Полусотня 2-й сотни 1-го Читинского полка захватила недостроенный мост у Заречья и перешла Стоход. В 3 часа 26 июня немцы подожгли второй мост у Смоляр, но 25 казаков смогли под огнем потушить мост, который в 20 часов передан ротам 400-го пехотного Хор-

тицкого полка. Всего же за 23–25 июня забайкальцы взяли в плен 1 командира полка, 26 офицеров, 1399 нижних чинов (австрийцев и польских легионеров); захватили с боя 2 орудия, 2 пулемета, 2 бомбомета, 41 зарядный ящик. Потери: ранены 7 офицеров, убиты и ранены 109 казаков (Новиков, 2014. С. 692).

Сдав передовые позиции подошедшей на смену пехоте, части Забайкальской казачьей дивизии перешли 26 июня в район д. Набруска и скрытно расположились восточнее, в лесу по р. Череваха. Предписано проводить рекогносцировку бродов через Стоход от д. Большой Обзирь до д. Рудка Червище. Вечером 2 самолета противника сбросили на бивак дивизии 2 бомбы, убив 3 и ранив 4 чел. Был также сброшен большой жестяной шар для корректировки огня артиллерии, но дивизия до начала обстрела успела вечером 28 июня уйти в район урочища Плоский лес, где размещалась на отдыхе до 19 июля. Конный отряд генерала Володченко 19–23 июля занимал оборону на Стоходе от р. Череваха до высоты 72,4 южнее д. Большой Обзирь.

С 28 июля по 2 августа 1916 г. 1-й Читинский полк с Кубанским дивизионом при 4 орудиях и 2 пулеметах охранял 13-км фронт вдоль Стохода против д. Рудка Червище. Утром 24 августа 1916 г. Забайкальская казачья дивизия была переподчинена Особой армии, за 60 часов совершила 150-верстный марш на юг до д. Залесцы. С сентября вдвое сокращены поставки фуража, и конский состав дивизии начал приходить в расстройство.

С 25 августа до 21 сентября забайкальцы действовали в составе 1-го армейского корпуса, обороняя у истоков Стохода 3-км фронт от ручья западнее колонии Марьяновка до высоты 85,4. Затем забайкальцы были отведены в резерв армии, встав биваком в колонии Фридриховка.

В 1 ч 30 мин 5 октября 1916 г. Забайкальская казачья дивизия сменила у урочища Воля на 4-км фронте 12-ю кавалерийскую дивизию. Смена проходила в темноте и казаки не успели ознакомиться с местно-

стью. Около 5 часов утра противник пустил первую волну удушливых газов на соседний слева 212-й пехотный Романовский полк. Газовая атака, пройдя позиции романовцев, по котловине двинулась вдоль окопов 1-го Читинского полка и внезапно накрыла левофланговую 6-ю сотню. Газы пошли неожиданно не только в окопы, но и к резервам полка. Тревогу подняли одновременно командир полка по телефону и в окопах. Казаки быстро надели маски, но внезапность газовой атаки за час вывела из строя почти всю 6-ю сотню, в сознании осталось лишь несколько человек. Затем были пущены вторая и третья волны, всего 3000 баллонов. Также противник открыл и сильный огонь химическими снарядами, продолжавшийся более часа. В ответ 3-я Забайкальская батарея открыла заградительный огонь. Вывод из строя 6-й сотни оголил фронт шириной 750 м. Немцы и австрийцы начали наступать двумя цепями, за которыми шла колонна в 2–3 батальона, 4 эскадрона, батарея и пулеметы. Противник рассчитывал прорваться к Луцку. Поскольку пострадавший батальон романовцев начал отходить, 1-й Читинский полк оказался в тяжелом положении. На помощь выдвинулся взвод 4-й сотни (2 пулемета), затем из полкового резерва подошли 3 взвода 2-й сотни, а позднее – 2-й батальон 11-го гренадерского Фанагорийского полка. Сильным огнем (около 7 часов) русские заставили вражеские цепи залечь и начать окапываться. С подходом grenадер противник бросился назад, унося раненых; к полудню окончательно был выбит за Стоход. В 14 часов противник выпустил более 300 снарядов с фосфором. Только в 18 ч 30 мин читинцев сменил батальон фанагорийцев и казаки отошли в дивизионный резерв на бивак в урочище Жука. Заболевания от отравления и эвакуация продолжались до 8 октября. Из участников боя 5 октября (17 офицеров и 497 казаков 1-го Читинского полка) выбыли из строя 7 офицеров и 345 казаков, в т. ч. 56 чел. умерли.

Кекуатова газовая волна застала на командном пункте бригады в 700 метрах от

передовой, он получил отравление, но отказался от эвакуации на лечение. Последствия отравления газом будут сказываться всю оставшуюся жизнь и сильно ухудшат его здоровье. Через 11 дней, 16 октября 1916 г. Кекуатова произвели в генерал-майоры с оставлением в прежней должности командира 1-й бригады.

За 24–26 октября 1-я Забайкальская казачья дивизия совершила 106-км марш на юг, в район чешских колоний Ольгин, Наталин, Колодеж. С 10 по 15 ноября 1-й Читинский полк с партизанским отрядом Резухина, 2-м Астраханским полком, 36-й отдельной Донской сотней и Забайкальским артдивизионом обороняли 4-км фронт от д. Звиняче до р. Липа. Затем читинцев сменили др. полки Забайкальской казачьей дивизии. С 19 ноября дивизия совершила переход к станции Рудня-Почаевская, где вошла в состав 11-й русской армии. От истощения начался падеж лошадей. В декабре 1916 г. дивизия была переведена в тыл – в Галицию, в города Збараж и Тарнополь и ближайшие деревни. При дивизии был сформирован стрелковый дивизион во главе с войсковым старшиной Комаровским. В конце марта – начале апреля 1917 г. Кекуатов исполнял должность начальника Забайкальской дивизии (Карпеев, 2007. С. 102)

С 18 июня 1917 г. Забайкальская казачья дивизия под началом генерал-майора А.П. Богаевского участвовала в наступлении Юго-Западного фронта. У д. Кобаны спешенные забайкальцы, потеряв убитыми 2 офицеров, безуспешно пытались увлечь «замитинговавших» пехотинцев. Через несколько дней забайкальцев отвели в тыл на прежние квартиры. Вечером 6 июля дивизия получила приказ закрыть разрыв в линии фронта северо-западнее станции Езерны (ныне Озерна, в 20 км западнее Тарнополя). Вперед была высланы 1-й и 2-й Верхнеудинские полки. К утру забайкальцы обнаружили, что остались одни, соседние пехотные части отошли. С 9 часов противник перешел в наступление, а казаки – к упорной обороне. Казакам сильно помогло присоединение трех батарей, которые были

брошены пехотой без прикрытия. Во второй половине дня 7 июля противник обошел фланги забайкальцев, вынудив их к отходу на восток. Лишь в 15 км восточнее Тарнополя фронт наконец остановился, откатившись за месяц до 100 км. На новом рубеже забайкальцы отбили несколько ожесточенных атак, потеряв убитыми 3 офицеров. Несколько сотен дивизии были командированы на узловые станции для задержания и возвращения дезертиров. С каждого поезда в Черкассах, Волочинске, Виннице и Тарнополе снимали по 400–600 дезертиров. Позднее солдаты стали обходить казачьи заслоны пешком. В августе – сентябре забайкальцы охраняли сахарные заводы и поместья Подольской губернии. Имели место стычки с дезертирами (в местечке Хмельницы, у сахарного завода и станции Войстовицы на узкоколейке), с бастующими военнопленными. 28 августа 1917 г. Кекуатов принял командование Забайкальской дивизией (Залесский, 2003. С. 879).

За отличия в годы Первой мировой войны Кекуатов был отмечен рядом наград. Высочайшим приказом от 30 апреля 1915 г. награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами; Высочайшим приказом от 3 августа 1915 г. – мечами и бантом к ордену Святого Владимира 4-й степени; Высочайшим приказом от 4 марта 1917 г. – мечами к ордену Святой Анны 2-й степени. За отличие в бою под Тарнополем 8 июля 1917 г. начальник Забайкальской дивизии генерал-майор А.П. Богаевский представил Кекуатова к ордену Святого Георгия 4-й степени. Георгиевских наград за Первую мировую войну было удостоено около 11 000 офицеров и генералов, в том числе до 1400 посмертно (Военный орден, 2004. С. 370–860). Из-за строгой проверки совершенных подвигов часть представлений 1916–1917 гг. осталась не рассмотренной до октябрьской революции. Последовавший развал страны и армии так и оставил Кекуатова лишь представленным, но так и не награжденным орденом Святого Георгия.

Рис. 6. Князь Кекуатов с другом пилит дрова. Станция Имяньпо. 1920 год
Fig. 6. Prince Kekuatov with a friend saws firewood. Station Imyan'po. 1920

Рис. 7. Любовь Михайловна Поварова, студийная фотография
Fig. 7. Lyubov Mikhailovna Povarova, studio photography

Рис. 8. Фото генерал-майора князя Николая Александровича Кекуатова Станция Имяньпо. 1920 г.
Fig. 8. Photo of Major-General Prince Nikolai Alexandrovich Kekuatov Station Imyan'po. 1920

Рис. 9. Русские служащие и духовенство на станции Имяньпо. 1920 год
Fig. 9. Russian employees and clergy at the station Imyan'po. 1920

После октябрьских событий 1917 года, за отказ разоружить стоявшую у станции Казатин дивизию, он был арестован большевиками и отправлен в Гомельскую тюрьму. Вместе с ним в тюрьму добровольно отправляются начальник штаба дивизии полковник И.В. Тонких и оба адъютанта. В декабре командование дивизией по выбору дивизионного комитета принял рядовой казак М.В. Яньков (Шильников, 1933. С. 176).

По прибытию соединения к 17 января 1918 г. в Читу, Кекуатов был отпущен из гомельской тюрьмы и направлен вслед своей дивизии. Здесь в Чите он снова арестовывается, но благодаря казакам его освобождают и помогают перебраться во Владивосток. Здесь генерал-лейтенант Хорват предложил князю Кекуатову должность начальника отдела Охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги. На этой должности он и находился с августа 1918 года и до ее расформирования. От китайского правительства за службу на Китай-

ско-Восточной железной дороге Николай Александрович был награжден орденом «Двойного дракона» 1-го класса 1-й степени. После находился в эмиграции в Китае. Много болел, сказывались ранения и отравление газом.

Все это трудное время рядом с ним находилась его жена Любовь Михайловна. Любовь Михайловна была дочерью статского советника, преподавателя математики Михаила Поварова. Она получила образование в Московской пятой женской гимназии со званием Домашней учительницы. У них в браке родились две дочери Надежда и Наталья.

Скончался генерал-майор Русской императорской армии князь Кекуатов 3 марта 1922 года, на 52 году жизни на станции Имяньпо. Здесь же его и похоронили. Всю свою жизнь князь Кекуатов отдал служению Родине. Он участвовал в трех войнах, несколько раз был ранен, отмечен многими наградами и умер в изгнании на чужбине.

Приложение 1
**ПРИЕМ У КИТАЙСКОЙ
ИМПЕРАТРИЦЫ**

Помещаемый ниже отрывок из воспоминаний кн. Л.М. Кекуатовой относится к 1902 г. С той поры в мире произошли грандиозные перемены, и не лишено известного интереса заглянуть в теперь уже отдаленное прошлое, набросанное беспритязательными, но четкими штрихами.

«18 сентября 1902 г. я получила бумагу из нашей Миссии, что 22-го, в числе других дам, «имею» представиться китайской императрице Цы-Си.

С нетерпением ожидала я 21-го, когда и отправилась из Тяньзиня, где мы жили, в Пекин, захватив с собой дочку и няню-китайку. Мы ехали вместе с г-жей Т., которая также должна была представиться императрице, со своим сыном, мальчиком одиннадцати лет.

На вокзале в Пекине нас встретили знакомые из посольства и передали предложение посланника Лессар остановиться у него, чем мы с благодарностью и воспользовались.

Аудиенция была назначена в летнем дворце, т. е. верст за 20 от Пекина. 22 сентября в 8 часов утра мы, т. е. четыре русских дамы и драгоман Миссии были готовы и собрались во двореке посольства, куда были поданы паланкины. Одновременно, из всех посольств двинулись шествия и направились по улицам к выходу из города. На протяжении всего пути были расставлены почетные караулы, и – что меня особенно поразило – толпы народа стояли по обеим сторонам дороги, стараясь разглядеть заморских женщин. Было как то жутко чувствовать маленькой горсточкой среди этой массы враждебно настроенной против европейцев.

Часа два продолжалось утомительное качание в паланкинах, потом мы пошли по берегу Императорского канала. Еще немного – и остановка у кумирни, где нас встретили разные высокопоставленные китайцы и среди них г. Тахшина, который был 12

лет в китайском посольстве в Петербурге и говорил по русски; это был единственный знакомый мне китаец. Нас попросили войти в павильон, где были предложены фрукты, чай и шампанское. Около часа мы ждали пока соберутся дамы всех наций, чтобы продолжать путь по каналу вместе. Здесь меня представили г-же Конгер, жене американского посланника, которая считалась деканом между дамами. Она в свою очередь, познакомила меня с теми, кого я еще не знала.

Около полудня нас разместили в двух императорских яхтах, очень красивых, позолоченных снаружи и более чем скромных внутри: там нас встретили, и угощали всю дорогу придворные-китайки.

Императорский канал ничего красивого собой не представлял: это просто глубокие канавы с грязноватой водой; по берегам эти каналы обсажены деревьями.

Очевидно, мы действительно были интересным зрелищем для китайцев, потому, что народ и здесь не отставал от нас, и всю дорогу до Озера Лотосов – почти до конца нашего путешествия – бежал по берегу канала.

Многим из нас было не по себе и страшновато ехать так далеко и чувствовать себя совершенно отрезанными от европейцев; порой мелькала странная мысль, что назад мы, может быть, и не вернемся...

После двух часов однообразного плаванья по каналу, мы достигли знаменитого Озера Лотосов, которое называется так потому, что почти сплошь поросло красивыми белыми цветами, считающимися у китайцев священными. С озера открылся чудный вид на дворец, или вернее на дворцы. Одноэтажные здания эти расположены на горе, так что каждое из них на виду; все покрыто золотой краской, и блестя на солнце, кажется одной сплошной массой золота: надо всем возвышается кумирня.

Пересекши озеро, подплыли мы к красивой мраморной пристани, и нельзя сказать, что без волнения, стали выходить на берег, где нас встретило множество придворных и «дворцовые бабочки» – моло-

денькие девушки 16–17 лет, очень пестро одетые в красивые китайские наряды. «Бабочки» взяли нас под руки с обеих сторон, мужчины-придворные над каждой из нас открыли зонтик. Такой процессией повели нас в «павильон отдохновения», где мы должны были отдохнуть и оправиться перед, тем, как лицезреть императора с императрицей.

Оставивши здесь свои манти и ротонды, точно такой же процессией мы двинулись прямо к императрице.

Дворцовые постройки архитектурой своей ни капли не отличаются от жилищ простых китайцев: то же бесконечное множество маленьких дворишков, переходов, загоулков и пр.

Из всех окон на нас с любопытством выглядывали головки принцесс и жен императора. Бедные затворницы! Они живут только своей внутренней придворной жизнью, т. е. интригами и новостями... вечным страхом попасть в немилость к императрице. О том же, чтобы выйти куда-нибудь из дворца, – и думать невозможно. Это показалось бы так же диким, как если бы наши боярышни, 300 лет назад, захотели какой-либо самостоятельности.

Наконец подошли мы к главному зданию и, перешагнув через высокий порог, очутились прямо перед императрицей.

Она сидела на возвышении, как Будда, в чудном одеянии, расшитом жемчугами, и бесстрастно смотрела на вошедшую толпу; перед ней стоял длинный узкий столик, так что она была видна только до пояса. Сбоку, на низенькой табуретке (а не на троне) сидел император.

К трону подошел американский посланник, г. Конгер, который не считая драгоманов, был единственный мужчина на этой аудиенции.

Сделав два шага вправо, я очутилась перед императором и также присев, стала отходить от трона, пятясь, как полагалось по этикету. Только спустившись со ступенек и оправившись от волнения, я стала спокойно разглядывать императрицу. На вид ей можно было дать 45 лет, не больше,

Рис. 10. Императрица Цыси, 1890 г.

Fig. 10. Empress Cixi, 1890

а говорили, ей уже за 60. У нее властное, энергичное лицо и, по-моему, европейские красивые, замечательно выразительные и пронзительные глаза.

Император же производил обратное впечатление; на вид ему лет 28, тогда как в действительности – 21. У него болезненно усталый вид, только глаза у него какие-то особенные, казалось, что вся жизнь его светится в глазах... и становилось невыразимо жаль его!

Окончив приветствия, императрица сошла с трона и направилась к специально подготовленному для нее месту около окон: там принц Цин, небольшого роста седой старик, подал ей, стоя на коленях (все, китайцы при разговоре с императрицей становились на колени), бумагу. То был список представлявшихся дам, и она, по нациям, стала нас вызывать. С дамами подходили и драгоманы. Когда вызвали и меня, я вздрогнула от неожиданности, так как из русских меня почему то вызвали первой. Императрица спросила меня о здоровье государя императора, затем сказала

мне несколько фраз чисто дипломатического характера, так что я была и удивлена, и польщена, такой особенной внимательностью.

Сказав на прощанье несколько любезных слов, относившихся лично ко мне, а именно: давно ли я здесь и как здоровье моей семьи, она милостиво меня отпустила; во все время разговора императрица не выпускала моей руки из своей.

Покончив с этой процедурой, нас пригласили к завтраку. Мужчины и женщины завтракали отдельно, только император был тоже с нами. Завтрак был сервирован в большом зале на двух длинных столах; места свои мы нашли по карточкам, лежавшим у приборов. Стол представлял собою странную смесь роскоши (в смысле изысканных блюд) и странной сервировки: на столах – клеенка, у приборов – серебряные порт-меню и рядом, вместо салфеток, ситцевые пестрые платки.

Завтрак был китайский, т. е. множество яств, разносимых на крошечных блюдецках; были тут и зеленые яйца, и ласточкины гнезда, и рыбы плавники и т. д., но были блюда и европейские, как, например, целые гуси, знаменитая «шао-ядзе» – жареная утка, приготовленная, как это умеют только китайцы! – замечательно вкусно; окорока и т. д. В заключение – фрукты и шампанское. Фрукты были великолепные, особенно виноград; были и такие плоды, которых я никогда не видела раньше и не знаю их названия.

Во дворце повсюду на столах лежали груды яблок – говорили, что императрица очень любит их запах.

Императрица, все время была с нами и кушала; император сидел позади нее. Во время завтрака гостей обходили и угощали принцессы и главная жена императора. Подошла она ко мне и спросила: «Вы барышня?» Я уже немного знала по китайски и могла ей ответить сама, что я замужем и имею детей.

Эта молодая жена императора имела такой же усталый и безразличный вид, как и он сам.

Правящей императрице служила драгоманом молоденькая девушка лет 17-ти, очень хорошенькая дочь китайского посланника в Берлине; она прожила там долго и превосходно говорила по немецки. Императрица не отпускала ее от себя ни на шаг.

Завтрак продолжался часа два, после чего, захватив на память порт-меню и, как величайшую оригинальность, пестрые салфетки, все благодарили императрицу.

Пробыв еще немного в этом зале, императрица предложила нам покататься на озеро в яхтах, и, пригласив по дороге мужчин, мы направились к пристани. Здесь нам были поданы те же самые яхты, только на этот раз разместиться было уже труднее, так как прибавилось много пассажиров.

Я попала в ту же яхту, где была императрица, император и ее приближенные. Вся публика разместилась стоя, кругом стола, на котором было множество лакомств; император собственноручно выбирал конфетки и угощал дам; поднес он конфетку и мне. Я вообще не переношу китайских сладостей, но здесь пришлось съесть и сделать милую улыбку, так как он наблюдал, понравилось ли.

Вскоре мы подплыли к высокой скале с бельведером наверху: туда вели вырубленные в скале ступеньки.

Императрица вышла первой, за ней все; тут уже нас вели под руки, кажется, по три китайца! Наверху, подойдя к баллюстраде, императрица пригласила нас полюбоваться на озеро и дворец – это было действительно красиво!

Наши высокие хозяева держали себя с гостями очень просто и радушно: много разговаривали (через переводчиков); только трудно было разговаривать, не зная языка.

С этой террасы мы вошли в павильон, где императрица милостиво отпустила нас «отдохнуть», то есть распрощалась с нами. Опять реверансы, несколько милых слов императрицы, и мы сходим вниз к яхтам. Сверху, с террасы, на нас смотрела вся императорская семья и придворные, и все время пока мы отплывали, приветливо нам

кланялись. Это была красочная картина – их пестрые наряды блестели на солнце всеми цветами радуги.

Странное впечатление произвели на меня обстановка, костюмы, румяна китайских женщин. Мне казалось, что я живу много лет назад. Так я представляю себе наших прабабушек и русскую жизнь XVII века. И по-моему, есть большое сходство в покрое и типе костюмов.

Обратно нас провожал опять г. Тахшина и другие китайцы. Усталые и утомленные, мы уже не обращали внимания на природу и даже мало говорили о впечатлениях.

У кумирии опять пересадка в паланкины, и среди толы народа шествие по городу. В посольство мы прибыли около восьми часов вечера, т. е. проехали полсуток».

**Кн. Л. Кекуатова
Пекин, 1902 г.**

*Источник: газета "Русское слово",
22 февраля 1970 г.*

Приложение 2

НА МОКРЖЕЦ, 2 ИЮЛЯ 1915 г.

Я помню час, короткий миг кровавой сечи,
Когда мы шли под смелой опытной рукой,
Скрываясь в ржи, с врагом желая встречи.
И сердце бурно kloкотало в груди молодой.
Когда вожди: Один⁷ герой войны минувшей,
Создавший имя первого разведчика себе,
Скрывая тайну для врага во ржи уснувшей,

⁷ Полковник Д.Ф. Семенов – участник похода в Китай 1900 г. и Русско-японской войны.

Colonel D.F. Semenov – a participant in the campaign in China in 1900 and the Russian-Japanese War.

⁸ Есаул А.П. Бакшеев, за этот бой награжден орденом святого Георгия 4-й степени.

Yesaul A.P. Baksheev, for this fight he was awarded the Order of St. George of the 4th degree.

Статья поступила 01.02.2017 г.

Библиографический список

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920 : Библиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов. М.: Русский мир, 2004. 928 с.

Сидел на чердаке в полуразрушенной избе.
И точно, как в раскрытых картах, пред собой
Момент руководящий в битве чутко находил...
Другой⁸ ползком во ржи, приняв всю тяжесть боя,
Отвагой подлинною храбрость в казаках будил.
Пылает день. Из тучи с ясною улыбкой
На землю солнышко шлет луч со светом и теплом
Читинцы движутся ползком, волною зыбкой,
То тут, то там во ржи мелькнув сереющим пятном.
Нигде ни звука. Словно все кругом застыло.
Вот неожиданно затакал пулемет...
Конечная минута боя наступила...
Еще единый миг прошел, как будто целый год
И вдруг... Ура ! Мгновенно шашки обнажились,
По цепи словно ток пронесся из конца в конец.
Цепь поднялась. Рванулась. Дико устремились
К конечной цели все туда, где выступал Мокржец.
И дремлющая рожь раскрыла тайну боя.
Решительный момент для схватки наступил.
Расправа началась. Нестройною толпою
Австрийцы потянулись полонниками в тыл.
Да два, еще совсем горячих пулемета
Трофеями достались тут же с массой ружей нам.
Кровавый кончен бой.
Усталые все разбрелись на отдых по разрушенным
избам.

**И.Н. Воросов,
старший урядник**

**1-го Читинского казачьего полка,
Георгиевский кавалер**

Источник: Шильников И.Ф.

*1-я Забайкальская казачья дивизия
в Великой Европейской войне
1914–1918 гг. Харбин, 1933. С. 55.*

Article was received in February, 01, 2017

References

Shabanov V.M. *Voennyi orden Svyatogo Velikomuchenika i Pobedonostsa Georgiya. Imennye spiski 1769–1920. Bibliograficheskii spravochnik* [Military Order of St. Great Martyr and Victorious George. Nominal lists 1769-1920]. Moscow, Russkii mir Publ., 2004. 928 p.

Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М.: Русский путь, 2003. 239 с.

Забайкальская казачья бригада. Из воспоминаний о войне 1914 г. // Военная быль. 1959. № 38 (сентябрь). С. 17–19.

Забайкальское казачье войско. URL: <http://www.regiment.ru/upr/A/5/4/1.htm> (дата обращения: 27.01.2017)

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. 894 с.

Карпеев В.И. Соединения конницы русской армии. 1810–1917 гг. М., 2007. 164 с.

Кекуатов Николай Александрович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1531> (дата обращения: 27.01.2017)

Материалы из семейного архива Ольги Константиновны Прониной.

Новиков П.А. Забайкальское казачье войско // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 : Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. С. 688–695.

Новиков П.А. К Стоходу: Забайкальская казачья дивизия в июне 1916 // Вестник военно-исторических исследований : Межвуз. сб. науч. трудов. Пенза, 2009. Вып. 1. С. 113–121.

Описание боевых действий 1-й Забайкальской казачьей бригады (Записи в дневнике Ф.К. Боржимского) // Первая мировая война в документах Государственного ар-

Volkov E.V., Egorov N.D., Kuptsov I.V. *Belye generaly Vostochnogo fronta Grazhdanskoi voiny* [White generals of the Eastern Front of the Civil War]. Moscow, Russkii put' Publ., 2003. 239 p.

Zabaikal'skaya kazach'ya brigada. Iz vospominanii o voine 1914 g. [Trans-Baikal Cossack brigade. From memories of the war of 1914]. Voennaya byl' Publ., 1959. No. 38. September. Pp. 17–19.

Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Trans-Baikal Cossack Army]. (In Russian) Available at: <http://www.regiment.ru/upr/A/5/4/1.htm> (accessed 01.27.2017)

Zalesskii K.A. *Kto byl kto v Pervoi mirovoi voine* [Who was who in World War I]. Moscow, 2003. 894 p.

Karpeev V.I. *Soedineniya konnitsy russkoi armii. 1810–1917 gg.* [Units of cavalry of the Russian Army, 1810–1917]. Moscow, 2007. 164 p.

Kekuatov Nikolai Aleksandrovich [Kekuatov Nikolai Aleksandrovich]. (In Russian) Available at: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1531> (accessed 01.27.2017)

Materialy iz semeinogo arkhiva Ol'gi Konstantinovny Proninoi [Documents from the family archive of Ol'ga Konstantinovna Pronina]. (In Russian, unpublished)

Novikov P.A. *Zabaikal'skoe kazach'e voisko* [Trans-Baikal Cossack Army. Russia in World War I, 1914–1918. Encyclopedia]. *Rossiia v Pervoi mirovoi voine. 1914–1918. Entsiklopediya. V 3 t.* Ed. ed. A.K. Sorokin. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. Pp. 688–695.

Novikov P.A. *K Stokhodu: Zabaikal'skaya kazach'ya diviziya v iyune 1916* [To Stokhod: Trans-Baikalian Cossack Division in June, 1916]. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy. Mezhvuz. sb. nauch. Trudov* [Newsletter of the military-historical researches. Collection of the international works]. Penza, 2009. Issue 1. Pp. 113–121.

Opisanie boevykh deistvii 1-i Zabaikal'skoi kazach'ei brigady (Zapisi v dnevnike F.K. Borzhimского) [Description of the fighting operations of the 1st Transbaikalian Cossack

хива Иркутской области : сборник документов. Иркутск : Отгиск, 2014. С. 170–218.

Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994. 608 с.

Список старшим войсковым начальникам, начальникам штабов: округов, корпусов и дивизий и командирам отдельных строевых частей. С.-Петербург : Военная Типография, 1913.

Шильников И.Ф. 1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой Европейской войне 1914–1918 гг. Харбин, 1933. 206 с.

Novikov P.A. To The Stokhod River: The Transbaikal Cossack Division in June 1916 // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 23. Issue 4. 2010. October. P. 656–665.

Сведения об авторе

Каркотко Андрей Юрьевич, магистр политических наук, научный сотрудник Государственного учреждения «Вилейский краеведческий музей», Республика Беларусь, 222410, Минская область, г. Вилейка, площадь Свободы, 1. Музей,
e-mail: karkotko@tut.by

Критерии авторства

А.Ю. Каркотко выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Brigade (Records in the diary of F.K. Borzhimsky]. *Pervaya mirovaya voina v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Irkutskoi oblasti. Sbornik dokumentov* [The First World War in the documents of the State Archives of the Irkutsk Region Collection of documents]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2014. Pp. 170–218.

Smirnov N.N. *Slovo o zabaikal'skikh kazakakh* [Word about Transbaikalian Cossacks]. Volgograd, 1994. 608 p.

Spisok starshim voiskovym nachal'nikom, nachal'nikom shtabov: okrugov, korpusov i divizii i komandiram otdel'nykh stroevykh chastei [List of senior military commanders, chiefs of staffs: districts, corps and divisions and commanders of separate combat units]. St. Petersburg, Voennaya Tipografiya Publ., 1913.

Shil'nikov I.F. *1-ya Zabaikal'skaya kazach'ya diviziya v Velikoi Evropeiskoi voine 1914–1918 gg.* [1st Transbaikal Cossack Brigade in the Great European War, 1914–1918]. Harbin, 1933. 206 p.

Novikov P.A. To The Stokhod River: The Transbaikal Cossack Division in June 1916 // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 23. Issue 4. 2010. October. P. 656–665.

Information about the author

Andrey Yu. Karkotko, master of political science, staff scientist of Vileika museum of local history, Museum. 1, ploshad' Svobody, Vileika, Minsk region, 222410, Republic Belarus',
e-mail: karkotko@tut.by

Attribution criteria

Karkotko A.Yu. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation and prepared the manuscript, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-95-117

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛКОВНИКА ЧУБАКОВА

© А.В. Ганин

Институт славяноведения РАН,

Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.

Публикация посвящена жизни и деятельности полковника И.И. Чубакова, который в период пребывания в Северо-Американских Соединенных Штатах опубликовал ряд статей в поддержку Советской власти. Чубаков не предполагал, какие последствия вызовут его неприметные публикации в американской газете. Да и можно ли было предположить, что в стране вскоре разгорится ожесточенная Гражданская война и что сам автор пострадает за изложенные мысли. Оказавшись в Белой Сибири, Чубаков пострадал за эту публикацию, хотя и избежал серьезных репрессий. Позднее же, попав к красным, пытался конвертировать эту историю в значимую заслугу перед Советской властью и показать себя ее верным сторонником с начала 1918 г. В итоге в СССР он стал экспертом по Северной Америке. Статьи Чубакова представляются любопытным историческим источником, свидетельствующим о настроениях и устремлениях некоторых представителей дореволюционной военной элиты в революционную пору. В какой-то степени они дополняют представления о российско-американских отношениях того периода.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Белое движение, Красная армия, российско-американские отношения, И.И. Чубаков.

Формат цитирования: Ганин А.В. Американская история полковника Чубакова // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 95–117. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-95-117

AMERICAN STORY OF COLONEL CHUBAKOV

© A.V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

32-A, Leninskii prospect, Moscow, 119991, Russian Federation.

The article is about life and activity of a colonel I.I. Chubakov who during his staying in United States had published several article to support the Soviet power. Chubakov did not expect the aftermath of his inconspicuous publications in an American newspaper. It was impossible to suppose the beginning of bloody Civil War in Russia and the author will be repressed for his published thoughts. In Siberia Chubakov punished but escaped serious repression. Later, when he fell into the hands of Reds, he tried to convert this story into meaningful credit to the Soviet regime and to show off her staunch supporter since the beginning of 1918. Finally, in USSR he became an expert on North America. Articles written by Chubakov are the interesting historical source telling about the sentiments and aspirations of some members of the pre-revolutionary military elite in a revolutionary time. To some extent, they complement the presentation of the Russian-American relations of that period.

Keywords: Revolution, Civil War, White Movement, Red Army, Russian-American attentions, I.I. Chubakov

Citation format: Ganin A.V. American Story of Colonel Chubakov. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 95–117. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-95-117

Захват власти большевиками был воспринят в среде военной элиты – офицеров Генерального штаба, по большей части, негативно. Вместе с тем звучали отдельные голоса и в поддержку нового режима. Их было немного, тем ценнее каждое сохранившееся свидетельство. Один из таких голосов, ныне забытых, но в свое время наделавших немало шума, принадлежал полковнику Иллиодору Иллиодоровичу Чубакову. В процессе подготовки перевода его общественно-политических статей, печатавшихся в Северо-Американских Соединенных Штатах, удалось не только выявить ряд документов, связанных с этими статьями, но также полностью реконструировать прежде неизвестную биографию офицера и установить дату его смерти. Автор надеется, что биографические сюжеты не заслонят основную линию о необычном политическом заявлении офицера в начале 1918 г., а помогут объяснению причин этого заявления и отражению его влияния на последующую судьбу офицера.

И.И. Чубаков родился 23 февраля 1879 г. в Минске в дворянской семье (РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 183–371. Л. 1 об.). При костромской классической гимназии выдержал экзамен на вольноопределяющегося 1-го разряда, окончил Тифлисское пехотное училище по 1-му разряду (1899 г.). В службу вступил в Солигаличский резервный батальон вольноопределяющимся 1 октября 1895 г. В 1897 г. последовало командирование в училище, из которого Чубаков был выпущен в 69-й пехотный Рязанский полк. Первый офицерский чин подпоручика он получил 20 ноября 1899 г. со старшинством с 1 сентября того же года. В 1904 г. Чубаков поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил в 1907 г. по 1-му разряду, причем был пятым из 86 офицеров выпуска по полученным баллам (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 22) и был произ-

веден в штабс-капитаны. Однокашниками Чубакова по академии были советский главком С.С. Каменев, начальник штаба Врангеля генерал П.С. Махров и видный советский военачальник Н.Н. Петин.

Весной 1907 г. Чубаков был причислен к Генеральному штабу, после чего в 1907–1909 гг. проходил цензовое командование ротой во 2-м Финляндском стрелковом полку. Затем офицер был переведен в Генеральный штаб и получил капитанский чин. В 1909–1913 гг. он служил старшим адъютантом штаба 43-й пехотной дивизии. Наконец, в мае 1913 г. Чубаков был на год командирован в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), но затем был оставлен там на службе. С 23 ноября он числился и. д. помощника начальника 3-го отделения отдела по устройству и службе войск, а 6 декабря того же года был произведен в подполковники.

Продвижению по службе препятствовало слабое здоровье офицера. К примеру, в мае – июне 1911 г. он был командирован

*Рис. 1. И.И. Чубаков. 1907 г.
Научный архив Института российской истории РАН. Публикуется впервые
Fig. 1. I.I. Chubakov. 1907. Scientific
Archive of the Institute for Russian
History RAS. Published for the first time*

в столицу для обучения воздухоплавательному делу, но менее чем через месяц возвратился как негодный по состоянию здоровья (РГВИА. Ф. 409. Оп. п/с. П/с 268–780. Л. 8 об.).

На фронт Чубаков пошел не сразу. В начале войны он исполнял должность начальника военных сообщений Московского военного округа, а после ее упразднения стал и. д. старшего адъютанта военнородорожного отделения штаба Московского военного округа.

Боевые действия для Чубакова начались только в феврале 1915 г., когда он занял пост и. д. начальника штаба 84-й пехотной дивизии на Северо-Западном фронте, но уже в октябре был эвакуирован на Кавказ для лечения болезни сердца. В 1916 г. он был произведен в полковники. По излечении занял пост начальника штаба 121-й пехотной дивизии (с 17 апреля 1916 г.), но вновь был эвакуирован в тыл по контузии и болезни с зачислением в резерв Генштаба. Строевую службу офицер нести по состоянию здоровья не мог.

Нелицеприятные характеристики Чубакова оставил его сослуживец, командир бригады 121-й пехотной дивизии генерал М.М. Иванов. По его свидетельству, Чубаков «мягко и тихо говорит и, по всему видно, “штучка”» (Иванов, 2016. С. 282). Иванов счел Чубакова интриганом, трусом, сплетником и мерзавцем первого сорта, даже прозвал его вместо Иллиодора Иллиодоровича Искарриотом Искарриотовичем (Там же. С. 286–287). Чубаков, по словам Иванова, с первых же дней втянулся в борьбу и интриги с капитаном Л.А. Текелиным, что негативно сказалось на работе штаба дивизии (Там же. С. 284).

Несмотря на кратковременность своего участия в боевых действиях, перерывы во фронтовой службе для лечения, Чубаков сумел отличиться и показать себя мужественным офицером. Высочайшим приказом от 24 мая 1916 г. он был награжден Георгиевским оружием «за то, что исполняя блестяще должность начальника штаба дивизии, своей самоотверженной деятельностью

способствовал удачным действиям дивизии в боях 12–14 сентября 1915 г. на фронте Дуды – Беляны, руководя с полным хладнокровием под артиллерийским обстрелом своевременным питанием боевой линии резервами и производя личные рекогносцировки позиций под ружейным огнем противника» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27000. Л. 181).

Временно командующий 84-й пехотной дивизией генерал-майор А.А. Есаулов 22 сентября 1915 г. дал развернутое описание подвига Чубакова: «Во время тяжелого отступления 5 августа с очень растянутых позиций, при получении поздних приказаний только огромная энергия и быстрота ориентировки начальника штаба 84 п[ехотной] дивизии Генерального штаба подполковника Чубакова давали возможность немедленно отдавать приказания и своевременно приступать к указанным отходам, причем время для отдачи письменного приказаний могло быть даже губительным, поэтому, получив приказ, он тут же по телефону отдавал все приказания, что приводило всегда к благополучному отходу, давая должный отпор наседаящему врагу, несмотря на чрезвычайное утомление войск.

Телеграммой за № 8592 отходы были отмечены командующим армией «как отличные». Своевременность отхода, порядок, согласованность, верная оценка обстановки являются результатом исключительно отличных, взвешенных распоряжений начальника штаба, которые привели к благополучному завершению операции отхода.

6 августа при прорыве немцами левого фланга, когда дивизия занимала фронт Михнишки – Зарубы, немедленные, быстрые, решительные распоряжения совершенно парализовали минутный их успех.

Во весь последующий период отхода нашей армии до 14 сентября подполковник Чубаков проявил себя дельным и знающим, чрезвычайно энергичным и трудоспособным начальником штаба дивизии и талантливым офицером Генерального штаба, всегда верно оценивая обстановку и имея все-

гда готовый план для парирования случайностей.

В необычайно тяжелые дни 8 и 9 сентября, когда дивизия занимала фронт в 18 верст – от Граужишки до р. Клева, а немцы быстрым наступлением не дали возможности устроить окопы, подполковник Чубаков своей деятельностью способствовал тому, что дивизия удержалась на позиции. 8 и 9 сентября дивизия под непрерывным ураганным огнем противника отразила ряд яростных дневных и ночных атак германцев, причем 334 п[ехотным] Ирбитским полком за два дня отбито 23 атаки, 338 п[ехотным] Глазовским п[олком] и 336 Челябинским около 15 и 335 п[ехотным] Анапским п[олком] 5 крупных, не считая частичных. Все это могло быть выполнено только лишь при правильном регулировании хода боя резервами, а между тем на фронте в 18 верст и слабом составе дивизии этих резервов было мало и недостаток их приходилось компенсировать маневрированием. Были моменты, когда из 2–3 мест сразу доносили о прорыве и обходе немцами флангов. Положение было настолько тяжелое, что в 334 п[ехотном] Ирбитском п[олку] немцы рядом атак оттеснили центр к штабу полка, который, оставаясь на месте, принужден был сжечь все боевые документы. Подполковник Чубаков, верно оценивая обстановку, безусловно, своей самоотверженной деятельностью, работая в течение этих дней совершенно без перерыва, способствовал удачным действиям дивизии.

С доклада мне он своевременно сгруппировывал резервы с соседних участков на опасных местах, давая указания о сосредоточении в том или другом пункте артиллерийского огня; приходилось роты резерва, принявшие участие в отбитии атаки в одном месте, перебрасывать затем на другой пункт, и все это на фронте в 18 верст. 9 сентября прибыли на поддержку из корпусного резерва 2 батальона Елисаветградского и Аккерманский полк, которым на встречу были высланы офицеры и сразу же дана задача, т. к. дивизия едва удержива-

лась на позиции. Согласно доклада мне начальника штаба подкрепления были распределены так, что дивизия получила большую устойчивость, имея резерв, маневрируя которым 9 сентября удалось отбить все яростные атаки немцев и удержать позицию, несмотря на непрерывный жестокий огонь артиллерии, заваливавший снарядами наши окопы. Связь была организована выше похвалы, причем в те места, где можно было ожидать, что связь будет прервана, начальником штаба высылались офицеры для связи. В ночь на 11 сентября дивизия начала отход на фронт Дуды – Мыза Беляны, причем, когда было получено сведение о том, что саперный офицер по недоразумению разбивает окопы и укрепляет позицию не от д. Дуды, а от д. Гути, начальник штаба лично поехал утром 11 сентября в д. Дуды, а затем Гути и дал соответствующие указания, чем предупредил возможность недоразумения, т. к. отошедшие уже на эту линию части могли занять по указанию сапер разбитые ими окопы у Гути. 12 сентября немцы, развив жестокий артиллерийский огонь по расположению полков и штабу дивизии, в течение целого дня вели атаки, отбитые благодаря своевременной поддержке резервами. 13 сентября, когда дивизия под ураганным огнем сдерживала натиск противника, было получено донесение, что 51 дивизия начала отход от д. Дуды, и немцы начали обходить правый фланг дивизии. Подполковник Чубаков по докладе мне быстро сделал все распоряжения о спешном направлении 2 батальонов Глазовского полка для занятия ближайших окопов 51 дивизии, один батальон Ирбитцев из дивизионного резерва передан Глазовскому полку для выдвижения его уступом справа, а другие 2 батальона Ирбитцев были направлены на Лостоянце для занятия уступного расположения и прикрытия переправы у ф[ольварка] Михайлова, чем обеспечивалось устойчивое положение дивизии. Все время следя за боем, отдавая все распоряжения о направлении резервов, поддержании самой прочной связи, перегруппировке

артиллерии боевых участков подполковник Чубаков более 6 часов находился под сильным огнем тяжелой немецкой артиллерии, которая обстреливала штаб у г[осподского] дв[ора] Березина, подвергая свою жизнь явной опасности. В итоге дивизия, отбив ряд атак противника, остановила распространение его на своем правом фланге, что явилось результатом своевременного направления резервов и быстрой перегруппировки войск, которая делалась на основании доклада подполковника Чубакова при верной оценке им обстановки и самоотверженной деятельности» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27000. Л. 184–185 об.).

Старший адъютант штаба 84-й пехотной дивизии поручик С.М. Монаков свидетельствовал относительно подвига Чубакова, что, «благодаря своевременно и быстро отданным распоряжениям, атаки превосходящих сил немцев были отбиты с большим для них уроном, и дивизия сохранила свои позиции» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27000. Л. 187 об.).

Еще одним свидетелем выступил командир 335-го пехотного Анапского полка полковник Н.Н. Великопольский, отметивший, что «части дивизии, благодаря умелому руководству, мужеству и храбрости подполковника Чубакова, всегда с успехом выходили из самых трудных положений во время совершенного дивизией отступления» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27000. Л. 189).

Кроме того, из боевых орденов Чубаков был отмечен орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом «за то, что 9–12 мая бывал на передовой позиции полка на р. Близна для рекогносцировки и выяснения многих вопросов по подготовке атаки на месте, находясь под действительным ружейным огнем противника с опасностью для жизни и своей энергичной, полезной деятельностью как начальник штаба приносит большую пользу делу как по вопросам боевого характера, так и во всех отраслях управления дивизии, работая, не покладая рук» (из представления командиру XXVI армейского корпуса от 16.07.1915) (награ-

жден 13 ноября 1915 г.), орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами «за то, что в дни подготовки атаки укрепленной позиции у д. Стренковизно, произведенной 23 апреля [1915 г.], лично производил рекогносцировку позиций противника из передовых окопов, находясь под ружейным огнем немцев с дистанции 150–200 шагов с опасностью для жизни» (Приказ главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта № 1625. 12 июня 1915 г., утвержден 5 марта 1916 г.) и орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом «за то, что, бывая на укрепленной позиции в районе оз. Близно, давал полезные указания, которые содействовали приведению ее в совершенный вид и за то, что во время тяжелого отступления с 5 по 17 августа быстрой, энергичной ориентировкой и своевременной отдачей приказаний содействовал отличному отходу» (из представления командиру XXVI армейского корпуса от 25.08.1915; награжден 8 августа 1916 г.), орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами (27 августа 1916 г.). 26 ноября 1914 г. командующим войсками Московского военного округа он был представлен и к ордену Св. Станислава 2-й ст. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27000. Л. 182 об.).

Согласно аттестации за 1916 г., «как офицер Генерального штаба с широким общеобразовательным и военным кругозором, внимательно изучающий события нынешней войны и основательно ознакомленный со способами ее ведения, полковник Чубаков является незаменимым начальником штаба крупных войсковых соединений.

Как первый начальник штаба 121 пех. дивизии, он в течение более 3-х месяцев много поработал над формированием молодой части и над правильной постановкой военной подготовки в дивизии, с честью выдержавшей испытание при обороне наших позиций в Рижском районе и в боях с 3 по 9 июля сего года при наступлении против немецкой позиции в районе Лысой горы (отм. 28,09). До начала этих боев выполнял серьезную работу по подготовке операций, и во время боев, знакомясь в передовых окопах с обстановкою и вообще,

выполняя мои распоряжения под сильным огнем противника, наносившего нам в районе штаба потери в людях и лошадях, полковник Чубаков проявил боевую опытность, личную инициативу, мужество и физическую выносливость, несмотря на болезнь сердца, которой он страдает. Характера сильного, настойчивого, с большой выдержкой.

Отлично дисциплинирован, корректен. К служебным обязанностям относится до щепетильности добросовестно. Служба и работа в штабе дивизии им отлично налажена. Весьма твердых нравственных принципов.

Был бы отличным начальником отдельной строевой части при боевой обстановке, если тому не помешает порок сердца. Как отлично владеющий иностранными языками, при его наблюдательности и прекрасном воспитании был бы незаменимым военным агентом.

Отличный. Удостаивается назначению на должность командира пех[отного] полка и воен. агента.

Подлинный подписал: командующий дивизией генерал-майор Бендерев» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 29–29 об.).

Выдвижение на должность командира полка для генштабиста было необходимым условием получения генеральского чина. Однако из-за слабого здоровья Чубаков полк так и не получил, навсегда оставшись полковником. И все же блестящего офицера заметили. 23 июня 1916 г. генерал А.А. Балтийский писал в Императорскую Николаевскую военную академию профессору Г.Г. Христиани:

«Глубокоуважаемый Григорий Григорьевич.

Прослышал я здесь, что при нашей академии открывается “сокращенный курс академии” и что преподавательский и административный персонал составят офицеры Генерального штаба – раненые, больные и вообще не могущие переносить тягости военно-походной службы.

Позволю себе утруждать Вас предложением иметь в виду на одну из открывающихся должностей, полковника Генштаба Чубакова¹, отличнейшего во всех отношениях офицера, прекрасно окончившего курс академии, участника текущей войны (имеет Георгиевское оружие), но, к сожалению, не могущего продолжать боевую службу, ибо страдает перерождением сердечной мышцы и расширением сердца, препятствующими верховой езде. – Он вскоре будет эвакуирован с театра войны.

Полковник Чубаков умственно весьма развитый офицер, практически – в курсе опыта войны, интересующийся военными науками и прекрасно владеющий словом.

Убежден, что он будет соответствовать всем требованиям, которые могут быть предъявлены преподавателю курсов академии. В чем, надеюсь, Вы лично убедитесь, когда полковник Чубаков представится Вам...» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 20–20 об.). Сам Чубаков также попытался попасть в академию – по данным на 1917 г., он подал заявку на прикомандирование к академии для работы над диссертацией (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1585. Л. 55). Тем более что с февраля 1917 г. считался негодным к строевой службе из-за расширения аорты (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1370. Л. 27). В учетной карточке Чубакова на 1923 г. в РККА значилось, что он был ранен (впрочем, там же неверно указаны его имя и отчество – Илларион Илларионович, а также год окончания академии – 1905 (РГВА. Коллекция учетно-послужных карт. Карточка № 300710)).

Есть данные о том, что с 16 августа 1916 г. офицер состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. Нестроевая служба для Чубакова вскоре нашлась. В 1917 г. он был прикомандирован к миссии американского сенатора Э. Рута, побывавшего в России в июне – июле 1917 г. со специальной дипломатической миссией Го-

¹ Подчеркнуто красным карандашом, на полях надпись: «Просить».

It underlined with a red pencil, the inscription on the margin: “Request”.

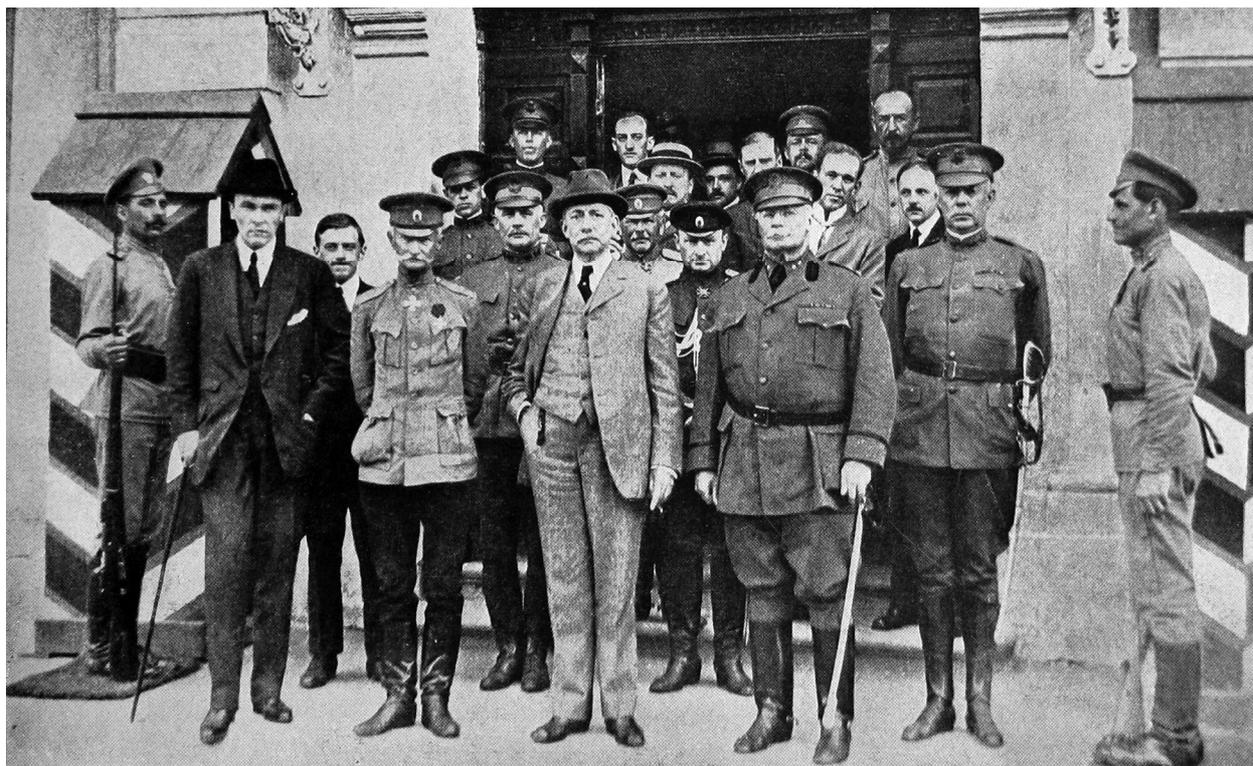

Рис. 2. Министр иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко, Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов и сенатор Э. Рут в период пребывания американской миссии в России. 1917 г.

Fig. 2. Foreign Minister of the Temporal Government M.I. Tereschenko, Supreme Commander General A.A. Brusilov and Senator E. Ryth during their visit to the American Mission in Russia. 1917

сударственного департамента. В миссию входили семь сенаторов, адмирал и генерал (Root, 1918. P. 92).

По всей видимости, Чубаков сумел войти в доверие к американцам. В результате толкового офицера с отъезжавшей американской делегацией 20 июня 1917 г. решили командировать в Северо-Американские Соединенные Штаты.

По имеющимся данным, Чубаков должен был организовать разведку в отношении Японии и вербовать солидных негласных агентов (Алексеев, 2001. С. 157–158). В Японии летом 1917 г. Чубаков завербовал одного агента – политического эмигранта периода первой русской революции, военного инженера подполковника К.Б. Полынова (родного брата академика Б.Б. Полынова). Не исключено, что общение с политическими эмигрантами оказало влияние на

взгляды Чубакова, сделав его приверженцем социалистических идей.

В Америке Чубаков находился вплоть до 1918 г. в качестве прикомандированного к российскому посольству и состоящего в распоряжении представителя при главной квартире Северо-Американских Соединенных Штатов. Интересно, что в тот же период в САСШ побывал и А.В. Колчак.

Именно в Новом Свете Чубакова потянуло к публичным заявлениям. 5–6 февраля 1918 г. офицер, не живший ни дня в России при большевиках, опубликовал в вашингтонской газете «The Evening Star» два обращения к американскому народу. В первом из них Чубаков утверждал, что большевистское правительство является подлинно народным, во втором восторгался американской жизнью и предлагал обустроить Россию по примеру Соединенных Штатов, создав Евразийские Соединенные

Штаты. Мотивы публикации могли быть различными. Либо Чубаков искренне поверил в то, что новая большевистская власть несет благо для страны, либо же подготавливал свое возвращение на родину (в условиях резкой антибольшевистской позиции российских дипломатов), пытаясь выслужиться перед новыми хозяевами России. Вероятнее первый вариант. Позднее Чубаков отмечал, что выход его статьи якобы оказал влияние даже на заявления Президента США В. Вильсона, обещавшего помощь Советской России (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 27 об.).

Почти через полвека, в своем ходатайстве на имя министра финансов СССР от 11 октября 1964 г., Чубаков отмечал, что «во время Октябрьской революции 1917 г. я, будучи полковником Генерального штаба, находился в составе русского посольства в Вашингтоне и с момента Октябрьской революции присоединился к Советской власти, о чем сделал заявление, напечатанное в американских газетах (“Right of people to rule Russia”) – “Право народа править Россией”.

В заключение заявления написано: “В России конструируется новый социальный порядок и к нему, безусловно, постепенно перейдут все другие народы мира. Я отлично знаю Россию и наш народ и открыто заявляю, что Россия никогда не будет иметь никакого другого правительства, кроме того, которое будет поддерживаться рабочими и крестьянами. Если бы какой-либо другой класс временно и захватил бы власть, то он будет быстро свергнут с большими жертвами для этого класса” (Заявление в деле 18685²).

Надлежит отметить, что из состава всех русских посольств за границей в 1917 г. подчинились Советской власти только посол в Испании, ныне покойный Соловьев и я – Чубаков И.И. – из русского посольства в Вашингтоне.

Я был исключен из посольства и мне было предложено выехать из США» (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 9).

В России уже сменилась власть, и Чубаков по инерции попал на службу в Красную армию, считаясь состоящим в распоряжении начальника Генерального штаба (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 141). Приказом народного комиссара по военным делам от 2 сентября 1918 г. он, наряду с другими зарубежными военными представителями старой России, откомандировывался от занимаемой должности и вызывался безотлагательно в Россию. В случае отсутствия регистрации офицеров до 15 сентября, они подлежали увольнению со службы (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 60). Но в красной Москве не знали, что Чубаков в этот период уже находился в России, а именно в занятом белыми и интервентами Владивостоке. Уже 15 июня 1918 г. на улице Светланской его с супругой и корреспондентом американской газеты встретил прежний сослуживец генерал М.М. Иванов, причем естественные расспросы Чубакова Иванов счел подозрительными (Иванов, 2016. С 333).

Возвратившегося из Америки офицера захватил водоворот российской Гражданской войны. Дальний Восток сравнительно быстро попал под контроль белых и интервентов. Чубаков оказался в антибольшевистском лагере, причем не испытывая к нему симпатий. Возможно, он уже и не вспоминал про свою заметку в американской печати, но о ней ему напомнили новые хозяева Дальнего Востока. Чубаков был арестован и предан суду, который так и не состоялся. В списке офицеров Генштаба колчаковских армий к 24 февраля 1919 г. он еще указан в своем чине без каких-либо ограничений (хотя и без должности, но с отметкой – «во Владивостоке»), но в последующем списке на 10 октября 1919 г. уже отсутствует (Ганин, 2009. С. 566, 611–619).

Главкомандующий армиями Восточного фронта генерал К.В. Сахаров позднее писал, что за Чубакова вступилось американское командование: «Когда полковник

² Речь идет о деле: ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. It is about dossier: SARF. F. A-539. Op. 7. D. 4649.

Генерального штаба Чубаков, служивший в этой (американской. – А.Г.) иностранной миссии и работавший одновременно в противоположительственных партиях, был вызван в Омск для отчета в своих действиях, то от генерала Гревса, представителя дружественной нации, последовал ряд телеграмм с отказом. В конце концов он потребовал гарантий личной безопасности Чубакова и не предания его суду. А после этого Чубаков перешел, при первом удобном случае, на сторону большевиков и в Красноярске вошел крупным лицом в чрезвычайную следственную комиссию (большевистская Чека)» (Сахаров, 1923. С. 44). Эти сведения, перемежающиеся с откровенным вымыслом (Чубаков не служил в американской миссии, по имеющимся данным, не сотрудничал с оппозиционными колчаковскому режиму партиями, а лишь выражал собственную позицию, кроме того, пленный белый генштабист не мог служить в ЧК ни на низовой должности, ни, тем более, на руководящем посту), Сахаров приводил в качестве примера «предательства» союзников и помощи командования интервентов большевикам. Однако приведенные сведения никак не могут об этом свидетельствовать. Тем более нелепо приводить в подтверждение поддержки американцами большевиков факт будущего перехода Чубакова к красным и его сотрудничества с ними. Однако на таком уровне анализировали ситуацию представители белого командования. Вместе с тем заступничество Гревса подтверждают показания Н. Спешнева (РГВА. Ф. 185. Оп. 8. Д. 940. Л. 43), следовательно, можно признать его имевшим место в действительности.

Как сообщалось в справке на генерала Г.И. Клерже, составленной в 1935 г. в Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи, «в марте 1919 г. в г. Омске находился захваченный с документальными доказательствами своей деятельности на пособничество большевикам Генерального штаба подполковник Чубаков. Чубаков был послан в Омск для окончательного разбора дела... Чубаков, на основании дружеских

отношений с Клерже и попустительства Ставки адмирала Колчака, несмотря на свое нахождение под следствием, свободно разгуливал по Омску и ежедневно посещал Клерже в его служебном кабинете.

В связи с этим [полковнику К.К.] Акинтьевскому было приказано посетить в обычное время служебный кабинет Клерже и заявить официально Чубакову запрещение посещать генерал-квартирмейстерскую часть, пригрозив в противном случае арестом» (Клерже, 2012. С. 488).

Сам К.К. Акинтьевский в своих неопубликованных воспоминаниях писал, что Чубаков был приятелем Клерже и «тоже находился под следствием комиссии ген. Катанаева за работу с большевиками.

[Начальник Главного штаба генерал В.И.] Марковский приказал ему передать следующее: Ввиду того, что Чубаков посещал Клерже в здании Гл[авного] штаба, предложить ему, Чубакову, впредь не делать этого.

Суть дела Чубакова заключалась в следующем.

Чубаков выпуска из академии с Клерже³, в [19]18 г. оказался в Америке и здесь, в газетах, за полной своей подписью, вел агитацию против белых и за признание Америкой советского пр[авительст]ва. Перевод этих статей при сем прилагается. № 1 и 2.

В том же [19]18 г. Чубаков с супругой оказались в освобожденном от большевиков Владивостоке и открыли политический салон. Здесь по приказу адмирала супруги были арестованы, доставлены в Омск и преданы следствию ген. Катанаева.

Несмотря на столь вопиющие преступления, грозившие им смертью, Чубаковы, взятые под покровительство нач[альником] штаба Верховного [генералом Д.А.] Лебедевым, гуляли запросто на свободе и посещали Ставку и Гл[авный] штаб.

³ Мемуарист ошибается, на самом деле Г.И. Клерже окончил академию в 1909 г., а И.И. Чубаков – в 1907 г.

Memoirist wrong, in fact, G.I. Clerjus graduated from the academy in 1909, and I.I. Chubakov – in 1907.

И это при наличии Гражданской войны и диктатуры адмирала, при неопровержимых уликах, с ведома Гл[авного] военного прокурора ген. [К.П.] Полидорова!!!

Куда было идти дальше! Это было полное разложение и гибель белого дела!!!

Пройдя немедленно в кабинет Клерже, я действительно застал там Чубакова и передал ему предложение Марковского – уйти и не посещать здание Гл[авного] штаба.

Я был буквально ошеломлен случившимся и понял, что наше дело очень плохо, если не безнадежно. Кто же оказались нашими злейшими врагами – наштаверх (начальник штаба Верховного главнокомандующего. – А.Г.) Лебедев и главный прокурор Полидорова!!!» (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. Konstantin Konstantinovich Akin-tievskii papers. Vox 1. Гражданская война. Сибирь. Омск. Главный штаб).

Очевидно, белое командование на Востоке России не было подготовлено к репрессиям в отношении старших офицеров. Сам Чубаков утверждал, что оказался «Колчаком лишен чина и мундира за приверженность Советской власти» и сослан в Тобольск (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141 об.). К сожалению, дальнейшие подробности его пребывания в Сибири в 1919 г. неизвестны.

Как позднее свидетельствовал сам Чубаков, «по прибытии во Владивосток я Колчаком был арестован “за антигосударственную деятельность как ярый сторонник Советской власти”, заключен в тюрьму и сослан в Нарымский край, откуда был освобожден 5-й Красной армией и назначен для особых поручений при командарме, потом вызван в Москву и работал в Полевом штабе Реввоенсовета Республик[и] и преподавателем в Военной академии им. Фрунзе» (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 9).

Обрывочные данные сохранились в дневниковых записях генерала В.Г. Болдырева, который отмечал 21 февраля 1919 г., находясь в Токио: «Высоцкий получил телеграмму Ч. – мужа ее отправили уже су-

дить в Омск. При существующих порядках отправить нежелательного человека не только в Омск, но и на тот свет, ровно ничего не стоит. Американцы, которыми так увлекался Ч., отказались ему помочь, якобы ввиду разногласия по этому поводу с другими союзниками. Лицемерие» (Болдырев, 1925. С. 195). Публикаторы книги Болдырева вынесли в примечания его фразу насчет содержания первой телеграммы жены Чубакова: «С просьбой походатайствовать перед японским военным министром о разрешении ее арестованному мужу выехать в Японию». Упоминалась и вторая телеграмма, сообщавшая об отправке Чубакова в Омск. Как отмечал Болдырев, «по части ареста, главным образом, орудует по прежней своей специальности помощник [Д.Л.] Хорвата генерал [П.П.] Иванов-Ринов, исполнитель Бутенко» (Болдырев, 1925. С. 537).

На следующий день Болдырев записал: «После завтрака в весьма растерзанном виде, с неизменным голубым галстуком на шее, вбежал только что прибывший из Владивостока ген. [А.С.] Потапов. Оказывается, он тоже едва избежал ареста, несмотря на большие знакомства в союзнических кругах. Известие об отправлении Ч. в Омск его окончательно взволновало, ждет повальных арестов во Владивостоке» (Болдырев, 1925. С. 195). Публикаторы здесь опустили комментарий Болдырева: «Я ему заметил, что решительные меры против инакомыслящих не характеризуют слабость омского правительства» (Болдырев, 1925. С. 537). Интересно, что полностью фамилия Чубакова, к тому времени добропорядочного советского гражданина, в издании не упоминалась.

В конце 1919 г. Чубаков сдался в плен красным в Томске, для реабилитации перед Советской властью пригодилась история его преследований в белом лагере. В результате ему удалось поступить на службу в РККА. В начале 1920 г. генштабист был назначен для особых поручений при командующем 5-й советской армией (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 84), но еще 1 мар-

та ему дали предписание направиться в Москву, в распоряжение начальника Всероссийского Главного штаба, куда он и прибыл 17 апреля. С 18 апреля 1920 г. он находился в распоряжении начальника Всероссийского Главного штаба, а с 20 мая был прикомандирован к Полевому штабу Реввоенсовета республики и состоял уже в распоряжении начальника Полевого штаба (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 79–81, 98). Интересно, что на июнь 1920 г. Чубаков значился в списке кандидатов на должности военных представителей при иностранных государствах (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 97–97 об.), то есть в Красной армии учли его прежний служебный опыт.

10 августа 1920 г. вр. и. д. начальника канцелярии Томского комиссариата по военным делам Оссовский писал в справочную часть Всероссийского Главного штаба: «Убедительно и усердно прошу не отказать в сообщении по наведении справки, где состоит и находится теперь служивший в Главном управлении Генерального штаба бывший полковник Генерального штаба Иллиодор Иллиодорович Чубаков, который в 1917 году был командирован правительством Керенского в Северо-Американские Соединенные Штаты. В 1918 г. т. Чубаков вернулся в Россию во Владивосток, затем был доставлен в Омск, где Колчаком был лишен чина и мундира за приверженность Советской власти и уволен от службы, причем в первых числах мая был сослан в гор. Тобольск, в распоряжение начальника гарнизона под негласный надзор и больше с тех пор сведений о нем не имеется.

Очень прошу сообщить» (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141–141 об.).

С 11 августа 1920 г. Чубаков занимал пост старшего помощника начальника информационно-исторической части Полевого штаба Реввоенсовета республики (РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 183–371. Л. 3 об.), а затем начальника информационного отделения информационно-исторического отдела оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики (РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 391. Л. 1 об.). К 12 апреля 1921 г.

Чубаков состоял в распоряжении председателя Военно-исторической комиссии (Ганин, 2009. С. 696), но 16 апреля 1922 г. за сокращением штатов он был уволен из комиссии. После этого военспец перешел на преподавательскую работу в Военную академию РККА и был назначен с 1 мая 1922 г. нештатным, а с 1 октября 1922 г. – штатным преподавателем. 1 февраля 1923 г. Чубаков был зачислен в резерв при Штабе РККА (РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 183–371. Л. 2, 3 об.).

В 1920–1923 гг. Чубаков служил в Красной армии, однако 30 сентября 1924 г. был уволен в бессрочный отпуск, считавшийся с 1 апреля 1923 г. (Приказ РВС СССР по л/с армии. 1924. № 311. 30.09) и являвшийся по сути увольнением от военной службы. Как позднее писал он сам, увольнение произошло «ввиду постигшей меня тяжелой болезни» (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 10).

По сохранившимся документам известно, что на 1915 г. Чубаков был женат вторым браком на дочери члена Совета министров Ксении Ивановне Чепелевской, но детей не имел (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с. Д. 268–780. 1915 г. Л. 8). В Гражданскую войну находился в том же статусе, но, по данным на 1923 г., уже был холост. Интересно, что в советском послужном списке о службе у белых не говорилось, а, со слов самого Чубакова, было отмечено, что в период с 15 ноября 1917 г. по 15 декабря 1919 г. он был демобилизован (РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 183–371. Л. 1 об., 4).

Уйдя из армии, Чубаков перешел в Наркомфин СССР, где занимался финансово-юридическими вопросами. Одновременно в 1922–1925 гг. обучался на правовом и экономическом отделении 1-го МГУ. В 1923 г. Чубаков поступил на службу в торгово-промышленный банк, где работал до 1926 г. помощником заведующего отделом международных расчетов (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 7, 10, 13). Нарком финансов СССР писал 17 мая 1935 г. в комиссию по назначению персональных пенсий при СНК СССР о Чубакове, что «особенно

должна быть отмечена его работа в отделе международных расчетов, который подготовил разносторонние материалы для переговоров на конференциях с иностранными государствами» (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 20).

Американский опыт создал бывшему офицеру репутацию эксперта по САСШ. Уже в январе 1924 г. он участвовал от Госкредита в заседании бюро Наркомфина СССР по подготовке финансовых материалов для расчетов по мирным договорам о задолженности СССР Соединенным Штатам (Россия и США, 1997. С. 92).

В 1927–1930 гг. был членом правления и консультантом акционерного общества «Русплатина» в Берлине, где заведовал огромным запасом платины, а в 1931–1938 гг. служил старшим консультантом сектора валюты и внешней торговли Наркомфина СССР, занимаясь вопросами валютного регулирования (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 7).

В 1931–1933 гг. прежде восторгавшийся Америкой офицер в духе времени стал писать работы об ущербе, нанесенном Советской России в результате иностранной военной интервенции, в том числе американской. В архиве Комиссии по выяснению убытков, нанесенных СССР интервенцией и блокадой, в рукописи сохранились его работы «Интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке» (1931 г.)⁴ (ГАРФ. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 719), «Убытки, причиненные СССР греческими войсками за время интервенции в районе Одесса – Херсон – Николаев в 1919 г.» (завершено 31 мая 1932 г.) (ГАРФ. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 918), «Убытки, причиненные промышленности СССР интервенцией и Гражданской войной в период 1918–1922 гг.» (завершено 29 июня 1933 г.) и «Союзническая интервенция и блокада СССР 1918–20 гг. и причиненные

ими убытки» (1933 г.) (ГАРФ. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 217–218).

В этих работах Чубаков использовал разнообразные исторические источники, отражавшие события истории антибольшевистского лагеря. Прежде всего, материалы периодической печати, мемуары и дневники участников событий, сборники документов. По оценке Чубакова, прямые убытки от интервенции и блокады Советской России составляли 14 113 473 золотых рубля, а косвенные в зависимости от темпов развития (Чубаков сделал расчеты для довоенных и социалистических темпов, а также по сравнению с базой 1913 и 1917 г.) оценивались от 45 936 192 до 107 207 715 золотых рублей. Сверх того Советская Россия, по данным Чубакова, потеряла 44 438 золотых рублей от золотой блокады, а 2 416 873 золотых рубля составили убытки частных лиц. По его мнению, «международная интервенция... причинила колоссальные убытки, составляющие более одной трети национального богатства России в 1913 г., что и является бесспорным долгом интервентов... Следы интервенции не сгладятся еще и в течение десятков лет» (ГАРФ. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 218. Л. 75–76). Чубаков писал о том, что интервенты стремились не только уничтожить большевизм, но и завладеть природными богатствами России (ГАРФ. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 218. Л. 12).

Учет ущерба велся детальный. Учитывались потери промышленности, сельского хозяйства, транспорта, почт и телеграфов, коммунального хозяйства, государственного имущества, расходы по социальному обеспечению.

Некоторое внимание Чубаков уделил и событиям, касавшимся непосредственно истории Белого движения. Чубаков вскрывал связи белых с интервентами, разоблачал зависимость белых от союзников. В частности, он отмечал, что «вся оперативная работа военного командования и снабжение войск [Колчака] были поставлены в жесткие рамки контроля союзников». Деникинские войска, как полагал Чубаков, были созданы только с помощью союзни-

⁴ Работа представляла собой развернутый отзыв на воспоминания генерала У. Гревса (*Graves W.S. America's Siberian adventure 1918–1920. N.Y., 1931*). The work was a detailed review on the memoirs of General W. Graves (*Graves W.S. America's Siberian adventure 1918–1920. N.Y., 1931*).

ков (ГАРФ. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 218. Л. 33, 61).

30 апреля 1935 г. Чубаков вновь женился. Его супругой стала Александра Ивановна Синянинова, 1892 года рождения, с которой он прожил вместе 31 год, до самой смерти. В том же году Чубаков (с 17 августа 1935 г.) стал персональным пенсионером республиканского значения РСФСР, причем ему зачли и дореволюционный служебный стаж. Он получал пенсию в размере 250, 300, 350, с 1950 г. – 400, с 1957 г. – 500 и с 1958 г. – 800 руб. (после хрущевской деноминации 1961 г. – 80), а с 1 ноября 1964 г. – 90 руб. в месяц. С 1938 г. в силу потери памяти и зрения Чубаков уже не работал (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 5, 7). Показателем советских реалий является ходатайство отдела персональных пенсий НКССО РСФСР перед сектором бытового обслуживания персональных пенсионеров Мосгорсобеса от 19 апреля 1935 г. о содействии Чубакову в получении ордера на пальто (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 22). Проживал он в Москве, на Петровской линии, а позднее – на Краснопрудной улице. Единственная дочь Чубакова погибла в годы Великой Отечественной войны.

Из пенсионного дела бывшего офицера удалось установить, что он умер 27 июня 1966 г. от общего атеросклероза. Как ни парадоксально, болезненный офицер, побывавший у белых и даже оставивший след в революции, в итоге избежал каких-либо репрессий и прожил 87 лет, пережив большинство своих однокашников. С 1 сентября 1966 г. пожизненная персональная пенсия республиканского значения была установлена вдове Чубакова в размере 50 руб. в месяц (ранее она получала обычную пенсию в размере 35 руб.) (ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 1–4).

Опыт Чубакова интересен. Едва ли его можно считать сторонником социалистических идей. Как известно, только единичные генштабисты по идейным соображениям присоединились к большевикам на рубеже 1917–1918 гг., когда обстановка в стране

еще не была в должной мере ясна. Сегодня практически невозможно установить мотивы такого поступка офицера. Вероятно, Чубаков, находившийся и до, и после большевистского переворота за пределами России, не знавший конкретных реалий, написал статью под влиянием момента, получив какие-то обрывочные известия с родины.

По всей видимости, Чубаков не предполагал, какие последствия вызовет его неприметная статья в американской газете. Да и можно ли было предположить, что в стране вскоре разгорится ожесточенная Гражданская война и что сам автор пострадает за изложенные мысли. Оказавшись в Белой Сибири, Чубаков пострадал за эту публикацию, хотя и избежал серьезных репрессий. Позднее же, попав к красным, пытался конвертировать эту историю в значимую заслугу перед Советской властью и показать себя ее верным сторонником с начала 1918 г.

Как бы то ни было, статьи Чубакова – это документы своего времени. И они представляются довольно любопытным историческим источником, свидетельствующим о настроениях и устремлениях некоторых представителей дореволюционной военной элиты в революционную пору. В какой-то степени они дополняют представления о российско-американских отношениях того периода (коль скоро, если верить Чубакову, его статья повлияла на Президента В. Вильсона). Не менее интересны и документальные материалы о пребывании Чубакова на Востоке России в годы Гражданской войны. В целом, публикуемый документальный комплекс расширяет наши представления о стратегиях поведения офицеров в период революции и Гражданской войны 1917–1922 гг.⁵

⁵ Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей.

The documents are published in accordance with modern rules of spelling and punctuation, while maintaining stylistic features.

Приложение

Документ 1

Статья И.И. Чубакова «Право народа править Россией»⁶

Право народа править Россией

Полковник И.И. Чубаков из российского посольства просит международного сочувствия. Просит беспрекословной помощи

Если бы свободные американцы только могли знать обо всех трагедиях русской жизни во времена бывшего правительства, они бы полюбили Россию и русский народ, за одни только страдания, которые те пережили, и будет продолжать помогать им, без сомнения, как и их правительству. Таково мнение полковника И.И. Чубакова из российского Генерального штаба, в настоящее время прикомандированного к российскому посольству в Вашингтоне. Чубаков был прикомандирован к миссии сенатора Рута, когда она посетила Россию, и был тепло оценен сенатором Руттом и получил в подарок украшенную бриллиантами чашу с пуншем от миссии за его помощь во время поездок миссии по России.

Народное правительство

Я весьма поражен обычному газетному термину «большевистское правительство», – сказал полковник Чубаков. Этот термин абсолютно затемняет реальное положение в стране. В России существует не большевистское правительство, но народное правительство, другими словами, правительство, состоящее из рабочих, крестьян и солдат, которые на самом деле представляют собой нормальное правительство России.

Россия на 85 процентов крестьянская, рабочая и солдатская, и именно поэтому не может быть и речи о каком-либо другом правительстве, кроме вышеуказанного. Управление страной до революции осуществлялось исключительно под руководством высшего класса. И теперь весь мир понимает, в какое ужасное положение такое управление поставило Россию.

К примеру, 60 процентов населения необразованно; существует невежество, абсолютное отсутствие важнейших жизненных условий, плохо организованная промышленность и торговля, отсутствие культивации минеральных ресурсов.

Тяжкое бремя монархии

Я даже не буду говорить вообще об административных полномочиях правительства, так как они слишком ужасны, чтобы думать о них. Существовали абсолютная судебная несправедливость, отсутствие всякого уважения к личности и самая бесчестная эксплуатация граждан России.

Американцы, вероятно, не могут представить себе те огромные суммы денег, которые были необходимы членам императорской семьи для жизни. Царь получал на свои личные расходы \$ 500,000 (один доллар равен двум российским рублям) в год; его жена, царица, \$ 250,000; его мать, бывшая царица, \$ 250,000; наследник престола, \$ 100,000; брат и сестры царя, по 100,000 \$; каждая дочь царя по 50,000 \$ и так далее для всех членов царской семьи, которых насчитывается более сотни.

Все эти денежные суммы были только для частных расходов. Поддержание дворцов, свиты, слуг, автомобили, конюшни и все остальное требовали огромных сумм народных денег. Царь и члены императорской семьи владели лучшими поместьями, виноградниками, и самыми богатыми шахтами.

Много миллионов долларов российских денег в настоящее время находятся на хранении в банках Англии на имя бывшего царя. Это просто удивительно, как вечно терпеливый русский народ мог выдержать такие страдания в течение длительного времени.

Экссессы как результат плохого управления

Я абсолютный враг всякого акта насилия, но я не осмеливаюсь возмущаться тем, что происходит сейчас в России. Это всего лишь плод правления бывшего правительства. Вы можете поверить, что беспристрастная история высоко оценит добросерде-

⁶ Перевод наш.
Translation is our.

чие русского народа, который до сих пор воздерживался от линчевания ненавистной династии Романовых, приведшей Россию к бесконечным бедам.

Если бы свободные американцы только могли знать обо всех трагедиях русской жизни при прежнем режиме, они бы полюбили Россию и русский народ, хотя бы только за все страдания, которые они пережили, и продолжили бы помогать им, без сомнения, как и их правительству. Правительство союзников считает, что мы зашли так далеко, что мы начинаем теперь тонуть и погибать, но согласитесь, что тонущий человек нуждается в немедленной помощи без какого-либо обсуждения. Такая помощь будет навсегда вписана золотыми буквами в мировую историю.

Право управлять принадлежит народу

Я думаю, что весь справедливый мир согласится, что нация, на 85 % крестьянская, которая вкусила тяжелые результаты правления самого высокого класса, имеет не только право, но даже обязана взять власть в свои руки.

Правительство Керенского, естественно, не могло быть успешным, так как оно не хотело опереться на рабочий класс. Керенский сам остановился на тех идеях, которые были либеральными при самодержавной организации государства, но которые были слишком отсталыми для идеалов текущего момента. Он не был глубоким мыслителем по своей природе и не был в состоянии понять волю рабочего класса.

В то же время моя точка зрения состоит в том, что правительство никогда не может быть слишком либеральными, и что все законы страны должны полностью пересматриваться, по крайней мере, каждые десять лет.

Поэтому нужно смотреть на нынешнее российское правительство как на правительство рабочих, солдат и крестьян, которые пытаются создать самоуправление для народа. Но взвалить на свои собственные плечи управление Россией в ее нынешнем положении можно только в подлинном отчаянии и при отсутствии другого выхода.

В первые дни, когда они захватили бразды правления, я, как и все остальные люди, был поражен. Газеты настаивали на том, что имелись несомненные доказательства того, что Ленин и Троцкий и многие другие были агентами Германии. Даже Троцкий был тяжело обвинен в том, что являлся немецким шпионом.

Уверенность в новых лидерах

Время показало несправедливость этих утверждений, и, наоборот, подтвердило доверие широких масс России к нынешнему правительству.

Оно построит новый социальный порядок, к которому постепенно придут другие народы мира. Я твердо верю, что Россия станет страной, где трудящиеся классы будут полностью получать все, что они зарабатывают, и не будут отдавать основную часть заработков высшим классам, как это было ранее.

Я знаю Россию и русский народ. Я открыто заявляю, что Россия никогда не будет иметь никакого другого правительства, кроме того, которое будет полностью опираться на основную массу населения, то есть на крестьян и рабочих. Даже если любая другая группа временно захватит власть в России, она будет мгновенно свергнута с большими жертвами со стороны высшего класса.

В настоящее время высший класс России либо пассивен, либо оскорблен нынешним правительством, тогда как они должны считать своим святым долгом помочь восстановлению России в соответствии с самыми демократическими планами, принося в жертву даже все свое благосостояние на благо общественности. Богатые русские люди считают себя несчастными, потому что их земли у них забирают. Многие американские рабовладельцы были также недовольны, когда были освобождены их рабы. Теперь идея рабовладения совершенно непонятна народу Соединенных Штатов.

(Right of people to rule Russia // The Evening Star (Washington, D.C.). 1918. 05.02. P. 3.)

Документ 2

Статья И.И. Чубакова «Предлагает план США для управления Россией»⁷

Предлагает план США для управления Россией

Полковник Чубаков превозносит идеалы, свободу и патриотизм американцев.

Просит моральной поддержки

Полковник И. Чубаков из российского Генерального штаба во втором заявлении в связи с современными условиями в России предлагает устройство России по той же схеме, что и Соединенных Штатов под наименованием Евразийские Соединенные Штаты.

Полковник Чубаков был прикомандирован к специальной дипломатической миссии Соединенных Штатов Америки в России, которую возглавил Элиу Рут, а теперь он прикомандирован к российскому посольству в Вашингтоне. Его первое заявление появилось в “The [Evening] Star” вчера. Он говорит:

В дополнение к моему вчерашнему заявлению. Я хотел бы сказать, какие отношения должны существовать в настоящее время между Россией и Соединенными Штатами и в какой форме они должны быть выражены.

Я буду очень охотно говорить по этому вопросу, потому что я знаю, что Соединенные Штаты понимают и будут понимать Россию.

Говоря по этому вопросу, я должен буду сослаться на некоторых людей, не называя их имен, я должен буду просить их поверить, что я абсолютно не хочу огорчать или обвинить их в чем-либо, как все мы пламенно и непоколебимо любим нашу страну и не хочу ей каким-либо образом преднамеренно причинить вред.

В зависимости от понимания

Все зависит от понимания вещей. Прежде всего, для наших отношений с Соединенными Штатами необходимо знать, что они, к большому сожалению, были заведе-

ны не туда некоторыми нашими представителями в Америке, наблюдающими за ходом событий в России. Я абсолютно убежден, что все, что до сих пор официально утверждалось в газетах, нужно твердо забыть, поскольку эти заявления исходили не от тех, чьи сердца бьются с большей частью России (85 процентов крестьян), но от той части населения, которую в своем предыдущем заявлении я назвал либо пассивной, либо оскорбленной нынешним правительством. Я думаю, что американцы будут действовать иначе в этих обстоятельствах, но, возможно, я ошибаюсь, так как мне нравятся Соединенные Штаты: мне нравится американская история, основанная на рождении свободы.

Любит американский флаг

Мне нравится вдохновляющий американский флаг, полный исторического значения, американская настойчивость, энергичность и, главным образом, их свобода.

Иностранцы скептики дадут десяток примеров того, что Америка далека от реальной свободы. Это не соответствует действительности. Естественно, что в Америке есть и вещи, которые можно исправить, но все это может быть изменено одним росчерком пера, не нарушая систему государственной жизни, в то время как, наоборот, у вас есть много, много преимуществ. Я твердо верю, что каким бы ни был либеральный курс на нашей планете, Америка никогда не повернет назад.

Любя свою страну всем сердцем, в любом случае я не желал бы ничего другого, как то, что государственное устройство России должно было бы стать копией устройства Соединенных Штатов и чтобы оно получило название Евразийских Соединенных Штатов. Я хотел бы видеть Россию такой же, как Соединенные Штаты, разделившей себя на множество самоуправляющихся регионов, как Малороссия, Кавказ, Крым, Сибирь, Туркестан и т. д., и чтобы на новом флаге моей страны было место для каждой звезды нового штата, который захочет стать членом пользующихся широ-

⁷ Перевод наш.
Translation is our.

кой свободой Соединенных Штатов Европы и Азии.

Россия старше Соединенных Штатов Америки, и американский народ знает, что русские не менее талантливы, чем они, но какая же несоизмеримая разница во всей организации жизни! Одна является результатом свободы, а другая – продукт давления неприглядного самодержавия. Откуда у американцев их высокий моральный дух, широта земли, богатство, откуда и такая гордая и горячая любовь американского народа к их «звездно-полосатому знамени», которое вы всегда можете увидеть у них на лацканах пальто по всему миру?

И все это происходит от «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!» Почему же тогда у нас этого не было? Только из-за самодержавного режима, который остановил нашу историю на столь длительное время.

Превозносит Соединенные Штаты

Возможно, я несколько увлекся моей темой, но мне кажется, в каких бы страшных и анархических условиях ни оказались Соединенные Штаты и кто бы их ни возглавлял, ни один представитель или гражданин Соединенных Штатов не только не утратит связи со своей страной и ее правительством, но и не остановится ни перед чем, чтобы добиться необходимой моральной и материальной помощи. До сих пор очень немногие просили помощи Соединенных Штатов для России в ее нынешнем бедственном положении. Я думаю, что сами американцы начнут помогать, даже если это повлияет на какие-то личные отношения между прежними знакомыми.

Исторические шаги бесконечно важнее частных отношений. Мы никогда не забудем, с какой теплотой американцы говорят о тех народах, которые когда-то помогли им во времена их нелегкого государственного строительства. Россия будет столь же благодарна и признательна.

Просит моральной поддержки

Впишите несколько красивых строк в историю отношений России и Соединенных Штатов, и время покроет их золотом навсегда! Вы не можете дать нам большую

материальную помощь – вы сами воюете, но поддержите нас тем, чем вы можете и особенно морально.

У нас есть правительство, которое опирается на основную часть нашего населения.

Отнеситесь доброжелательно к российским трудящимся массам, которые пожертвовали 8.000.000 из их количества на алтарь войны. Россия имеет 2.500.000 могил своих лучших граждан и 5.500.000 инвалидов из самых молодых и талантливых сил страны.

Поддержите, по крайней мере, их в тяжелые времена перестройки России. Начните с самого начала. И помните, что каждое правительство в России, которое не будет полностью поддерживать основная масса населения, то есть трудящийся класс, будет немедленно свергнуто теми, кто мог дать 8.000.000 храбрых жизней и которые пострадали от последствий войны.

Самая сильная помощь – скорая!
(Suggests U.S. plan for Russian rule // The Evening Star. 1918. 06.02. P. 4.)

Документ 3

Показания Н. Спешнева о деятельности И.И. Чубакова при белых. 1 марта 1920 г.⁸

Показание

Представителя при Сов[ете] нар[одного] хоз[яйства] от производственного отдела Чусоснабарма⁹ 5 Николая Спешнева, относительно т[оварищ]а И.И. Чубакова

Впервые я встретился с т[оварищ]ем И.И. Чубаковым в Петрограде, в начале июня 1917 года, когда, будучи командиро-

⁸ Показания направлены из разведывательного отдела штаба 5-й армии начальнику оперативного управления штаба.

Received information had sent from intelligence department of Staff of the 5th Army to the chief of operative management of the staff.

⁹ Чрезвычайный уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной армии.

Extraordinary Commissioner of the Soviet of Workers and Peasants Defense to supply the Red Army.

ван Приамурским штабом для сопровождения американской миссии сенатора Рута с Д[альнего] Востока в Петроград, я (по независящим от меня обстоятельствам) опоздал застичь миссию в Иркутске и, следуя экспрессом, прибыл в Петроград двумя днями позже миссии. Явившись в миссию, помещавшуюся в Зимнем дворце, я был принят полковником (в то время) Чубаковым, который мне разъяснил, что в дальнейшем моя миссия сопровождения уже не имеет места, так как для состояния в распоряжении миссии Рута в дальнейшем назначается он, полковник Чубаков и барон Рамзай. Вследствие подобного оборота дела мне пришлось вернуться на Д[альний] Восток.

Спустя год, находясь в Пекине (Китай) и состоя в то время сотрудником главного корреспондента Соединенной Прессы Чикаго В.Р. Джайльса, которому я помогал в русском отделе его корреспонденций, я узнал из газетной заметки, помещенной во владивостокской газете [«Далекая Окрина»], что «во Владивосток прибыл из Америки Ген[ерального] штаба полковник И.И. Чубаков, намеревающийся следовать далее в Москву...»

В августе 1918 года я получил приглашение (переданное мне в Пекине ч[е]рез морского атташе С.Ш.С.А.¹⁰ Гиллиса) в американский штаб во Владивостоке, куда я и прибыл в конце августа, а с 1 сентября был принят на службу в качестве секретаря. Тогда же в начале сентября я встретил т. Чубакова на главной улице и имел с ним короткую беседу – условились еще встречаться. Эти встречи произошли в ноябре и октябре, по возвращении моем из командировки в Харбин.

Из ряда встреч с товарищем Чубаковым я вынес впечатление, что он крайне не сочувствует интервенции союзников, которая к этому времени уже успела выявить рельефно свои шипы; Чубаков открыто возмущался беззастенчивым хозяйничанием со-

юзников¹¹ на русской территории (особенно японцы и англичане) и крайне сожалел, что преждевременное выступление чехов помешало его планам проникнуть в Москву.

В январе 1919 года во Владивосток прибыл генерал Иванов-Ринов и два дня спустя последовал неожиданный арест тов. Чубакова, о чем немедленно был осведомлен американский штаб. Надо заметить, что хотя Чубаков и был известен среди буржуазных слоев владивостокского общества и так называемых «государственно мыслящих» как человек крайне радикальных взглядов (совсем большевик), но никому не приходило в голову, что он будет так внезапно арестован по ордеру из Омска. С арестом Чубакова по городу распространились слухи, что это лишь первая ласточка, что последует целая серия политических арестов. Согласно ордера Чубаков был арестован по приказанию Колчака за антигосударственную деятельность и приверженность к Советской власти.

Будучи командирован генералом Гревсом (начальник экспедиционных сил С.Ш.С.А. в Сибири) к коменданту владивостокской крепости полковнику Бутенко за разъяснениями по поводу ареста Чубакова, я узнал, что действительно ордер был передан Бутенко для производства ареста Ивановым-Риновым, который привез из Омска еще целую серию арестов по преимуществу членов владивостокской городской управы, а также и некоторых других лиц (напр., генерала Потапова Алексея Степановича, слывшего среди «государственно мыслящих кругов» также за отъявленного большевика).

От того же Бутенко я узнал, что среди союзников нет достаточного единодушия в отношении Чубакова, что кроме американцев на союзном совещании, едва ли кто будет отстаивать идею постановления о невыпуске его из Владивостока (идея ген. Гревса, к которому за помощью против на-

¹⁰ Соединенных Штатов Северной Америки. United States of Northern America.

¹¹ В документе несогласованно – союзникам. Inconsistency in the document – to allies.

силы над мужем обратилась жена Чубакова). Действительно, хотя ген. Гревс и возбудил вопрос об аресте Чубакова на союзном совещании, но вопросу был придан другими союзниками общий характер, рассматривался вопрос о предстоящих арестах принципиально, некоторые же (англичане) – определенно были против каких-либо поблажек в пользу Чубакова.

Тогда ген. Гревс взял на себя лично по крайней мере обеспечить тов. Чубакову безопасный проезд ч[е]рез территорию Семенова, разведка которого тоже зорко стерегла Чубакова, как и многих других с ним одинаково-мыслящих. Это было достигнуто при содействии полковника Бутенко: в вагон с Чубаковым кроме двух сопровождающих офицеров был помещен американский патруль при офицере, которому были даны Гревсом соответствующие инструкции. По пути, в местах стоянки американских войск, американские представители (офицеры) посещали поезд, справляясь о том, благополучно ли следует Чубаков. Таким образом, Чубаков избег возможных насилий со стороны Семенова.

За Чубакова также усиленно хлопотал п[е]ред Гревсом генерал А.С. Потапов, который между прочим находил, что Гревс мог бы сделать для Чубакова больше и во всяком случае отстоять его от отправки в Омск. Но надо иметь в виду, что Гревсу хорошо была известна статья Чубакова в американской газете Ивнинг Пост о Советской власти в России, где Чубаков выражает мнение, что американцы напрасно нападают на советских деятелей в России, видя в них лишь агентов Германии; что для России самая подходящая форма государственного строя есть именно демократическая Советская форма власти, опирающаяся и возникающая из самой среды рабочих и крестьян и т. д. Подобная точка зрения далеко не соответствовала той, которой были инспирированы официальные представители Америки и, конечно, Гревс не мог слишком сильно настаивать п[е]ред другими союзниками о защите от русских властей заведомого большевика.

Генералу Потапову пришлось вскоре покинуть пределы России и выехать в Японию: полковник Бутенко (комендант) ч[е]рез меня, бывшего в дружеских отношениях с Потаповым, дружески посоветовал ему уехать до ареста, который был бы неизбежен. Вскоре вслед за ним должна была выехать в Японию и жена Чубакова, которой Иванов-Ринов грозил также арестом за ее «жалобы» в американский штаб. Туда же, после предварительного ареста целого ряда управцев, был выслан и член управы Сквирский.

Впоследствии от Бутенко я узнал, что Чубаков после суда был сослан в Тобольск и Нарым.

С тех пор я не встречал т[овари]ща Чубакова до Красноярска, куда я прибыл на днях в составе Чусоснабарма 5-й [армии].

Н. Спешнев

29 февраля 1920 г.

Красноярск

(РГВА. Ф. 185. Оп. 8. Д. 940. Л. 42–44. Подлинник. Машинопись)

Документ 4

Автобиография И.И. Чубакова

от 17 апреля 1935 г.

Автобиография

Я родился в бедной семье. Отец мог отдать меня учиться только в трехклассное Пензенское уездное училище, которое я окончил в 1893 г. Он в молодости был на военной службе, а затем служил в конторе на железной дороге. Мать была малограмотная и едва умела расписываться. По окончании уездного училища мать устроила меня на работу в контору пароходного общества в Костроме. В 1895 году меня определили на военную службу в резервный батальон в г. Костроме. Через два года я поступил в Тифлисское училище, которое окончил в 1899 г. и был выпущен подпорщиком в Рязанский армейский пехотный полк. В 1904 г. я выдержал экзамен в Военную академию, которую окончил в 1907 г., а затем служил на штабных должностях. С 1915 г. был на войне, откуда в ноябре 1916 г. был отправлен по болезни в

тыл. С марта 1917 г. служил в военном министерстве, а в мае как знающий английский язык был прикомандирован к приехавшей американской миссии сенатора Рута, с которой затем был командирован в посольство в Вашингтон для урегулирования вопросов снабжения армии в связи с заказами в Америке.

Когда я был уже в посольстве в Вашингтоне, то бывший тогда министр иностранных дел [М.И.] Терещенко сообщил послу [Б.А.] Бахметьеву, что я очень радикальных взглядов и что есть основание предполагать, что я являюсь представителем Совета рабочих и солдатских депутатов. Такое сообщение объясняется тем, что на вопросы членов миссии сенатора Рута о Петроградском Совете раб. и солд. депутатов я открыто говорил, что он является настоящим правительством, так как в России ок. 90 % населения рабочие, крестьяне и солдаты.

После Октябрьской революции посол в Вашингтоне Бахметьев опубликовал в декабре 1917 г. заявление о непризнании посольством Советской власти. Тогда я от посольства отмежевался и заявил о своем подчинении Советской власти, опубликовав 7 января¹² 1918 года в американской газете «Evening Post»¹³ статью «Право народа править Россией» (прилож. № 1–3)¹⁴, в котором призывал американцев оказать рабоче-крестьянскому правительству поддержку. Моя статья была перепечатана в нью-йоркских газетах. Члены миссии сенатора Рута – майор Уошборн (корреспондент нескольких америк[анских] газет) и генерал Скотт рассказывали мне, что статья очень заинтересовала Вильсона, и что он намеревался высказать свое благожелательное отношение к республике Советов. Как известно, Вудро Вильсон вскоре обратился к происходившему тогда III съезду

Советов¹⁵ с посланием, в котором заверял русский народ в дружеских чувствах американской нации и обещал помощь, которую он фактически еще не в состоянии оказать по объективным причинам.

После опубликования статьи я послал две телеграммы в Народный комиссариат по военным делам с просьбой дать мне соответствующие инструкции. Не получая ответа, я решил ехать во Владивосток с тем, чтобы следовать далее в Москву.

Я приехал во Владивосток в мае 1918 г. при Советской власти и жил на квартире у своего знакомого т. Фортунатова Е.А., который был там председателем В.Ч.К. Вскоре произошло восстание чехов и белогвардейцев, не позволившее ехать в Москву. Живя во Владивостоке, я открыто высказывал свое отрицательное отношение к интервенции и белогвардейскому правительству.

После захвата власти Колчаком я был арестован и заключен под стражу согласно личного телеграфного распоряжения Колчака от 14-го января 1919 г. «за антигосударственную деятельность» как [«]ярого сторонника Советской власти» (прилож[ения] № 4, 5, 8 и 9)¹⁶.

19 февраля мне было вручено ночью в камере предписание коменданта Владивостокской крепости о доставлении меня под конвоем в Омск, куда я и был отправлен (приложение № 6 и 10)¹⁷. По поводу моего ареста В.Г. Болдырев в своей книге пишет: «Токио. 21 февраля. Высоцкий получил телеграмму Чубаковой – мужа ее отправили уже судить в Омск. При существующих порядках отправить нежелательного человека не только в Омск, но и на тот свет ровно

¹⁵ Автор неточен. III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов проходил в Петрограде 10–18 (23–31) января 1918 г., т. е. до публикации статей Чубакова.

Author is uncorrect. IIIrd All-Russian Congress of Soviets of the Workers, Soldiers and Peasants Deputies held in Petrograd in January, 10–18 (23–31), 1918.

¹⁶ В деле отсутствуют.

Are absent in file.

¹⁷ В деле отсутствуют.

Are absent in file.

¹² Правильно – 5 февраля.

Correct – February, 5.

¹³ Правильно – The Evening Star.

Correct – The Evening Star.

¹⁴ В деле отсутствуют.

Are absent in file.

ничего не стоит. По части ареста, главным образом, орудует по прежней своей специальности помощник Хорвата генерал Иванов-Ринов, исполнитель Бутенко». «Был Потапов с очень резкой телеграммой Колчаку. Его взвинтило насилие (арест) над его большим приятелем Чубаковым, и он неистово обрушивается за это на Колчака. Я советовал не посылать такой телеграммы, но он уперся и отправил» (В.Г. Болдырев. «Директория. Колчак. Интервенция». Сибкрайиздат, 1925 г. стр. 195 и 200).

По приезде в Омск конвойные меня доставили, согласно данной им комендантом Владивостокской крепости инструкции, в Главный штаб. Начальник Главного штаба Марковский сказал, что распоряжение об аресте исходило не от них, а по линии личной канцелярии Колчака, а что теперь я, как военный, передан в распоряжение Военного министерства по Главному штабу. Затем он сказал, что дело обо мне будет передано на рассмотрение имеющейся «комиссии по борьбе с большевизмом», а пока с меня будет взята подписка о невыезде, и я буду находиться под надзором. Когда я был вызван на разбор дела в вышеупомянутую комиссию, то председатель Хорошкин¹⁸ спросил, почему я написал статью в американской газете. Я стал приводить мотивы, но он скоро прервал меня, сказав, что «это все мы знаем, и нас пропагандировать нечего». Тогда я резко заявил, что, поскольку мне не дают свободно высказаться, то я категорически отказываюсь отвечать на какие-либо вопросы. На следующий день мне было вручено предписание, в котором было сказано, что я должен немедленно отправиться на пароходе в Тобольск, я ехать отказался. На следующее утро помощник коменданта г. Омска, придя ко мне, вручил предписание, в котором было сказано, что мне «вторично», согласно распоряжения военного министра, предписывается отправиться в Тобольск (прилож. № 7 и 11)¹⁹, и я тут же был отправлен на

пароход. В Тобольске губернатор Пигнатти²⁰ (соц[иалист]-революционер) прочел наставление, как следует вести себя и предложил дать подписку о невыезде.

В августе, ввиду приближения Красной армии, началась эвакуация из Тобольска в Нарым, где пробыл недолго, а затем эвакуирован в Томск. По приезде в Томск меня повели в Комендантское управление, где взяли подписку о невыезде. Вскоре мне удалось устроиться на работу в Коммерческом банке. В конце декабря Томск был занят Красной армией. Я явился в штаб 5 Красной армии, представил документы и был зачислен приказом войскам 5 Красной армии от 8-го февраля 1920 г. за № 75 на должность для особых поручений при командарме 5 с 14 января (приказ – прилож. № 12)²¹. Согласно телеграммы главкома я был командирован на службу в Полевой штаб Р.В.С.Р., куда прибыл 20 мая 1920 г. и где работал до 1 мая 1922 г., когда был назначен преподавателем Военной академии. С 1 апреля 1923 г., согласно свидетельства о болезни Моск. гарнизонной комиссии, уволен вовсе из Красной армии со снятием с учета, как к ней по болезни неспособный (учетно-воинский билет РККА от 28 апреля 1923 г. за № 18/349241).

Осенью 1922 г. поступил в 1-й Моск. государственный университет на правовое и экономическое отделение. Окончил университет в 1925 г. (удостоверение об окончании 1 МГУ от 3 апреля 1925 г. за № 251).

С сентября 1923 г. работал в институте К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК по переводу с английского и научной обработке некоторых брошюр и военных статей Энгельса, напечатанных в «Volunteer²² Journal» в 1860 и 1861 гг. и Британской энциклопедии. Переведенные статьи напеча-

Are absent in file.

²⁰ Речь идет о В.Н. Пигнатти (1862–1920) – управляющем Тобольской губернией (1918–1919).

This is a V.N. Pignatti (1862–1920) – the Manager of Tobol'sk Province (1918–1919).

²¹ В деле отсутствует.

Are absent in file.

²² У Чубакова ошибочно – Volunteer.

Mistake by Chubakov – Volunteer.

¹⁸ Вероятно, Хорошкин.

Probably, Khoroshkhin.

¹⁹ В деле отсутствуют.

таны в XII томе соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 403–491.

В июле 1923 г. поступил на работу в валютное управление НКФ СССР, где состоял на должностях зав. п/отделом, помощн. завед. отд. межд. расчетов и и/о завед. ОМР²³.

В марте 1927 г. командирован на работу за границу на должность члена правления А/О Русплатина в Берлине. Там я кроме других работ в течение 3 1/2 лет заведывал огромным и весьма ценным запасом платины и ее спутников.

В сентябре 1930 г. вернулся на работу в Москву в НКФ СССР, где до настоящего

²³ Отдел международных расчетов.
Department of International Funding Transmission.

Статья поступила 28.11.2016 г.

Библиографический список

Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3. Ч. 1. 512 с.

Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. 566 с.

Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. : Справочные материалы. М., 2009. 896 с.

Иванов М.М. Воспоминания генерала российской армии: 1861–1919. М., 2016. 480 с.

Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск, 2012. 544 с.

Россия и США: Экономические отношения. 1917–1933 : сб. док. М. : Наука, 1997. 440 с.

времени состою ст. консультантом сектора валюты и внешней торговли. Начиная с 1923 г., вел научно-исследовательскую работу и написал ряд статей, помещенных в журналах и газетах. С 1924 года зарегистрирован как научный работник (билет секции научных работников г. Москвы за № 6358).

17 апреля 1935 г. Чубаков
(ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 7. Д. 4649. Л. 27–29 об. Машинопись)

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917-1922 гг. в документах офицеров русской армии».

Article was received in November, 28, 2016

References

Alekseev M. *Voennaya razvedka Rossii. Pervaya mirovaya voina* [Russian Military Intelligence. World War I]. Moscow, 2001. Book. 3. Part. 1. 512 p.

Boldyrev V.G. *Direktoriya. Kolchak. Interventy. Vospominaniya* [Directoria. Kolchak. Interventionists. Memories]. Novonikolaevsk, 1925. 566 p.

Ganin A.V. *Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii 1917–1922 gg. Spravochnye materialy* [Corps of the officers of General Staff in Russia in 1917–1922. The reference materials]. Moscow, 2009. 896 p.

Ivanov M.M. *Vospominaniya generala rossiiskoi armii: 1861–1919* [Memories of the General of Russian Army: 1861–1919]. Moscow, 2016. 480 p.

Klerzhe G.I. *Revolyutsiya i Grazhdanskaya voina: lichnye vospominaniya* [Revolution and Civil War: Personal memories]. Novosibirsk, 2012. 544 p.

Rossiya i SShA: *Ekonomicheskie otnosheniya. 1917–1933. Sbornik dokumentov* [Economic relations. 1917–1933. Collection of documents]. Moscow, Nauka Publ., 1997.

Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. 326 с.

Root E. The United States and the war. The mission to Russia. Political addresses. L., 1918. 364 p.

Список сокращений

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный военный архив (РГВА).

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Критерии авторства

А.В. Ганин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

440 p. (In Russian)

Sakharov K.V. *Belaya Sibir'* [White Siberia]. Myunkhen, 1923. 326 p.

Root E. The United States and the war. The mission to Russia. Political addresses. L., 1918. 364 p.

List of abbreviations

State Archive of the Russian Federation (SARF).

Russian State Military-Historical Archive (RSMHA).

Russian State Military Archive (RSMA).

Information about the author

Andrei V. Ganin, Doctor Hab., Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 32-A, Leninskii prospect, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Attribution criteria

Ganin A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.3

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-118-131

ВОЖАКИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСТАНЧЕСТВА НА ЕНИСЕЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

© **А.П. Шекшеев**

Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал»,
Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому
наследию,
Российская Федерация, 655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49.

Данная публикация содержит перечень и биографические данные выявленных руководителей крестьянского повстанчества на территории Енисейской губернии, имевшего место в начале 1920-х годов. Они свидетельствуют о том, что это явление охватывало все слои деревенского населения, а его вожаками становились лица разной социальной и национальной принадлежности, уровня образованности и даже опыта боевых действий. Возникнув на исторической арене в силу общих и неординарных ситуаций, они обреченно становились героями на час, после чего традиционно исчезали в небытие.

Ключевые слова: бандиты, восстание, инородцы, коммунисты, крестьяне, милиционеры, офицеры, повстанцы, Советская власть, хакасы, чоновцы.

Формат цитирования: Шекшеев А.П. Вожаки крестьянского повстанчества на Енисее в начале 1920-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 118–131. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-118-131

LEADERS OF PEASANT REBELLION ON THE YENISEI RIVER IN THE EARLY 1920s

© **A.P. Sheksheev**

Khakass Republic Organization “Society Memorial”,
Krasnoyarsk Diocesan Commission for the Canonization of Saints and the Church-Historical
Heritage,
49, 59, Schetinkin Str., Abakan, Republic Khakassia, 655017, Russian Federation.

This publication contains a list and biographical information of the identified leaders of the peasant rebellion in the territory of the Yenisei province, which took place in the early 1920-ies. They indicate that this phenomenon permeated all layers of the rural population, and its leaders became persons of different social and ethnic origin, level of education and even combat experience. Having emerged on the historical arena of the general and extraordinary situations, they fatefully became heroes for an hour, after which traditionally disappeared into oblivion.

Keywords: bandits, rebellion, aliens, Communists, peasants, policemen, officers, rebels, the Soviet government, Khakassians, ‘chon’-combatants

Citation format: Sheksheev A.P. Leaders of Peasant Rebellion on the Yenisei River in the Early 1920s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 118–131. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-118-131

С воцарением Советской власти на территории Енисейской губернии сначала появились так называемые «банды» инородцев, недовольных сохранением издержек русской колонизации и появлением грабивших улусы партизанских отрядов, а осенью 1920 г. вспыхнули Зелеевское, Голопуповское и Сereжское восстания крестьян, обусловленные большевистской политикой военного коммунизма. Охватывая все слои деревенского населения и совмещая борьбу за его интересы с уголовными деяниями, повстанчество на Енисее выдвигало множественные и разные политические лозунги. Некоторые из них являлись декларативными, другие способствовали развитию этого явления, а третьи – выражали его антикоммунистическую и в какой-то степени национальную сущность. Но чаще всего поведение повстанцев не укладывалось в рамки объявленной ими ориентации. Так, вырезая местных коммунистов, они не останавливались перед погромами советских учреждений. К весне 1921 г. Советская власть в основном ликвидировала крестьянское повстанчество, но справиться с «бандами» в инородческом районе, где их поддерживало местное население, она сразу не смогла. Лишь с введением НЭПа и некоторой суверенизацией инородческого общества в форме Хакасского уезда повстанчество утратило его поддержку и потерпело поражение.

Данное явление выдвинуло из своей среды целый ряд вожаков. К сожалению, об этих лицах сохранилась крайне скудная информация. Документы рассказывают, что осенью 1920 г., например, на с. Бирилюсы наступали повстанцы под командой некоего полковника «Ивана Михайловича», а в Канском уезде действовала «банда Ивана Тимофеевича», именовавшего себя «полковником» или «князем Голицыным» (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 333. Л. 40, 75, 79, 81, 89).

В Ачинско-Минусинском районе чиновцы в лучшем случае лишь упоминали фамилии повстанческих вожаков или пре-

небрежительно называли их «Мотыгой» и «Манцыркой».

Тем ценнее являются собранные нами сведения, которые при обобщении позволяют сказать, что только часть повстанческих вожаков этого времени была людьми образованными или грамотными. В то же время данная категория включала в себя лиц, служивших до повстанчества в советских учреждениях (Атавин, Баранов, Гусев, Зиновьев, Королев и др.). Из 27 человек шестеро являлись крестьянами, русскими по национальности, трое – казаками, четверо – представителями интеллигенции (агроном Зиновьев, учитель Зуйко и др.) и восемь – выходцами из инородческого населения (Аргудаев, Астанаев, Карачаков, Кулаков и др.). Среди этих лиц стало возможным присутствие не только эсера Милицына, но и большевика-партизана Дубского. Распад и уничтожение Белой армии способствовали привлечению в повстанческую среду бывшего офицерства. На роль военных специалистов или военных руководителей восставшими крестьянами были приглашены и нами выявлены девять в прошлом офицеров (Атавин, Базаркин, Баранов, Гусев, Друголь, Зеленцов, Зуйко, Олиферов и Самков) и трое унтер-офицеров. Судьба повстанческих вожаков была трагичной: десять человек, в частности подполковник Олиферов, погибли в боях с советскими войсками, двое, в т. ч. И.Н. Соловьев, были убиты при задержании, а 13 – расстреляны по приговору ревтрибуналов и судов.

АРГУДАЕВ Аверьян (Аверко) – по национальности хакас, возглавлял «банду», действовавшую на территории Ачинского уезда Енисейской губернии и Кузнецкого уезда Томской губернии. В январе 1921 г. добровольно сдался, но затем бежал в «банду» Соловьёва. 10 апреля того же года был ранен, а через год в бою у д. Солдатка Мариинского уезда получил смертельное ранение (ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 396. Л. 5; Д. 411. Л. 18; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1. Оп. 1.

Д. 141. Л. 195; Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю (АУФСБ). Д. 021837. Т. 1. Л. 82).

АСТАНАЕВ Селиверст Захарович – 1899 года рождения, уроженец улуса Тибик Синявинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, по национальности хакас. Окончил сельскую школу и Аскизское двухклассное училище. По воспоминаниям родственников, Силька, как его звали близкие, был общительным, ловким и быстрым в движениях, хорошо учился, играл на гармошке и пел в церковном хоре. Женат, имел сына, трудился в собственном хозяйстве и служил конторщиком. Беспартийный. Из-за преследования милицией в апреле 1921 г. ушёл в «банду». С июля того же года, сдавшись, служил писарем в Чарковском волисполкоме. В январе 1922 г. по

Рис. 1. С.З. Астанаев (в центре) с товарищами. Из книги: Анненко А.Н. Триумф и трагедия императора тайги. Абакан, 2012

Fig. 1. S.Z. Astanayev (in the center) with friends. From the book: Annenko A.N. Triumph and the tragedy of the emperor of the taiga. Abakan, 2012

доносу был арестован красными, но бежал и скрывался у населения. Вновь сдавшись, с марта был избачем. Однако посланный в Ужур и Ачинск за документами подвергся избиению и аресту. Совершив побег в очередной раз, в июле 1922 г. создал «банду Селиверстки», состоявшую из 15 мужчин и 5 женщин – жителей улусов Тибик и Ах-Хол. Они неоднократно участвовали в боях и грабежах. С августа того же года находился в отряде Соловьева: старший урядник, командовал разведкой. Согласно отзывам арестованных повстанцев был человеком развитым, отличался бесшабашной удалью, пристрастием к картам, выпивке и щегольству в одежде, из-за вспыльчивости мог с шашкой кинуться на любого человека. С ликвидацией повстанческого зимовья в ноябре 1922 г. был вынужден сдаться. Расстрелян по приговору Енисейского губернского суда от 23 ноября 1923 г. В народной памяти сохранился как человек добрый и отчаянной храбрости (Шекшеев А.П. Хасхы Селиверст Астанаев..., 2013; Шекшеев А.П. Инородческие банды..., 2013).

АТАВИН С. – бывший офицер и агент Енисейского губернского продовольственного комитета. В 1920 г. – один из инициаторов восстания крестьян д. Ульянова Канского уезда Енисейской губернии, выступивших против продразверстки. Затем командовал отрядом из 100 жителей с. Верхнее Амонашево, недовольных чрезвычайными хлебозаготовками и выступавших за власть Учредительного собрания. Один из вождей Голопуповского крестьянского восстания: соединившись с отрядом Зеленцова и доведя путём мобилизации численность повстанцев до 800 человек, повел наступление на г. Канск. После перестрелок был вынужден отступить, но в бою под с. Ключи 14 ноября 1920 г. погиб (Шишкин В.И. 1997; ГАКК. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 158. Л. 81; АУФСБ. Д. 019873. Т. IV. Л. 31, 404).

БАЗАРКИН-ТИШИН М.А. – 1882 года рождения, из крестьян, беспартийный, образование начальное. Поручик колчаковской армии. Будучи арестованным за со-

крытие офицерского звания, бежал из заключения. В январе – феврале 1921 г. командовал повстанческим отрядом в боях с правительственными войсками на территории Енисейской губернии, расстреливал коммунистов и совработников. Казнен по приговору Ревтрибунала 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа от 17 марта 1921 г. (ГАНО. Ф. Р.-1146. Оп. 1. Д. 25. Л. 55).

БАРАНОВ П.Е. – 1891 года рождения, из крестьян Вологодской губернии, беспартийный, видимо, в прошлом поручик, довольственный работник. Начальник повстанческого отряда, принимал активное участие в Сerezском восстании (Ачинский уезд Енисейской губернии). Расстрелян по приговору Ревтрибунала 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа от 15 апреля 1921 г. (ГАНО. Ф. Р.-1146. Оп. 1. Д. 25. Л. 65).

БАСКАУЛОВ (Костя Хромой) – уроженец и житель улуса Сарала Чебаковского района Хакасского уезда Енисейской губернии, по национальности хакас, бывший соловьевец. Возглавлял «банду» из 4–5 членов, действовавшую в Ачинском округе. 2 января 1926 г. в улусе Сарала убит милицией (Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф. 369. Оп. 1. Д. 55. Л. 19; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2. Д. 130. Л. 552).

ГУСЕВ И.Г. – 1895 года рождения, уроженец Уфимской губернии, из крестьян. Проживал в с. Большой Улуй Ачинского уезда Енисейской губернии. К марту 1917 г. окончил три курса Красноярского землемерного училища. До февраля 1920 г. находился в колчаковской армии. Прапорщик. С 22 февраля 1920 г. служил делопроизводителем земельного отдела Больше-Улуйского волисполкома. 7 октября был командирован ВИКом на съезд в г. Ачинск. Вернувшись в Большой Улуй, создал отряд из 29–30 повстанцев, с которыми в тайге присоединился к казачьему отряду атамана Салмакова (Самкова – ?). В середине декабря в д. Кумыр был арестован бывшими

партизанами. 17 апреля, по другим данным, 15 июня 1921 г., приговорён Енисейской губернской чека к расстрелу (АУФСБ. Д. 021056. Л. 8, 26, 83, 98, 100, 190).

ДРУГОЛЬ (Дреголь – ?) С. или **П.И.** (?) – 1889 или 1890 года рождения, уроженец д. Арефьево Бирилюсской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, из крестьян-середняков. Имел среднее образование, служил писарем. На военной службе – унтер-офицер. К 1920 г. – прапорщик. Осенью того же года был членом повстанческого отряда И.Г. Гусева. В дальнейшем создал собственную «банду». Являлся выразителем «монархо-анархических» взглядов, сторонником уравнительного подхода в распределении награбленного. Пользовался среди крестьян авторитетом. После ликвидации «банды» осенью 1922 г. был задержан в Ачинске. Расстрелян (АУФСБ. Д. 021056. Л. 83; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 311. Л. 36; Чекисты Красноярья, 1991; Северьянова Г.М., 1995. С. 79).

ДУБСКИЙ Александр О. (Санька) – крестьянин с. Сerez Ачинского уезда Енисейской губернии. В прошлом унтер-офицер царской армии, член партизанского отряда П.Е. Щетинкина, коммунист. 31 октября 1920 г. сходом жителей с. Большой Сerez Ачинского уезда Енисейской губернии был назначен сотником и начальником повстанческой кавалерии. Во время Сerezского восстания лично убил политработника А. Горского. 8 декабря 1920 г. выездной сессией Военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС был заочно приговорён к расстрелу (Шишкин В.И., 1997. С. 524–525, 546, 549).

ЗЕЛЕНЦОВ Николай Александрович – 1894 года рождения, уроженец г. Омска. Окончил электротехническое училище. В Белой армии – хорунжий или поручик. Один из вождей Голопуповского крестьянского восстания. Летом 1920 г. в Агульской тайге Канского уезда Енисейской губернии создал отряд из 50 бывших офицеров, бежавших от преследования партизан и милиционеров. В августе того же года в с. Агул под его руководством были разбиты

партизанский и красноармейский отряды. Требовал от крестьянских повстанцев соблюдения воинской дисциплины. Пополнив отряд бывшими унтер-офицерами, соединился с повстанцами во главе с Атавиным. Организовал мобилизацию крестьян, командовал наступлением повстанцев осенью 1920 г. на г. Канск. После перестрелок у города и в боях у с. Ключи и Верхнее Амонашево потерпел поражение. 6 января 1921 г., находясь в Ирбейской волости Канского уезда, сдался властям. 8 августа того же года заседавшая в г. Канске выездная сессия Енисейского губернского ревтрибунала приговорила его к расстрелу (АУФСБ. Д. 019873. Т. IV. Л. 31, 404).

ЗИНОВЬЕВ Алексей Кузьмич – 1880 года рождения, уроженец Таврической губернии, из крестьян. Окончил Самарское сельскохозяйственное училище. В 1905 г. арестовывался за «политику». Женат, имел сына. В 1919 г. работал агрономом в г. Новониколаевске, затем – заведующим Кочатским агрономическим участком в Кузнецком уезде Томской губернии. Из-за угроз крестьян, обвинявших его в бездеятельности по отношению к свирепствовавшей кобылке, в марте 1921 г. вместе с семьёй ушёл в тайгу, предполагая в дальнейшем эмигрировать в Монголию. В сентябре того же года примкнул к повстанческой группе, которую возглавил, называя себя «полковником Заком». Преследуемый чоновцами, в январе 1922 г. ушел в Белогорье, где присоединился к «банде» Родионова. Произведён в «поручики», являлся заведующим организационным отделом. В июне того же года перешёл в отряд Соловьёва, где был назначен заведующим организационным отделом и под псевдонимом «полковник Макаров» осуществлял агитацию, налаживал отношения с крестьянством и связи с другими «бандами». Один из инициаторов объединения повстанцев в Горно-конный отряд им. Великого князя Михаила Александровича, действовавший под российским монархическим знаменем. С захватом чоновцами повстанческого зимовья в ноябре 1922 г. ушёл со своей группой на Маль-

Рис. 2. А.К. Зиновьев. Снимок в Красноярской тюрьме. Из архива Управления ФСБ по Красноярскому краю
Fig. 2. A.K. Zinoviev. A picture in the Krasnoyarsk prison. From the archive of the FSB Directorate for the Krasnoyarsk Territory

цевские прииски. Под влиянием информации о НЭПе пересмотрел свои политические взгляды, согласился служить Советской власти и написал письмо Соловьёву, в котором советовал следовать его примеру. В дальнейшем был арестован и 4 мая заключён в Красноярский политический изолятор. Написал воспоминания «История и движение бандитизма (Томская и Енисейская губернии)». 28 сентября 1923 г. направил письмо в Сибревком с просьбой об амнистии заключенных повстанцев, которую Полномочное представительство ОГПУ по Сибири отклонило. Обвиняемый в «монархизме», в ноябре того же года был приговорен Енисейским губернским судом к расстрелу. Кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР определением от 5 февраля 1924 г. оставила этот приговор в силе (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 1085 а. Л. 23–24; Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 119; Ф. 302. Оп. 1. Д. 685. Л. 152 об., 156 об., 159; Д. 687. Л. 238–239; АУФСБ. Д. 021837. Т. I. Л. 36, 40, 42–43, 48, 62; Т. II. Л. 314; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 33; Государственно-казенное управление Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУРХ «НА»). Ф. 473. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; Д. 5. Л. 1; Красноярский рабочий. 1923. 17, 18 ноября).

ЗУЙКО Оскар – из ачинских учителей, бывший офицер. В сентябре 1920 г.

возглавил отряд из 150 повстанцев, действовавший в районе д. Ладога Новосёловской волости Ачинского уезда Енисейской губернии. 4 марта 1921 г. в бою с бойцами роты коммунистического батальона Ковригина потерпел поражение и был убит (ГАНУ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 333. Л. 57; Бугаев Д.А., 1993. С. 343).

КАРАЧАКОВ Филипп – уроженец д. Усть-Парная Кызыльской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, по национальности хакас. Один из помощников Соловьёва. Убит в улусе Сыры Минусинского уезда в марте 1922 г. (ГАНУ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 396. Л. 2; Д. 495. Л. 26).

КИЙКОВ Андрей Иванович – 1894 года рождения, уроженец д. Галактионово Шалаболинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, из крестьян. Малограмотный, беспартийный, холост. В 1920 г. находился в заключении в ачинской тюрьме. После освобождения разыскивался Минусинской уголовно-следственной комиссией по обвинению в убийстве милиционеров. Летом 1921 г. ушел в «банду» и в сентябре 1922 г. присоединился к отряду Соловьёва. Произведённый в младшие взводные, командовал отдельной «казачьей бандой», состоявшей из 13 человек. Совершил ряд жестоких убийств мирных жителей и крупных грабежей. 28 января 1923 г. арестован чоновцами на р. Сайгачи. Расстрелян по приговору Енисейского губернского суда от 23 ноября 1923 г. (ГАНУ. Ф. 302. Оп.1. Д. 685. Л.148, 153, 157 об., 159 об., 269; МКУГМ «АГМ». Ф. 680. Оп. 1. Д. 169. Л. 193; ГКУРХ «НА». Ф. 473. Оп. 1. Д. 3. Л. 3).

КОРОЛЁВ Владимир Иванович – 1890 года рождения, уроженец Пермской губернии, из крестьян. Окончил четырехклассное городское и трёхклассное среднее техническое училище. Сочувствовал или был членом ПСР. Вдовец, имел дочь. С 1916 г. работал на ст. Чусовская Пермской железной дороги. 7 июля 1919 г. добровольцем вступил в Белую армию. Отступив с нею до Канска, он 30 декабря того же года сдался в плен красноармейцам. Служил

в Мокрушинском волисполкоме Канского уезда, затем – делопроизводителем губернского лесного комитета. Был мобилизован в Красную армию, а демобилизовавшись, с мая 1921 г. работал на железнодорожной станции Кольчугино. В середине сентября того же года из-за начавшихся арестов «контрреволюционеров» бежал, предполагая уйти в Монголию, и примкнул к повстанческой группе Зиновьева. В феврале 1922 г. перешёл в «банду» Родионова, а в июне – Соловьёва. Был произведён в прапорщики, выполнял административную работу: писал, редактировал приказы, поддерживал дисциплину, устанавливал связь с повстанцами. С разгромом чоновцами их зимовья в группе Зиновьева ушел на Мальцевские прииски. 20 января 1923 г. сдался пограничникам. Затем был арестован ОГПУ и в мае того же года заключён в Красноярский политический изолятор. 23 ноября 1923 г. Енисейский губернский суд приговорил его к расстрелу, а Кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР определением от 5 февраля 1924 г. оставила этот приговор в силе (ГАНУ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 685. Л. 153, 158, 268; АУФСБ. Д. 021837. Т. I. Л. 62; Красноярский рабочий. 1923. 17, 18, 23 ноября).

КУЛАКОВ Никита Васильевич – 1893 года рождения, уроженец с. Покровского (Чебаки) Кызыльской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, по национальности хакас. По-русски читал и подписывался, политических убеждений не имел. Работал на приисках. По сведениям чоновцев, до революции 1917 г. занимался доставкой самогона на прииски, арестовывался и отбывал заключение. При белом режиме скрывался как уголовный элемент, грабил проезжающих. 30 мая 1920 г. осужден по политическим мотивам Ачинской уездной чека к заключению сроком до конца Гражданской войны. Отбывал его в Ачинском концлагере. Оказавшись на свободе, ушел в «банду» и летом 1921 г. считался помощником Соловьёва. 16 ноября 1921 г. в районе д. Когунек возглавляемая им «банда» была разбита частями 26-й Зла-

тоустовской стрелковой дивизии, получил ранение. Объединившись с отрядом Соловьева, с августа 1922 г. в звании сотника командовал эскадронном. После разгрома повстанческого зимовья у горы «Поднебесный Зуб» бежал и преследовался чоновцами-истребителями. 7 или 8 декабря 1922 г. в перестрелке вблизи улуса Спирина убит (Шекшеев А.П. К вопросу о типологической общности..., 2013. С. 65–70; Шекшеев А.П. Иностранческие банды..., 2013. С. 698–715).

КУЛЬБИСТЕЕВ Константин – по национальности хакас, в 1923 г. один из помощников Соловьева. 17 мая 1923 г. вместе с Емандыковыми попал под улусом Агаскыр в засаду и был убит (ГАНУ. Ф. 302. Оп.1. Д. 325. Л. 166).

МАЙНАГАСHEB Василий Дмитриевич (хакасское имя Паисий) – 1887 года рождения, уроженец улуса Иресов Минусинского уезда, по национальности хакас, окончил сельскую школу, служил управляющим Сельхозбанком в Минусинске. Имел дом и проживавшую в родном улусе семью (жена, два сына и две дочери). В но-

Рис. 3. В.Д. Майнагашев Из коллекции И.Л. Новиковой

Fig. 3. V.D. Maynagashev From the collection of I.L. Novikova

ябре – декабре 1919 г. командовал отрядом иресовских инородцев, совершивших налеты на с. Аскиз, Усть-Есь и походы в сторону с. Иудино и Монок. 10 марта 1920 г. был арестован в улусе Иресов и 24 апреля приговорен Минусинской уездной чека к расстрелу (Шекшеев А.П., 2006. С. 170–176).

МИЛИЦЫН Андрей Тимофеевич – в прошлом кооператор, гласный Ачинского земского собрания и член ПСР. Занимался культурно-просветительской работой. Член Серезской комячейки. 31 октября 1920 г. сходом жителей с. Большой Серез Ачинского уезда Енисейской губернии назначен начальником штаба или гарнизона. Один из руководителей Серезского восстания и обороны села. 8 декабря 1920 г. выездной сессией Военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС был заочно приговорён к расстрелу (Шишкин В.И., 1997. С. 524, 546, 549; АУФСБ. Д. 021582. Т. I. Л. 153).

ОЛИФЕРОВ (возможно, **Олифер**) – по одной из версий: **А.Р.**, по другой: **Игнатий Николаевич** – 1894 года (?) рождения, окончил курсы прапорщиков при Александровском военном училище по 1-му разряду (1916). Службу проходил в 268-м пехотном Пошехонском полку 67-й пехотной дивизии. В 1917 г. – поручик. В Сибирской армии состоял в 6-м Мариинском Сибирском стрелковом полку. Приказом от 17 сентября 1918 г. произведен в штабс-капитаны со старшинством с 6 августа 1918 г. С 10 ноября 1918 г. – командир 4-й роты, затем командир батальона, с июля 1919 г. – помощник командира полка, временно командующий тем же полком. Приказом адмирала Колчака от 10 сентября 1919 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Согласно третьей версии: **Александр Доримедонтович** – уроженец Малороссии, из семьи военного – подполковника. В 1909 г. в звании поручика служил в 17-м Новомиргородском полку. В 1916 г. – ротмистр этого же полка. В августе 1918 г. – капитан 6-го Мариинского стрелкового полка 2-й Сибирской стрелковой дивизии 1-го Средне-

Сибирского армейского корпуса Сибирской армии. В апреле 1919 г. в звании подполковника принял на себя командование этим же полком, который прекратил существование в декабре того же года в боях с красными при переходе от Мариинска к Ачинску. В октябре 1920 г. после неудачных действий повстанцев и гибели их руководителя бывшего корнета Жукова возглавил спровоцированное большевистской политикой военного коммунизма Зелеевское крестьянское восстание (Красноярский уезд Енисейской губернии). Создал офицерско-крестьянский отряд им. Великого князя Михаила Александровича. Действуя в составе рот, эскадронов, обоза, санитарной части и штаба (начальник – поручик Кротов) и насчитывая в разное время и по разным данным от 500 до 250 бойцов, воевавших под российским монархическим знаменем, данная воинская часть, отбиваясь от правительственных войск и вырываясь из окружения, под его командованием в ноябре – декабре 1920 г. прошла из-под Красноярска в Ачинский уезд, а оттуда, угрожая прорывом к г. Енисейску или в направлении Канского уезда, – на Обь-Енисейский канал. 16 января 1921 г. отряд перешел Транссибирскую железную дорогу и прорвался в Мариинский и Щегловский уезды Томской губернии, где, опрокинув красных, в ночь на 28 января 1921 г. занял рудник «Центральный». Понеся большие потери во время его штурма и отступления, повстанцы 5 февраля вырвались из окружения и вновь ушли на территорию Ачинского уезда Енисейской губернии. Предполагая пробиваться в Урянхай, отряд Олиферова в ночь на 14 февраля прорвался в сторону Минусинского уезда и 19-го занял курорт «Озеро Шира». Будучи уже дважды раненым, погиб в перестрелке, возникшей 21 февраля 1921 г. с местными коммунистами и милиционерами у д. Сон. Труп его, захороненный повстанцами в церковной ограде, затем для опознания был доставлен красными в с. Абаканское. 28 февраля в бою у д. Уты отряд был разбит, а остатки его ликвидировались на территории Усть-

Есинской волости уже в июле 1921 г. (Симонов Д.Г., 2010. С. 480–481; Елисеенко А., Мармышев А., 2010. С. 147–151; Шекшеев А.П., 2016. С. 160–171).

РОДИОНОВЫ – братья, являлись жителями д. Тёплая Речка и Усть-Парная Кызыльской волости Ачинского уезда Енисейской губернии. До революции 1917 г., по сведениям чоновцев, занимались выгонкой самогона и продажей его приисковым рабочим, женаты, грамотные. Один из них – унтер-офицер царской армии, находился при Советской власти в заключении. В сентябре 1921 г. организовали «банду», поочередно возглавляя её. После ссоры с Соловьёвым действовали от него автономно. Один из них убит в бою у д. Большое Озеро 22 или 29 октября 1922 г., другой – согласно амнистии, сдался 25 октября 1923 г., пытался помочь властям в поимке Соловьёва, затем по подложным документам скрывался в Бодайбо, был осуждён (ГАНУ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 396. Л. 46; Д. 429. Л. 171; Д. 493. Л. 44; Д. 687. Л. 54; Д. 848. Л. 23).

САЛАМАТОВ Иван Архипович – 1879 года рождения, уроженец д. Межево Межевской волости Красноярского уезда Енисейской губернии, из крестьян. Грамотный, середняк, женат, имел троих детей. В прошлом продавец винной лавки. Спасаясь от самосуда, обещанного местными крестьянами за самогонварение и конокрадство, преследуемый милицией, 1 февраля 1922 г. примкнул к остаткам олиферовского отряда «Банда», состоявшего сначала из 50–70 человек и дислоцировавшегося в районе д. Шошкино-Мостовая Красноярского уезда. «Банда» имела «идейные цели», члены её агитировали крестьян за созыв Учредительного собрания и уничтожение коммунистов. Вскоре после её разгрома, случившегося 15–16 февраля 1922 г., заменил умершего от ран в прошлом фельдфебеля и крестьянина Виноградова в качестве «главаря». Под его руководством находились 20–30 хорошо вооруженных конных «бандитов» из местных крестьян и бывших унтер-офицеров, действовавших в красноармейской форме и с книжками связистов из

26-й дивизии. Для их ликвидации посылался отряд в 250 сабель, а начальником отделения по борьбе с бандитизмом губернской чека Некрасовым, сопровождаемым 40 красноармейцами, были арестованы 13 пособников. Являлся организатором жестоких расправ над милиционерами и коммунистами, а также грабежей. Только в с. Межево «банда» разгромила волостной исполком, убила двоих милиционеров и ограбила 15–20 крестьян, а в с. Еловском сожгла 19 коммунистов и членов их семей. В апреле – мае того же года 130 повстанцев находились в основном в районе д. Казанцево и с. Шилы Большемуртинской и Шилинской волостей, укрывались населением и получали помощь со стороны лиц, служивших в советских органах. Разделившись на несколько групп, «банда» выезжала на грабежи, совершая налеты сразу на несколько селений, и, имея широкие связи, сбывала награбленное в Красноярске. Преследовалась коммунистами и милиционерами во главе с волостным милиционером Беляевым и уполномоченным ГПУ Никитиным. 7 сентября 1922 г. Саламатов был захвачен ченовцами из истребительного отряда И.И. Равдо, награжденного за эту операцию орденом Красного Знамени. 7 июня 1923 г. приговорён Енисейским губернским судом к расстрелу. Приговор, утверждённый ВЦИК, был приведён в исполнение в середине сентября того же года (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 13; Д. 288. Л. 3; Ф. 64. Оп. 5. Д. 335 а. Л. 5; ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 31. Л. 142; Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 159. Л. 376; МКУГМ «АГМ». Ф. 191. Оп.1. Д. 38. Л. 33; Красноярский рабочий. 1923. 5, 9 июня, 15 сентября; Бугаев Д.А., 1993. С. 253, 259; Северьянова Г.М., 1995. С. 60).

САМКОВ – деятель крестьянского повстанчества, из казаков, уроженец с. Белый Яр Ачинского уезда Енисейской губернии, хорунжий. В 1920–1922 гг. вместе с Другодем возглавлял повстанческую группу в Ачинском уезде. Убит 22 октября 1922 г. (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 311. Л. 36; Чекисты Красноярья, 1991. С. 168, 183).

СОЛОВЬЕВ Иван Николаевич – родился, примерно, в 1890 г., уроженец станицы Соленоозерной (или Форпост) Минусинского уезда Енисейской губернии, хотя имеются и другие данные, из семьи казаков-бедняков Николая Семёновича и Лукерьи Петровны Соловьёвых. Окончил сельскую школу. По воспоминаниям односельчан, «Ванька-Кулик», как звали Соловьёва в детстве из-за формы носа, был грамотным и православным, но отличался уличным хулиганством. В 1911 г. был призван на военную службу, которую проходил в отдельной казачьей сотне, преобразованной с началом Первой мировой войны в Красноярский казачий дивизион. Осенью 1915 г. сошёлся гражданским браком с А.Г. Осиповой, к тому времени потерявшей мужа, убитого на фронте. Во время антибольше-

Рис. 4. И.Н. Соловьёв
Fig. 4. I.N. Soloviev

вистского переворота 1918 г. был мобилизован в Сибирскую армию и служил во 2-й сотне I-го Енисейского казачьего полка. Летом того же года воевал с красными в Забайкалье. В апреле – июне 1919 г. старшим урядником принимал участие в боевых действиях против красных партизан, был ранен и находился на излечении в красноярском госпитале. С возвращением домой был арестован милицией и 5 мая 1920 г. приговорен к году лишения свободы в 1-м Красноярском концентрационном лагере. 9 июля того же года совершил, находясь на внешних работах, побег. Создал одну из многих «банд» в Ачинско-Минусинском регионе, с весны 1921 г. возглавил вооруженную и осуществляемую с переменным успехом борьбу местного населения с произволом коммунистов. Увеличиваясь порой до 500–650 человек, она являлась, по мнению чекистов, самой крупной «бандой» в данной местности. Очевидцы оставили о нем такую портретную характеристику: «Соловьёв плотный, среднего роста... Худощавое лицо с копной русых волос, аккуратный рот, обрамлённый небольшой подстриженной бородкой и усами, закрывающими крепкие зубы. Улыбка на лице его была редкая гостья, а если появлялась – была неприятна для говорившего с ним, что-то ласково-хищническое было в ней». Или: он был «росту невысокого, сложения прочного, исключительно подвижен и проворен. Волосы имеет рыжеватые, глаза голубые, нос хрящеватый, заостренный, носит казацкие усы. А голос у него командирский, громкий. Очень смел, хорошо стреляет». Среди повстанцев считался «монархистом», в действительности же четко выраженных политических убеждений не имел, но был честолюбив, осторожен, скрытен и предприимчив. Очевидцы вспоминали его как человека с сильным характером, храброго и не терявшегося в сложной обстановке, но не способного руководить массами в бою. В то же время они отмечали присущие ему скромность, мягкость и любезность в отношениях с населением. Летом 1921 г. выросшее повстанче-

ство заставило губернскую Советскую власть направить в инородческий район чрезвычайную полномочную комиссию, которая должна была обследовать деятельность советских, партийных и воинских учреждений и выявить причины этого явления. Но переговорный процесс не привел к полному замирению населения и созданию самостоятельного инородческого района, вскоре ставшего ареной военно-политической кампании по искоренению «бандитизма». Мелкие милицейские, коммунистические и красноармейские отряды подверглись замене частями 26-й Златоустовской стрелковой дивизии, а борьба с повстанчеством была возложена на части особого назначения (ЧОН). Действия представителей Советской власти вызвали в очередной раз побег населения в тайгу и появление новых повстанческих групп. В июне – июле 1922 г. произошло объединение под его командованием «банд» Мотыги, Кулакова и Родионова и создание действовавшего под российским монархическим знаменем Горно-конного отряда им. Великого князя Михаила Александровича, который состоял из двух эскадронов с четырьмя взводами, пулемётной, разведывательной и комендантской команд, а затем и «офицерского» караула. Находившееся под его командованием сообщество сагайских и кзыльских бывших конокрадов, охотников и беглецов, немногих бывших офицеров, казаков и местных интеллигентов выдвигало самые разные лозунги: «Беспощадная борьба с продовольственными органами!», «За Учредительное собрание!», «Бей жидов и коммунистов!», «За самостоятельность (или независимость) инородцев!», «За веру, царя и отечество!» и, наконец, «За беспартийные советы и против коммунистов!». Произведённый в «есаулы», поддерживал в отряде воинские порядки и строгую дисциплину, организовывал нападения на местных коммунистов, советские учреждения, перестрелки с чоновцами, грабежи обозов, продовольственных складов, соляных заводов, рудников и обществ потребительской кооперации.

Повстанцы угоняли из улусов лошадей, резали животных на пищу, забирали хлеб, муку и имущество. После комплекса мероприятий Советской власти, наконец склонившей на свою сторону часть коренного населения, в ноябре 1922 г. потерпел военное поражение и утратил главное зимовье. Лично отстреливаясь из пулемета и тем самым способствуя бегству повстанцев из района, контролируемого истребителями, в дальнейшем сумел оживить их движение. Но больших сил собрать ему уже не удалось, а образование в ноябре 1923 г. Хакасского уезда, в определённой степени удовлетворившее национальные интересы коренного населения, окончательно подорвало народную поддержку. Весной 1924 г. участвовал в работе Чебаковского районного съезда советов, бежал при попытке ареста. 24 мая того же года на переговорах о сдаче, инициированных чоновским командованием в ст. Солёноозерной, был захвачен врасплох и арестован. В советское время считался застреленным при попытке бежать. На самом деле погиб от рук карательного. Небольшие группы соловьёвцев существовали вплоть до 1926 г. На его могиле местными казаками воздвигнут православный крест (Шекшеев А.П., 2006. С. 217–236; Шекшеев А.П., 2014. С. 291–307).

ЧИХАЧЁВ Павел М. – деятель крестьянского повстанчества, из казаков станицы Алтайская Минусинского уезда Енисейской губернии. Вероятно, участник подавления Минусинского крестьянского восстания (ноябрь 1918 г.). 25 августа 1920 г. «за участие в расстрелах и службе у белых» Енисейская губернская чека приговорила его к годичному заключению в концлагере. Сначала находился в «банде» Родионова, затем – Соловьёва. Был его помощником. Убит вместе с Соловьёвым в ст. Солёноозерная 24 мая 1924 г. (ГАКК. Ф. 1743 с. Оп. 1. Д. 502. Л. 1; Отдел документов новейшей истории Государственно-казенного управления Республики Хакасия «Национальный архив» (ОДНИ ГКУРХ «НА»). Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 23).

ШАДРИН Илья Матвеевич (хакасское имя Матык, отсюда кличка «Мотыга») – 1891 года рождения, уроженец улуса

*Рис. 5. И.М. Шадрин-Мотыга
Из газеты «Власть труда». 1923. 23 декабря*

*Fig. 5. I.M. Shadrin-Motyga
From the newspaper "The power of labor".
1923. 23 December*

Чарков Синявинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, по национальности хакас. Неграмотный, беспартийный и семейный. Проживая в улусе Камышта, батрачил у бая, занимался конокрадством и был членом одной из повстанческих групп, отличался умением хорошо стрелять. С января 1922 г. создал собственную «банду». Летом того же года она действовала совместно с отрядом Соловьёва. В ноябре 1922 г. сдался чоновцам и в качестве добровольца в составе 4-го истребительного отряда участвовал в ликвидации «банды» Кийкова. В дальнейшем за дискредитацию Советской власти был арестован и в декабре 1923 г. выездной сессией Енисейского губернского суда осужден к расстрелу. 29 февраля 1924 г. этот приговор был утвержден Президиумом ВЦИК. Казнен в Минусинске (Шекшеев А.П. «Банда» Мотыги..., 2013. С. 144–151; Шекшеев А.П. Инородческие банды..., 2013. С. 698–715).

Статья поступила 21.03.2017 г.

Article was received in March, 21, 2017

Библиографический список

Бугаев Д.А. На службе милицейской. Красноярск, 1993. Кн. 1. Ч. 1. 350 с.

Елисеенко А., Мармышев А. Забытый ледяной поход // Сибирский исторический альманах. Красноярск, 2010. Т. 1. С. 147–151.

Красноярский рабочий. 1923. 5, 9 июня, 15 сентября.

Красноярский рабочий. 1923. 17, 18 ноября.

Северьянова Г.М. Крестьянские восстания в Сибири (осень 1920–1924 гг.). Красноярск, 1995. 90 с.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 612 с.

Чекисты Красноярья / сост. В.М. Бушув. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 1991. 414 с.

Шекшеев А.П. Военно-политические события в Ачинско-Минусинском районе в 1920–1921 гг. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2014. Вып.10. С. 291–307.

Шекшеев А.П. «Банда» Мотыги: к вопросу о характере крестьянского повстанчества начала 1920-х гг. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: Материалы Всеросс. науч.-теорет. конф., посвящ. Памяти проф. В.И. Дулова 26–27 апреля 2013 г.). Иркутск, 2013. С. 144–151.

References

Bugaev D.A. *Na sluzhbe militseiskoi* [In the service of the police]. Krasnoyarsk, 1993. Book 1. Part 1. 350 p.

Eliseenko A., Marmyshev A. *Zabytyi ledyanoi pokhod* [The Forgotten Ice Campaign]. *Sibirskii istoricheskii al'manakh* [Siberian Historical Almanac]. Krasnoyarsk, 2010. Vol. 1. Pp. 147–151.

Krasnoyarskii rabochii [Krasnoyarsk worker]. 1923. 5, 9 June, 15 September.

Krasnoyarskii rabochii [Krasnoyarsk worker]. 1923. 17, 18 November.

Sever'yanova G.M. *Krest'yanskie vosstaniya v Sibiri (osen' 1920–1924 gg.)* [Peasant uprisings in Siberia (autumn 1920–1924)]. Krasnoyarsk, 1995. 90 p.

Simonov D.G. *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk, 2010. 612 p.

Bushuev V.M. *Chekisty Krasnoyar'ya* [Chekists of Krasnoyarie]. Krasnoyarsk, 1991. 414 p.

Sheksheev A.P. *Voенно-politicheskie sobytiya v Achinsko-Minusinskom raione v 1920–1921 gg.* [Military-Political events in Achinsk-Minusinsky District in 1920–1921]. *Voенно-istoricheskie issledovaniya v Povolzh'e* [Military-historical research in the Volga region]. Saratov, 2014. Iss. 10. Pp. 291–307. (In Russian)

Sheksheev A.P. «Banda» Motygi: k voprosu o kharaktere krest'yanskogo povstanchestva nachala 1920-kh gg. ["Banda"] Hoes: to the question of the nature of the peasant rebellion of the early 1920's]. *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremenost' : Materialy Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora V.I.Dulova 26–27 aprelya 2013 g.* [Siberia in a changing world. History and modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific-Theoretical Conference devoted to the memory of the Professor V.I.Dulov, April, 26–27, 2013]. Irkutsk, 2013. Pp. 144–151. (In Russian)

Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. 593 с.

Шекшеев А.П. Инородческие банды на юге Приенисейской Сибири в начале 1920-х гг. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и материалов. М., 2013. С. 698–715.

Шекшеев А.П. К вопросу о типологической общности и региональной специфике крестьянского повстанчества начала 1920-х гг. // Мир Евразии. 2013. № 1. С. 65–70.

Шекшеев А.П. Неизвестный «сибирский Корнилов» и его поход // Сибирские огни. 2016. № 10. С. 160–171.

Шекшеев А.П. Хасхы Селиверст Астанаев: к вопросу о характере крестьянского повстанчества // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI вв.: Материалы Всеросс. науч. конф. (27–28 сентября 2013 г.). Абакан, 2013. С. 63–68.

Шишкин В.И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. 585 с.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», Красноярской Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-

Sheksheev A.P. *Grazhdanskaya smuta na Enisee: pobediteli i pobezhdennye* [Civil Disemper on the Yenisei: Winners and Defeated]. Abakan, 2006. 593 p.

Sheksheev A.P. *Inorodcheskie bandy na yuge Prieniseiskoi Sibiri v nachale 1920-kh gg.* [The alien gangs in the south of the Yenisei Siberia in the early 1920s.]. *Krest'yanskii front 1918–1922 gg. Sb. statei i materialov* [Peasant Front in 1918–1922. Collection of the articles and materials]. Moscow, 2013. Pp. 698–715. (In Russian)

Sheksheev A.P. *K voprosu o tipologicheskoi obshchnosti i regional'noi spetsifike krest'yanskogo povstanchestva nachala 1920-kh gg.* [To the question of the typological generality and regional specificity of the peasant rebellion of the early 1920s]. *Mir Evrazii* [World of Eurasia]. 2013. No. 1. Pp. 65–70. (In Russian)

Sheksheev A.P. *Neizvestnyi «sibirskii Kornilov» i ego pokhod* // *Sibirskie ogni*. 2016. No 10. Pp. 160–171. (In Russian) [Unknown "Siberian Kornilov" and his campaign] // [Siberian lights]

Sheksheev A.P. *Khaskhy Seliverst Astanaev: k voprosu o kharaktere krest'yanskogo povstanchestva* [Hashi Seliverst Astanayev: on the nature of the peasant insurgency]. *Khakasskii etnos na rubezhe XX–XXI vv. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (27–28 sentyabrya 2013 g.)*. [Khakass ethnos at the turn of the 20th–21st centuries. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (September, 27–28, 2013)]. Abakan, 2013. Pp. 63–68.

Shishkin V.I. *Sibirskaya Vandeya: vooruzhennoe soprotivlenie kommunisticheskomu rezhimu v 1920 godu* [Siberian Vendee: armed resistance to the communist regime in 1920]. Novosibirsk, 1997. 585 p.

Information about the author

Aleksandr P. Sheksheev, candidate of historical sciences, member of the Direction of Khakass Republic Organization “Society Memorial”, Krasnoyarsk Diocesan Commission for the Canonization of Saints and the Church-

историческому наследию,
Российская Федерация, 655017, Республика
Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49,
e-mail: Turan47@yandex.ru

Historical Heritage,
49, 59, Schetinkin Str., Abakan, Republic
Khakassia, 655017, Russian Federation,
e-mail: Turan47@yandex.ru

Критерии авторства

А.П. Шекшеев выполнил исследова-
тельскую работу, на основании полученных
результатов провел обобщение и подгото-
вил рукопись, имеет на статью авторские
права и несет ответственность за плагиат.

Attribution criteria

Sheksheev A.P. made the research work,
on the basis of the results conducted a compi-
lation, prepared the manuscript for publication,
he owns the copyright on this article and solely
responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфлик-
та интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article

УДК 930:355/359.07

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-132-147

ИСТОРИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ И ЗАСТРОЙКИ ВОЕННОГО ГОРОДКА № 19 В ИРКУТСКЕ

© Н.А. Скорикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В 2009 г. в Иркутске было расформировано Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище (ИВВАИУ). После ликвидации осталось 73 объекта общей площадью более 100 тыс. кв. м. 10 объектов являются памятниками архитектуры. Сейчас учебные и административные корпуса, казармы, общежития и другие объекты находятся в плачевном состоянии.

В ходе исследования были выявлены основные этапы застройки военного городка № 19, которая велась на протяжении почти ста лет. Развитие инфраструктуры городка происходило по мере развития учебного заведения, поэтому его отличает исключительное удобство, соответствие потребностям как военного, так и гражданского населения. Этот бесценный опыт может быть использован современными специалистами при создании подобных объектов.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутск, военный городок, казарма, Иркутский кадетский корпус, юнкерское училище, военное училище.

Формат цитирования: Скорикова Н.А. История планирования и застройки военного городка № 19 в Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 132–147. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-132-147

HISTORY OF PLANNING AND BUILDING OF MILITARY SETTLEMENT No. 19 IN IRKUTSK

© N.A. Skorikova

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

In 2009, the Higher Military Aviation Engineering School was disbanded in Irkutsk. After the liquidation, 73 objects with a total area of more than 100 thousand square meters remained. 10 objects are architectural sites. Now the educational and administrative buildings, barracks, dormitories and other facilities are in a deplorable state.

In the course of the study, the main stages of the construction of the military settlement No. 19, which was conducted for almost a hundred years, were identified. The development of the infrastructure of the town took place as the educational institution developed, so it is distinguished by its exceptional convenience, compliance with the needs of both the military and civilian populations. This invaluable experience can be used by modern specialists when creating such objects.

Keywords: Eastern Siberia, Irkutsk, military settlement, barracks, Irkutsk cadet corps, cadet school, military school

Citation format: Skorikova N.A. History of Planning and Building of Military Settlement No. 19 in Irkutsk. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 132–147. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-132-147

История города Иркутска неразрывно связана с историей военного образования в Иркутской области. Наш город может гордиться своим опытом подготовки военных кадров. Однако историография данной проблемы охватывает, прежде всего, вопросы организации и управления военным образованием в России и отдельных военных округах, в системе подготовки военных кадров, воспитания и досуга личного состава военных учебных заведений¹. Исследований же, посвященных истории и опыту планирования и застройки военных городков, практически нет. Можно, пожалуй, упомянуть статьи Р.С. Авилова, посвященные истории Иркутского военного округа (Авилов Р.С., 2014. С. 26–32) и войсковым строительным комиссиям в Иркутском военном округе начала XX века (Авилов Р.С., 2016. С. 42–63).

Истории Иркутского высшего военного авиационного училища, действующего на

базе военного городка № 19, о котором пойдет речь в этой статье, посвящена диссертация² и ряд статей Г.А. Островского (Островский Г.А., 2008. С. 381–385).

Как основной источник информации для данного исследования использована книга В.М. Полюха и В.Г. Стаханова «Не прерывать традиций нить» (Полух В.М., Стаханов В.Г., 1991). В ней отражены важнейшие события, связанные с деятельностью училища до 1991 г. Благодаря этому труду мы смогли выявить основные периоды застройки военного городка № 19.

Для воссоздания более полной картины проводились личные беседы с бывшим начальником училища, кандидатом технических наук, почетным работником высшей школы, генерал-майором запаса А.Г. Барсуковым; с членами совета ветеранов ИВВАИУ полковником в отставке С.Н. Кузнецовым, полковником запаса М.И. Лайковым, майором запаса А.А. Ачкиным и другими (Архив автора). С.Н. Кузнецов любезно предоставил схемы и планы городка, составленные Военпроектом (рис. 1).

За период своего существования Иркутское военное училище несколько раз меняло название. Этот факт позволяет безосновательно выделить периоды его существования как военно-образовательного заведения (табл. 1).

Следует отметить, что застройка военного городка, на территории которого располагалось Иркутское военное училище, начиналась еще в XX веке, и его история является своего рода продолжением истории создания Иркутского кадетского корпуса и Иркутского юнкерского училища.

¹ Например: Астраханцев О.Н. Военно-учебные заведения Сибири (1813–1917 гг.) : автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.Н. Астраханцев. Иркутский гос. ун-т. Улан-Удэ, 2009; Рашупкин Ю.М. Иркутский военный округ (1884–1917 гг.) : дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.М. Рашупкин; Иркутский Гос. Ун-т, Иркутск, 1999; Федорова Т.В. Быт и досуг офицеров Сибирского военного округа второй половины XIX – начала XX века // Четвертые университетские социально-гуманитарные чтения 2010 года: в 3 т. Т. 2. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 22–27; Чернаков В.В. Исторические аспекты создания и развития системы кадетских корпусов в России: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2002.

For example: Astrakhansev O.N. Military educational institutions of Siberia (1813–1917): The author's abstract. Dis ... cand. hist. sciences: 07.00.02 / O.N. Astrakhansev. Irkutsk State University. Ulan-Ude, 2009; Raschupkin Yu.M. The Irkutsk Military District (1884–1917): dis ... cand. hist. sciences: 07.00.02 / Yu.M. Raschupkin; Irkutsk State University, Irkutsk, 1999; Fedorova T.V. Life and leisure of the officers of the Siberian military district of the second half of the XIX – beginning of the XX century // The fourth university social and humanitarian readings of 2010: 3 volumes. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2010. Pp. 22–27; Chernakov V.V. Historical aspects of the creation and development of the system of cadet corps in Russia: dis cand. hist. sciences: 07.00.02. SPb., 2002.

² Островский Г.А. История военного образования в Иркутской области : XIX – начало XXI вв. : дис ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Островский Г.А. Иркутск, 2008. 256 с.
Ostrovsky G.A. History of military education in the Irkutsk region: XIX – the beginning of the XXI centuries. : Dis ... cand. hist. sciences: 07.00.02 / Ostrovsky G.A., Irkutsk, 2008. 256 p.

Таблица 1
Table 1**Официальные наименования Иркутского военного училища с 1931 по 2008 гг.**(составлено по: <http://ivaii.irk.ru/history.html> (Дата обращения 05.01.2017))**Official names of the Irkutsk Military School From 1931 to 2008**(Compiled by: <http://ivaii.irk.ru/history.html> (Date of circulation 05. 01 2017))

Годы Years	Наименование Name	Принятая аббревиатура Accepted abbreviation
1931–1938	4-я Иркутская военная школа авиационных техников 4 th Irkutsk Military School of Aviation Technicians	ВШАТ IMSAT
1938–1941	Иркутское военное авиационно-техническое училище Irkutsk Military Aviation Technical School	ИВАТУ IMATS
1941–1949	Иркутская военная школа авиационных механиков Irkutsk Military School of Aviation Mechanics	ИВШАМ IMSAM
1949–1975	Иркутское военное авиационно-техническое училище Irkutsk Military Aviation Technical School	ИВАТУ IMATS
1975–1998	Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище Irkutsk Higher Military Aviation Engineering School	ИВВАИУ IHMAES
1998–2005	Иркутский военный авиационный инженерный институт Irkutsk Military Aviation Engineering Institute	ИВАИИ IMAEI
2005–2008	Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище Irkutsk Higher Military Aviation Engineering School	ИВВАИУ IHMAES

Конечно, с точки зрения развития военного образования в Иркутске военное училище советского периода не может считаться приемником предшествующих военно-образовательных заведений, однако с точки зрения планирования и застройки военного городка у них прослеживается общая историческая судьба.

Изыскание оптимального земельного участка для строительства кадетских казарм и учебных корпусов представители иркутского самоуправления и военного ведомства вели совместно. Для этого была создана специальная комиссия, в которую, в частности, входил член городской управы, городской землемер Н.И. Григорьев и начальник Иркутской военной инженерной службы полковник С.К. Афанасьев. Параллельно шли изыскания территории под юнкерское училище.

В конце июля 1910 г. Иркутская Городская Дума приняла решение о передаче Военному ведомству 16 десятин на правом берегу р. Ангары вблизи р. Ушаковки. Несколькими позже, в январе 1912 г. Военное ведомство подобрало участок и для юнкерского училища. Он располагался в непосредственной близости с будущим кадетским корпусом. Это были кварталы, расположенные между улицами Загоскинской (сегодня – улица Ядринцева) на западе и Вагинской на востоке, Первой Иерусалимской улицей (сегодня – 1-я Советская) на севере и Третьей Иерусалимской (сегодня – улица Трилисера) на западе. С точки зрения планирования застройки – это значительно сэкономило средства на затраты по проведению водопровода и строительства электростанции. Восточная сторона была смежной с участком, отведенным кадетскому корпусу.

Здания Иркутского кадетского корпуса предполагалось строить по проекту Владикавказского кадетского корпуса (рис. 2). Причем здания для обоих иркутских учебных заведений (юнкерского училища и кадетского корпуса) мыслились в виде единого архитектурного ансамбля. Отведенные под них территории были смежными, их разделяла небольшая речка, впадавшая в реку Ушаковку. Название этой речки в памяти не осталось, однако для жителей военного городка в более поздний период она стала именоваться Иватушкой. Само место представляло собой относительно ровный участок, причем довольно живописный: здесь цвели черемуховые рощи.

Решения по указанным вопросам не принимались мгновенно. Основные работы на стройке должны были быть завершены к началу учебного 1915–1916 года. На деле начало строительных работ задерживалось в связи с поиском необходимых денежных средств. Только летом 1914 г. ГУ ВУЗ открыло кредит на покупку земли под строи-

тельство юнкерского училища. Руководство стройкой было поручено одному из самых известных иркутских архитекторов, гражданскому инженеру Александру Петровичу Артюшкову (рис. 3).

На протяжении осенне-зимнего периода рубежа 1914–1915 гг. шел набор рабочих из местных и иногородних жителей, строились бараки, склады, конный двор. Активно шла заготовка строительных материалов. На стройке были созданы: столярная мастерская, слесарная мастерская, паровая лесопилка, кузница.

Осуществлению намеченным планам помешала I Мировая война. Многие из тех, кто был задействован на стройке, были мобилизованы в российскую армию, некоторые отправлены на фронт. Чтобы восполнить потерю рабочих рук, подрядчики завезли на стройку свыше двухсот китайских рабочих, а несколько позднее – и около ста человек из военнопленных австро-германских солдат. Задействованы были также беженцы и ссыльнопоселенцы.

*Рис. 2. Здание главного Владикавказского кадетского корпуса, по образцу которого производилось планирование и постройка корпусов военного училища в Иркутске. Начало XX века
Фото с сайта <http://khalinin.livejournal.com/3070.htm>*

Fig. 2. The building of the main Vladikavkaz cadet corps, modeled on the planning and construction of the military school buildings in Irkutsk. The beginning of XX century. Photo from the site <http://khalinin.livejournal.com/3070.html>

Вот как выглядел штат строителей Иркутского юнкерского училища и Иркутского кадетского корпуса (табл. 2).

*Таблица 2
Table 2*

Штат строителей Иркутского юнкерского училища

(составлено по: Полюх В.М., Стаханов В.Г., 1991. С. 50–52)

The staff of the builders of the Irkutsk Junker College

(Compiled by: Polyukh V.M., Stakhanov V.G., 1991. P. 50–52)

Категория Category	Численность (чел.) Number of people
Мужчины Men	1067
Женщины Women	172
Подростки Teens	21
Занятые на строительном объекте кадетского корпуса Employed at the construction site of the Cadet Corps	554
Занятые на строительном объекте юнкерского училища Employed at the construction site of the junker school	706
Всего Total	1260

Не обошлось и без несчастных случаев. 24 января 1917 г. в 5 часов утра в строящемся здании кадетского корпуса вспыхнул пожар. Горела крыша. Убыток на этот раз составил около 50 тыс. рублей (Романов Н.С., 1994. С. 230).

Невозможно точно определить, когда строительство на площадке будущего военного городка окончательно остановилось. Вероятнее всего, произошло это весной 1917 г., после того как в Иркутск дошли сведения о свершившейся в Петрограде ре-

Рис. 3. Александр Петрович Артюшков (1867–1938) – архитектор, гражданский инженер, педагог и общественный деятель. Руководил строительством зданий военного училища в Иркутске

Fig. 3. Alexander Petrovich Artyushkov (1867–1938) – architect, civil engineer, pedagogue and public figure. He supervised the construction of military school buildings in Irkutsk

волюции и свержении самодержавия в России.

Однако мы знаем, что в итоге за 2,5 года было сооружено 13 зданий, практически все из них сохранились до наших дней: главное здание, канцелярия, баня и прачечная, лазарет, пеший манеж, флигель для семейных служащих, шесть офицерских флигелей, т. е. немного больше половины из того, что было запланировано. Но и это нужно рассматривать как большое достижение, учитывая время, в которое происходили указанные события.

Осенью 1918 г. деятельность Иркутского военного училища была возобновлена. Состоялось несколько выпусков. Училище прекратило существование после событий

января 1919 г., связанных с сопротивлением колчаковскому режиму.

Эти чрезвычайные условия, которые дополняются последующими событиями Гражданской войны, сделали невозможным продолжение каких бы то ни было строительных работ.

Забвение Иркутского военного городка продолжалось и во время существования так называемой Белой Сибири, возглавляемой сначала Временным Сибирским правительством, а затем Колчаком, и после свержения Колчака, и в первые годы советской власти в стране. В 1920 г. стройка была законсервирована.

Но отстроенные здания кадетского корпуса не пустовали. До 1924 г. в них располагалась Иркутская пехотная школа командиров Красной армии. Недостроенные здания училища передавались в ведение Иркутского государственного университета.

Долгие десятилетия уже построенные здания подвергались разграблению со стороны местного населения. Были сняты двери, выбиты оконные рамы, вынесено все, что могло стать товаром или пойти на топку. С таким трудом отстроенные здания начали ветшать, а местами и разрушаться под давлением природных стихий.

Так закончился первый этап истории, связанный со строительством военного городка в Иркутске.

Второй этап связан уже с советским периодом нашей истории.

В начале 1920 г. был ликвидирован Иркутский кадетский корпус. Затем началась и реорганизация военного училища. По факту как военно-образовательное учреждение оно больше не работало.

Однако, прежде всего, было необходимо разобраться с хозяйственной частью, но именно с этим возникли существенные трудности. Несмотря на то, что была создана новая строительная комиссия, которую также возглавил инженер А.П. Артюшков, стройка была заморожена: на строительство новых корпусов просто не было средств. Перед руководством страны стояла и без

такого сложная задача восстановления народного хозяйства, разрушенного Гражданской войной.

На этом фоне в марте 1920 г. иркутские власти приняли решение о передаче законсервированной стройки в ведение Народного комиссариата просвещения. К этому времени здания училища были бесхозными вот уже десять лет. Неудивительно, что они, как и вся территория городка, находились в ужасном состоянии: «Окраска крыш выгорела, железо начало ржаветь; местами крыши были повреждены или не покрыты; оконные и дверные проемы открыты, и дождь и снег проникают в здания и под фундамент, в результате отмечены случаи осадки фундаментов и трещины в стенах» (Полюх В.М., Стаханов В.Г., 1991. С. 21). Сама строительная площадка превратилась в мрачный, грязный пустырь, зараставший густым бурьяном.

Время шло, и перед Советским правительством встала серьезная проблема в обеспечении военной безопасности Сибири и Дальнего Востока. Проблемой поиска оптимального местоположения будущего авиационного военного образовательного учреждения в Сибири занимался непосредственно Председатель Реввоенсовета СССР, Народный комиссар по военным и морским делам К.Е. Ворошилов. В 1929 г. он совершил рабочую поездку по сибирским гарнизонам и вынес решение о дислокации будущей школы военных авиационных техников в Иркутске (рис. 4). Официальным Днем рождения Иркутской школы авиатехников считается 1 мая 1931 г. Начальником был назначен военный комиссар И.И. Михайлов. В короткие сроки соответствующая территория была передана в ведение Наркомата обороны. Начались расчетные и проектные работы.

Объем работ представлялся чрезвычайно большим. Было необходимо в первую очередь произвести экспертизу сохранившихся зданий и сооружений. На основе исследований – составить план восстановления старых и строительства новых объектов, произвести максимально точные рас-

Рис. 4. Картина М.М. Иманаева «Ворошилов в Иркутске». До сих пор она хранится в помещении музея ИВВАИУ

Fig. 4. Picture painting by M.M. Imanaev "Voroshilov in Irkutsk". Until now, it is stored in the premises of the Museum of IHMAES

четы материального и технического обеспечения строительства. На следующем этапе стояли задачи по созданию учебно-методической базы образовательного процесса, оборудованию учебных аудиторий и лабораторий.

Осень – зима 1932 г. стали настоящим испытанием для училища. Военстрой не справлялся с поставленными задачами, сроки строительства отодвигались. В конце ноября произошло чрезвычайное происшествие: в левом южном крыле главного корпуса, где располагались спальные помещения рот, обвалилось чердачное перекрытие. Под тяжестью обрушившейся конструкции не выдержали межэтажные перекрытия и даже пол первого этажа. Тогда погибли 8 курсантов, 11 получили серьезные травмы (Полюх В.М., Стаханов В.Г., 1991. С. 34).

Ситуация изменилась уже к середине и окончательно наладилась в конце 30-х годов. Главным образом был достроен и отремонтирован уже имеющийся фонд. На протяжении 40-х гг. никакие строительные работы на территории городка не производились.

Активное строительство развернулось на территории Иркутского военного училища уже в послевоенное время, в основном в 50-е годы. Тогда производился ремонт старого и строительство нового жилого фонда училища, было закончено возведение ограждения вокруг городка, значительно выросло число всевозможных хозяйственных построек. Практически все здания и сооружения были каменными.

Чтобы понять масштабы строительства, особое внимание в данной статье уделим

описанию главного корпуса (учебный корпус № 1), в котором размещалась учебная зона, социально-вспомогательные помещения, библиотека (рис. 5).

Здание начали возводить не ранее 1914 г., временем же окончания его строительства условно можно считать начало 1930-х годов. Общий строительный объем корпуса составляет 126 106 кубометров и общей площадью 18 609 кв. м.

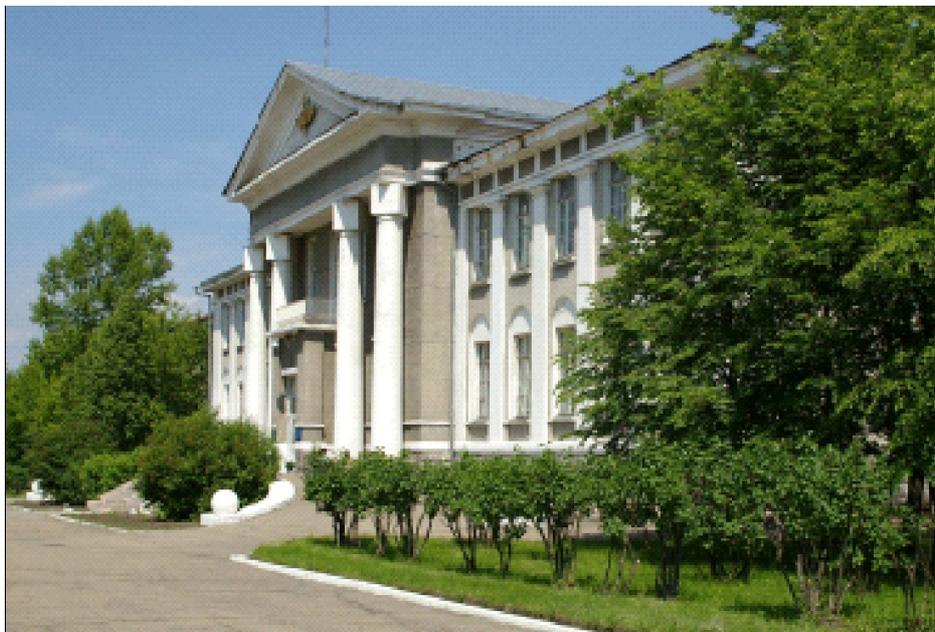
Здание в два этажа с цокольным этажом построено в виде буквы «Ш». Все корпуса (крылья) взаимосвязаны. Центральный вход расположен в центре западного фасада, снабжен тамбуром с естественным освещением. По периметру здания имеются дополнительные входы с тамбурами.

Северное и южное крыло изначально использовались как учебные помещения. Из схемы здания видно, что они идентичны. В них располагались учебные аудитории, лекционные залы, помещения, приспособленные под лаборатории. Во время учебного процесса здесь одновременно свободно размещалось около 1200 курсантов. Часть первого этажа южного крыла использовалась под библиотеку, читальный зал и книгохранилище. На втором этаже

была устроена секретная библиотека.

Архитектура центрального крыла отличается. От центрального входа начинается парадная мраморная лестница шириной около 5 м, ведущая на первый и, через коридор, на второй этаж. По периметру лестничного проема на втором этаже расположены колонны, высотой 5 м. Колонны упираются в купольный свод, украшенный барельефами. К сожалению, художественное убранство пострадало в ряде пожаров, однако эта часть здания до сих пор выглядит величественно и торжественно (рис. 6).

Парадная лестница ведет в зал на втором этаже, который, вероятно, при строительстве здания планировался как зал для проведения праздничных мероприятий и других воинских ритуалов. Площадь зала – 700 кв. м, высота потолков – 12 м. Пол выложен плитам из мраморной крошки. В центре пола – мозаичное изображение красной звезды. Зал получил неофициальное название «греческий», т. к. в каждом оконном проеме устроены пилястры, что придает залу особо торжественный вид. В бытность ИВВАИУ там был устроен самолетный зал, в котором были самолеты в полной сборке, 4 действующих самолета, в

*Рис. 5. Фасад главного корпуса. Фото из архива С.Н. Кузнецова, относящееся к концу 1990-х гг.
Fig. 5. Facade of the main building. Photo from the archive of S.N. Kuznetsov, belonging to the late 1990-s.*

Рис. 6. Парадный вход главного корпуса, мраморная лестница, ведущая в «греческий зал», пострадавшая при пожаре в 2014 г.

Fig. 6. The main entrance of the main building, a marble stairs leading to the "Greek Hall", damaged in the fire in 2014

том числе и МИГ-29. Эта часть здания также пострадала от пожара: обвалилась крыша.

На первом этаже, под «греческим залом», расположен другой зал, названный «колонным». Название не случайно: на расстоянии 4,5 м от стен и 3 м друг от друга в два ряда выстроены 8 квадратных в сечении колонн. Они являются элементами несущего остова. Высота зала – 3,8 м. Здесь также располагался самолетный зал.

Особого внимания заслуживают окна. Ширина оконных проемов на всех этажах составляет 1,5 м, высота – не менее 2 м, расстояние между окнами – 1,5 м. Окна расположены по всему периметру здания, всего их, не считая окон на цокольном этаже, – свыше 350. Эта архитектурная особенность здания не только обеспечивает естественное освещение на протяжении практически всего светового дня, но и делает здание при его габаритах визуально менее массивным.

Архитектура здания позволила организовать два независимых друг от друга плаца во внутренних дворах здания с восточной стороны. Изолированность плацев позволяла проводить учения сразу нескольких подразделений. Скорее всего, при строительстве здания так и планировалось, однако наличие плацев в казарменной зоне позволило командованию училища от них отказаться и превратить эту территорию в парковую зону. Там до сих пор растут тополя, яблони, березы.

В целом, планировка здания, построенного в начале XX века для юнкеров, продумана таким образом, чтобы удовлетворять потребности, связанные с воинским уставом. Например, ширина коридоров составляет в среднем 6,15 м, т. е. они, во-первых, настолько широкие, чтобы была возможность проводить построения, и, во-вторых, по ним свободно могли передвигаться строем встречные потоки контингента. Это, безусловно, является преимуществом, т. к. отвечает требованиям внутреннего распорядка СВУ.

Уникальным объектом является и клуб училища. Его строительство было начато в 1912 г. Общая площадь здания составляет 4 234 кв. м, вместимость – 980 человек. Здание двухэтажное, состоит из двух частей:

1. Главный корпус клуба. Его площадь – 3 309 кв. м. На первом этаже здесь располагались: холл, раздевалка, туалеты, производственные помещения, а на втором этаже – центральный холл, через который посетители попадали во вторую часть здания.

2. Пристрой клуба. Его площадь – 925 кв. м. Состоит он из просторного парадного зала, в котором проходили различные торжественные мероприятия, и концертного зала с оркестровой ямой, который одновременно являлся и кинозалом на 400 мест. Пристрой не делен на этажи, поэтому высота потолков составляет от 7 до 12 м.

В 1970-е годы командование училища обратило внимание на необходимость благоустройства городка. Активно строились жилые корпуса для офицеров и их семей, производилось озеленение. Ответственным за эти мероприятия был заместитель начальника училища по материально-техническому обеспечению И.И. Шитиков, а позднее – А.Г. Скосырский (Полух В.М., Стаханов В.Г., 2008. С. 207–208). В это же время несколько двухэтажных каменных жилых зданий были переоборудованы под штаб № 2 (на схеме инв. № 8) и гостиницу (на схеме инв. № 12).

В 1975 г. Иркутскому военному авиационному техническому училищу было присвоено звание высшего. Одной из проблем периода реорганизации училища в высшее военное учебное заведение была оптимизация учебного процесса, чему должны были соответствовать учебные помещения. Например, в ИВАТУ все виды занятий проводились с одним классным отделением, а высшее учебное заведение предполагало чтение лекций потоку. Поэтому впервые появилась необходимость в создании так называемых поточных (лекционных) аудиторий, вместимостью в 100 и более человек.

Для решения этих задач был составлен генеральный пятилетний план реорганизации на 1975–1980 гг. Был создан внештатный отдел капитального строительства во главе с Л.В. Коссинским, а затем А.Н. Селенчуком. В кратчайшие сроки институт получил 10 лекционных аудиторий, а в течение 5 лет и несколько прекрасно оборудованных лабораторий. Были созданы аудитории курсового и дипломного проектирования, переоборудованы библиотеки.

Всего за 4 года был проделан невероятный объем работ, причем ни на день не останавливался учебный процесс. Вот что было сделано в период весна 1976 – осень 1980 гг.

Подрядным способом:

- построены 3 жилых пятиэтажных дома № 181, 182, 183;
- возведены 3 трансформаторные подстанции, которые подавали электричество в учебные и жилые помещения;
- достроена и сдана в эксплуатацию столовая (на схеме инв. № 177);
- построено караульное помещение с учебным классом и караульным городком с гауптвахтой (на схеме инв. № 202);
- отсыпана и заасфальтирована автомобильная дорога;
- одно из зданий было реконструировано под детский сад (он функционирует по сей день) (на схеме инв. № 11);
- одно из зданий реконструировано под офицерское общежитие (на схеме инв. № 12);
- началось строительство поликлиники (на схеме инв. № 189).

Хозяйственным способом:

- построен контрольно-пропускной пункт (на схеме инв. № 203);
- возведена станция испытания авиационных двигателей МИСС (на схеме инв. № 207);
- учебный корпус для кафедры № 11;
- тренажерный корпус (на схеме инв. № 211);
- пожарное депо (на схеме инв. № 188);

– стоянки самолетов.

Практически все строения соответствуют современным нормам проектирования.

Трудно удержаться и не отметить уникальность многих из этих объектов.

Например, столовая одновременно принимала полторы тысячи человек, обеспечивая три смены блюд, при этом, естественно, соблюдались все санитарные нормы. Само здание очень хорошо освещено, снабжено системой вентиляции. Досконально продумана планировка хозяйственных помещений.

Вблизи столовой располагались необходимые склады (на схеме инв. № 172, 174), два овощехранилища (на схеме инв. № 127, 164) и даже квашпункт, в котором производилось квашение капусты, маринование других овощей (на схеме инв. № 171).

Особого внимания заслуживает и поликлиника с прекрасно оснащенными кабинетами и лабораториями, стационаром и инфекционным отделением (всего на 50 койко-мест). Несмотря на небольшую площадь (2079 кв. м), в ней даже располагалась грязе- и водолечебница, чем не могло похвастаться ни одно военное учебное заведение страны.

С не меньшим энтузиазмом производилось озеленение городка. Вдоль дорог высаживались акации и тополя, оформлялись клумбы перед учебными корпусами, штабом и в жилой зоне.

Таким образом, намеченный пятилетний план был полностью выполнен.

Окончательно сформировался архитектурный облик военного городка. Он состоял из двух частей: служебной и жилой территории. Служебная зона состояла из отдельно-стоящих территорий.

В западной части располагалась казарменная зона и часть учебных корпусов, главный плац № 1 (на нем принимали присягу и прощались со знаменем выпускники), столовая, банно-прачечный комбинат и различные хозяйственные постройки. В восточной части расположился огромный

учебный комплекс, снабженный библиотеками, лабораториями, мастерскими. Там же находился клуб.

Западные и восточные корпуса соединялись дорогой, которую жители городка называли курсантской. Здания на данной территории расположены компактно. Штаб, все учебные корпуса, клуб соединены удобными переходами, что делало учебные и вспомогательные корпуса монолитным архитектурным сооружением и обеспечивало свободное перемещение личного состава внутри всего комплекса. Общим недостатком практически для всех зданий, расположенных на данной территории, являлись деревянные перекрытия, что привело к нескольким пожарам, происходящим в учебных корпусах, которые привели к обрушению крыши в центральном крыле корпуса № 1 и в учебном корпусе.

Между ними, по обеим сторонам курсантской дороги, располагались жилые дома, детские площадки. Кроме того, к северу от дороги находились военоторговские магазины: продуктовый, хозяйственный, детский мир. К югу от дороги находился штаб № 2, офицерское общежитие, гостиница, детский сад.

Центральное место в городке занимал стадион. На нем проводились многочисленные спортивные и праздничные мероприятия. Доступ к спортивным сооружениям был у всех жителей городка. Особой гордостью стала полоса препятствий, на которой одновременно производилось 5 стартов.

В начале 90-х гг. было закончено строительство тир-манежа. Представляет он собой спортивный зал с беговой дорожкой на 100 метров, который полностью находится под землей. С южной стороны к нему примыкает трехэтажное здание, где располагались кабинеты и раздевалка, а два его этажа также расположены под землей (инв. № 210). До сих пор на стадионе имеется футбольное поле, окруженное беговыми дорожками, зрительские трибуны, теннисный корт, каток, гимнастические тре-

нажеры (тогда гимнастический городок был рассчитан на 120 мест).

Новый статус училища требовал отселения курсантов старших курсов из казармы в общежитие. Так, в 1983 г., в казарменной зоне появилось два пятиэтажных панельных жилых здания (на схеме инв. № 190, 191). В комнаты общежития селились по три-четыре человека. Корпуса были благоустроены, в каждом предусмотрен тренажерный зал, комната отдыха. Дизайном комнат занимались сами курсанты.

90-е годы XX в. были сложными для всей страны. С развалом СССР рушились многие системы, в том числе и система военного образования. В тот период главным для командования училища стало сдерживание разрушительных тенденций, которые диктовало время. В 1993 г. было выстроено здание под залы дипломного проектирования. Хотя в архитектурном плане оно несколько выбивалось из общей картины, нельзя не признать его функциональность.

Несмотря на отсутствие финансирования, были предприняты все усилия для поддержания хозяйственного порядка на территории городка. Конечно, без должного внимания и ремонта старые здания теряли прежний величественный облик, однако прочность их конструкций, оптимальная планировка военного городка ни у кого не вызывали сомнений.

Таким образом, удастся выделить определенные периоды в застройке военного городка.

Первый период охватывает 1910 – начало 1912 гг. Это так называемая предыстория, время, когда шло обсуждение вопроса о необходимости постройки специального городка для юнкеров и кадетов в Иркутске. Тогда осуществлялась процедура согласования действий в этом направлении со стороны военного ведомства и местных органов власти и самоуправления, производился отвод земли, составлялась проектная документация и расходные сметы.

Второй период – весна 1912 – весна 1917 гг. Это был трудный период для всей страны, в который произошли огромные

перемены в судьбе народов Российской империи. Но именно в годы Первой мировой войны и революционных потрясений в России происходило строительство первых зданий и сооружений на территории Иркутского военного городка. Среди них – главное здание (казарма для кадетского корпуса, площадью свыше 19 тыс. кв. м).

Третий период – время запустения недостроенного военного городка. Он не совпадает с исторической периодизацией и охватывает вторую половину **1917–1929 гг.**, т. е. время Гражданской войны и годы первых политико-экономических опытов большевиков (имеется в виду политика военного коммунизма и НЭП). По естественным причинам стройка была заброшена.

Так продолжалось до конца 1920-х годов. Оправданное желание Советского правительства укрепить Сибирь и Дальний Восток в военном отношении заставило вспомнить о забытой стройке.

С **1929 г.** начался очередной, **четвер-**

тый период, в жизни военного городка, связанный уже непосредственно с Иркутским авиационным техническим училищем, который **продолжался** вплоть до **1975 г.** Характерной чертой этого строительного периода являлось активное освоение и совершенствование уже имеющихся зданий и строений. Оборудуется автопарк и учебный аэродром.

1975 – конец 1990-х гг. – **пятый период**, который включает в себя знаменитую училищную пятилетку. В это время облик военного городка значительно преобразовался. Активно велось строительство не только зданий и помещений, предназначенных для обучения курсантов, но и расширялся жилой фонд, благоустраивалась территория.

В последующий (**шестой**) период, вплоть до закрытия училища, на территории городка строились исключительно жилые объекты, обустроивались детские площадки и преддомовые территории.

Рис. 7. Современное состояние учебного корпуса № 5. Фото автора
Fig. 7. The modern state of the educational building № 5. Photo of the author

2008 г. по сегодняшний день – дислокация на территории бывшего училища военной части спецназа № 55433, период запустения и разграбления объектов училища.

Гибельным для училища стал 2009 г. До сих пор до конца не ясны причины ликвидации ИВВАИУ. Буквально в течение месяца все здания и помещения были освобождены. Все было похоже на бегство. Поражает кощунство и безответственность тех ответственных лиц, которые затащили передачу территории и строений военного городка в муниципальное ведомство. Время для городка вернулось в начало прошлого века. Казармы и учебные корпуса – в плачевном состоянии, плацы разрушаются травой и деревьями, дороги не убираются и не ремонтируются, весной вырывается из подземного плена «река Иватушка», подмывая фундаменты жилых строений...

Статья поступила 08.01.2017 г.

Библиографический список

Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 12. С. 26–32.

Авилов Р.С. «Комиссии предстоит произвести...» Опыт организации работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе в 1908–1910 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 1 (18). С. 42–62.

Архив автора.

Островский Г.А. Иркутское военное авиационно-техническое училище (ИВАТУ) 1949–1975 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. С. 381–385.

После ликвидации училища осталось 73 объекта (среди которых учебные корпуса, клуб, типография, столовая, лазарет, пожарное депо и проч.) – общей площадью более 100 тыс. кв. м. 10 объектов являются памятниками архитектуры. В декабре 2015 – январе 2016 гг. корпус № 7 неоднократно горел, практически полностью уничтожена крыша, обрушены перекрытия (рис. 7).

На основании исследования мы можем сделать вывод о том, что застройка военного городка № 19 в Иркутске продолжалась на протяжении почти 100 лет. Развитие инфраструктуры городка происходило по мере развития учебного заведения, поэтому его отличает исключительное удобство, соответствие потребностям как военного, так и гражданского населения. К сожалению, сегодня этот уникальный комплекс, который мог бы служить городу и стране еще долгие годы, практически обречен на гибель.

Article was received in January, 08, 2017

References

Avilov R.S. *Irkutskii voennyi okrug (1884–1899, 1906–1918 gg.): stranitsy istorii* [Irkutsk Military District (1884–1899, 1906–1918): pages of history]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military-historical archive]. 2014. No. 12. Pp. 26–32. (In Russian)

Avilov R.S. “*Komissii predstoit proizvesti...*” *Opyt organizatsii raboty voiskovykh stroitel'nykh komissii v Irkutskom voennom okruge v 1908–1910 gg.* [“Commission is Going to Build...” The Experience of the Management of Work of the Force Building Commissions in Irkutsk Military District in 1908–1910]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2016. No. 1 (18). Pp. 42–62. (In Russian)

Arkhiv avtora [Archive of the author].

Ostrovskii G.A. *Irkutskoe voennoe aviatcionno-tekhnicheskoe uchilishche (IVATU) 1949–1975 gg.* [Irkutsk Military Aviation Technical School (IMATS), 1949–1975]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*

Полюх В.М., Стаханов В.Г. Не прерывать традиций нить: краткий исторический очерк ИВВАИУ / под ред. Б.И. Рожкова. Иркутск : ИВВАИУ, 1991. 301 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 560 с.

История училища ИВВАИУ. URL: <http://ivaii.irk.ru/history.html> (Дата обращения 05.01.2017)

Сведения об авторе

Скорикова Наталья Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: histor@istu.edu

Критерии авторства

Н.А. Скорикова провела исследование, на основании полученных результатов провела обобщение и написала рукопись. Н.А. Скорикова имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

[Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk, BGUEP Publ., 2008. Pp. 381–385. (In Russian)

Polyukh V.M., Stakhanov V.G. *Ne preryvat' traditsii nit': kratkii istoricheskii ocherk IVVAIU / pod red. B.I. Rozhkova* [Do not lose the thread of tradition: brief historical sketch of IHMAES]. Irkutsk, IVVAIU Publ., 1991. 301 p.

Romanov N.S. *Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg.* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe Publ., 1994. 560 p.

Istoriya uchilishcha IVVAIU [History of the school IHMAES]. Available at: <http://ivaii.irk.ru/history.html> (accessed 01.05.2017) (In Russian)

Information about the author

Natalia A. Skorikova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation, e-mail: histor@istu.edu

Attribution criteria

Skorikova N.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation and prepared the manuscript for publication. Skorikova N.A. owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегам)

2. Правила оформления.

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами; инициалы и фамилии авторов.

2.3. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 300–500 печатных знаков, не менее 4–5 строк, с указанием ключевых слов (5–6).

2.4. **Английский перевод** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов.

2.5. **Раздел «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК»**.

2.6. **Раздел «СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия Имя Отчество,

Степень, звание, должность,

Организация,

Почтовый адрес организации (страна, индекс, город, улица, здание),

e-mail

Information about the author

(англ.) **Имя О. Фамилия,**

(англ.) Степень, звание, должность,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна),

e-mail

3. Рекомендации по набору и оформлению текста.

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте:

(табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14).

После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы. По окончании статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Обязательно указание общего числа страниц издания или страничного интервала статей;

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам.

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации – с расширениями *JPEG, *BMP, *TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions.

The scholarly journal “Reports of the Laboratory of Ancient Technologies” is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure.

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **Heading** containing the title of the article typed in Times New Roman, semi-bold; author's first name and family name; the name of the organization and its postal address; author's e-mail.

2.3. **Abstract** should consist of 300–500 symbols, 4–5 lines, and include 5–6 key words. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.

2.4. Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.5. Section «**REFERENCES**».

2.6. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

3. Manuscript Format Guidelines.

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All *tables* should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to *archival* materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations.

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *JPEG, *BMP, *TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (22) 2017

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 30.03.17. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,5.
Тираж 500 экз. Заказ 92. Поз. плана 7н.

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83